

БОРЬБА КЛАССОВ

МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК С

РЕДАКЦИЯ: СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 11, ТЕЛ. 3-91-48 ИЗДАТЕЛЬ: ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ («Ог

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О ВОЙНЕ

Одной из важнейших составных частей ленинизма является тактика и стратегия рабочего класса в период войны, гениально разработанные В. И. Лениным.

Ленин пережил целый ряд войн. Само собой разумеется, что именно по вопросу о войне Ленин должен был вскрыть всю буржуазную ложь о войне так же, как он должен был вскрыть беспощадно оппортунизм меньшевиков всякого рода, мелкобуржуазных социалистов и демократов, выступающих от имени рабочего класса для того, чтобы предать рабочий класс в интересах буржуазии. Надо иметь в виду, что ни одно из явлений социального характера так не затуманено всякого рода хитросплетенными теориями, оправдывающими хищнические интересы воюющих сторон, как война империалистических государств. Нужно двинуть массы, нужно чтобы массы в течение целых месяцев, годов выносили невероятные лишения, страдания, терпели разорение, мирились с гибелью миллионов человеческих жизней, с истреблением миллионов рабочих и крестьян. Для этого господствующие классы должны были пустить в ход все пружины, начиная от принудительной силы государственного аппарата и кончая деятельностью религиозных организаций и социалистических партий.

Величайшей заслугой Ленина является то, что он еще в период русско-японской войны поставил вопрос о задачах рабочего класса по отношению к войне с исключительной ясностью, а в период империалистической войны 1914-18 гг. Ленин всесторонне разработал, на основе учения Маркса и Энгельса о войне, вопрос о стратегии и тактике пролетариата в период империалистической войны.

Еще в период русско-японской войны меньшевики колебались между точкой зрения пораженчества и скатывались к низкопробному мелкобуржуазному пацифизму с его лозунгом — «борьба за мир во что бы то ни стало». В частности на эту же пацифистскую точку зрения становился и Троцкий, пытающийся доказать, что он не был меньшевиком. В противовес этому мелкобуржуазному пацифизму Ленин в январе 1905 г., в связи

с падением дальневосточной русской крепости Порт-Артур, прямо заявил: «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка».

Как же должен относиться сознательный пролетарий к войне? Очень легко поддастся рассуждениям толстовцев и других мелкобуржуазных пацифистов о том, что «всякая война сама по себе независимо от ее исторического значения есть великое народное бедствие. Она уносит десятки и сотни молодых людей, она разоряет семьи убитых и измученных, лишая их работников, она останавливает промышленную жизнь страны, выбрасывая на улицу целые армии безработных, она бессмысленно поглощает миллионы народных денег»¹.

Но может ли сознательный рабочий рассматривать войну вне и независимо от ее исторического значения? Конечно, нет.

«Для него, — писал Ленин, — не может быть абсолютного бедствия, как не может быть и абсолютного блага и абсолютной истины. Он должен рассматривать и оценивать значение войны с точки зрения интересов своего класса — пролетариата, интересов его развития и освобождения. Он должен оценивать войну не по количеству жертв, а по ее политическим последствиям; выше интересов личностей, гибнущих и страдающих от нее, должны стать интересы класса. И если данная война служит интересам пролетариата как класса, пролетариата в целом, если она освобождает его от части уз, дает ему свободу борьбы и развития, то такая война есть явление прогрессивное, независимо от жертв и страданий, которые она влечет за собою»².

С этой точки зрения Ленин беспощадно критиковал взгляды меньшевиков, в частности, Троцкого, которые выдвинули в войне 1904-05 гг. лозунг «мир во что бы то ни стало».

«Мир во что бы то ни стало, — возражал меньшевикам Ленин, — это значит мир, хотя бы ценою сохранения самодержавия, хотя бы ценою подавления революции. Такая постановка вопроса противоречит всей позиции... самым жизненным интересам пролетариата... После того как военное могущество самодержавия было разбито, после того как всем ослепленным стало ясно, что царское правительство не сможет уже оправиться от разгрома и закончить войну если не победоносно, то хоть с честью, лозунгом европейской реакции, европейской буржуазии стало «мир во что бы то ни стало», мир с целью не допустить падения самодержавия. Ведя агитацию за «мир во что бы то ни стало», проводя в рабочих собраниях соответствующую резолюцию, мы играли бы на руку реакции, создавая тот голос народа, который мог бы быть очень удобно использован правительством, если бы крайняя необходимость спасения самодержавия заставила бы его по своей инициативе начать переговоры о мире».

Уже в этих статьях Ленина по поводу русско-японской войны в 1905 г. мы находим, хотя и в незаконченном виде, указания Ленина, какие выводы должен сделать пролетарий из поражения царского самодержавия в войне. Эти выводы были развиты в стройную систему, в целое учение о войне и восстании в период империалистической войны 1914-18 гг., особенно в 1917 г. Но мы находим в неразвернутом виде эту программу действий пролетариата в период войны в связи с поражением царского правительства уже в 1905 г.

В чем же заключалась эта программа? Ленин рассматривал поражение царского правительства в войне с Японией как «п о в о р о т н ы й

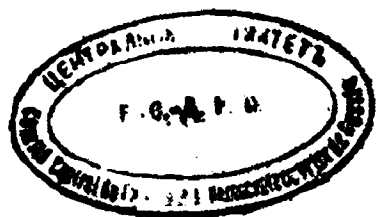
¹ Ленин, «Мир и реакция», собр. соч. т. VII.

² Там же.

пункт революции». В цитированной уже выше статье «Мир и реакция» Ленин писал: «Реакция освободила свои руки и стягивает свои силы. Революция не должна уступать ей в этом, она должна стянуть свои силы, должна удвоить энергию и напряженность своей работы, чтобы подготовить решительный удар. Реакция готовится подавить вооруженное движение «без всяких переговоров»; народ должен также без переговоров раздавить реакцию. Необходимость вооруженного народного восстания роковым образом диктуется всей политической позицией настоящего момента, насущными нуждами русского народа, классовыми интересами пролетариата. Японии не позволили добыть царское могущество. Эта задача целиком выпадает на долю революционного народа. Его свобода, его судьба в его руках. Он должен нанести окончательный удар самодержавию, и тогда с миллионов и миллионов еще не родившихся русских действительно спадают цепи».

Таким образом, еще задолго до империалистической войны 1914-18 гг. Ленин развертывает революционную программу действий пролетариата в период войны. Пролетариат должен использовать обострение социальных противоречий, он должен воспользоваться тем, что его призвут под ружье; он должен пользоваться малейшим ослаблением буржуазно-помещичьего правительства; он должен отстаивать свои собственные задачи, организовать массы для революции. Он желает поражения буржуазному правительству своей страны именно потому, что это поражение является «поворотным пунктом в революции». Пролетариат должен воспользоваться

*Niemand wird beauftragt, die Jugend-
organisationen, welche sich an das Central-
komitee der Sozialdemokratischen Arbeiter-
partei Russlands anschließen, auf der
Werner-internationalen Konferenz zu
vertreten.*

*Im Auftrag des Centralkomitee
der Sozialdemokratischen
Arbeiterpartei Russlands
Werner
Wern, den 3 April 1915*

затеянной буржуазно-помещичьим правительством войной для того, чтобы «удвоить энергию и напряженность своей работы», чтобы раздавить реакцию путем вооруженного народного восстания.

В предчувствии приближения пролетарской революции, прологом и генеральной репетицией которой была революция 1905 г. с ее высшей точкой — декабрьским вооруженным восстанием, Ленин писал в 1905 г.:

«Времена изменились; и если в конце XVIII столетия лозунг французской революции «Все народы — наши братья, все тираны — нам враги» встретил лишь отдаленное, глухое эхо, то лозунг авангарда русской революции рабочего класса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» носит бодрящий и боевой раскат по всему капиталистически развитому миру».

И тогда же, в 1905 г., Ленин полностью определил свое отношение к пацифистским лозунгам меньшевиков всякого рода, к мелкобуржуазным оппортунистическим шатаниям, которые повторились в гораздо больших размерах и в наиболее откровенной форме в мировую империалистическую войну.

Семнадцать лет отделяют нас от того времени, когда на огромных пространствах земного шара были приведены в движение гигантские вооруженные силы двух империалистических коалиций мировой войны 1914-18 гг. Накануне войны пролетариат России двинулся широким фронтом в наступление на своих классовых врагов, на царское самодержавие. Революционная борьба пролетариата в России накануне империалистической войны принимала все более грандиозные размеры, все более острый характер. Накануне империалистической войны мы стояли перед баррикадными боями в целом ряде промышленных центров. Даже несмотря на то, что весь государственный аппарат был приведен в движение для того, чтобы поднять на войну массы, чтобы одурманить их патриотическим шовинистическим угаром, в течение первых месяцев войны русский пролетариат не прекратил борьбы. Правильнее было бы сказать, что он не прекратил ее ни на один день в период империалистической войны, но, несомненно, **м а с с о в ы е организации, руководившие движением накануне империалистической войны, были через несколько недель с м я т ы, разгромлены** начавшейся войной; и только в самом процессе войны вновь стали возникать и складываться разгромленные партийные ячейки. Большевицкая партия, оказавшаяся в меньшинстве со своим лозунгом пораженчества в начале империалистической войны, вышла из этой войны огромной силой, которая способна была собрать вокруг своего знамени сотни тысяч передовых рабочих, миллионы крестьян, солдат и рабочих для Октябрьского штурма. Нет никакого сомнения в том, что громадная революционная работа, которую наша партия вела еще в период первой революции, сыграла громадную роль в деле выковывания большевицкой организации, которая способна была повести за собой массы в период империалистической войны.

«Эта война, — читаем мы в программе Коминтерна, — потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его **о б щ е г о к р и з и с а**. Она поставила себе на службу все народное хозяйство воюющих стран, создавши бронированный кулак государственного капитализма, довела до грандиозных размеров непроизводительные затраты, уничтожила огромное количество средств производства и живой рабочей силы, разорила широкие народные массы, взвалила неисчислимые тяготы на индустриальных рабочих, крестьян, колониальные народы. Она неизбежно обострила классовую борьбу, переросшую в открытые революционные выступления масс и в **г р а ж д а н с к у ю в о й н у**».

Больше всего буржуазия была заинтересована в том, чтобы скрыть истинный характер этой войны. Поэтому задача наша была в том, чтобы показать, что эта новая война — империалистическая война. Эта война вытекает не из индивидуальных свойств того или иного главы государства (Вильгельм, Николай Романов и т. д.), — она коренится в природе капиталистических государств.

«Чтобы проверить действительную силу капиталистических государств, нет и быть не может иного средства, кроме войны, — писал Ленин. — Война не есть противоречие основ частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств; при капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия, как кризис промышленности»¹.

Как известно, социал-шовинисты выдвинули в самом начале империалистической войны лозунг «защиты отечества». Социал-шовинисты пытались даже опереться в этом вопросе на Маркса и Энгельса. Эти попытки сослаться на Маркса и Энгельса в вопросе об отношении к войне являются прямой фальсификацией взглядов Маркса и Энгельса. Заслуга Ленина в том и состоит, что революционные взгляды Маркса и Энгельса, разработанные ими в условиях господства промышленного капитализма, Ленин гениально развил применительно к эпохе империализма, империалистических войн, которые, однако, и Маркс и Энгельс предвидели. Недавно опубликованное письмо Ф. Энгельса к Вильгельму Либкнехту от 23 февраля 1888 г. показывает, как Энгельс с поразительной ясностью предвидел события 1914-18 гг. Энгельс писал тогда:

«Что получится, если дело действительно дойдет до войны, трудно предусмотреть. Наверное, попытаются превратить ее в войну только для видимости, но это не так легко. Если дела пойдут так, как это наиболее выгодно для нас и как это наиболее вероятно, то на французской границе будет затяжная война с переменным успехом, а на русской границе наступательная война со взятием польских крепостей и революция в Петербурге, которая сразу покажет господам, ведущим войну, все в совершенно ином свете. Одно можно сказать наверняка: ни быстрой развязки, ни триумфальных походов в Берлин и Париж не будет». Конечно, Энгельс не мог тогда, в предвидении такой войны, писать об особых задачах большевистской партии, которой тогда не было.

Задача большевистской партии заключалась в том, чтобы не дать пролетариату обмануть себя криками о защите отечества, чтобы уметь собрать революционные силы пролетариата для того, чтобы сделать войну «выгодной для нас», выгодной для пролетариата. Это было не так легко для Ленина, который находился в исключительно тяжелых условиях. Арест в самом начале империалистической войны в Поронине, затем жизнь в эмиграции, оторванность от России, чрезвычайная трудность организации революционных сил левых II интернационала, повальная измена вождей социалистических партий II интернационала — все это связывало деятельность Ленина. И, однако, историк останавливается с восхищением перед изумительной, кипучей, бьющей через край революционной энергией Ленина именно в период империалистической войны. Молот империалистической войны разбил авторитет десятков и сотен оппортунистических вождей, претендовавших на руководство пролетариатом, и выковал, закаляя в огне империалистической войны и революции, большевистскую партию во главе с ее признанным вождем В. И. Лениным.

От каждого сознательного рабочего Ленин требовал серьезного, конкретного изучения войны. Он писал в 1915 г. в брошюре «Социализм

¹ Ленин, «Война и политика», собр. соч., т. XIII.

и война», что «от пацифистов и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности». Ленин разъяснял, что «в истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения».

Однако для Ленина важно было не только и не столько показать империалистический характер этой войны — это тоже была важнейшая задача именно потому, что вожди социалистических партий каждой страны пытались представить ее как «справедливую войну», оборонительную войну, как «последнюю войну», занимаясь поисками персональных виновников этой войны, того, «кто первый начал», запутыванием понятия «оборонительная война». Не менее важно было показать, как империалистическую войну, начатую в интересах капиталистов, превратить в войну гражданскую в интересах пролетариата. Это превращение империалистической войны в гражданскую не могло не быть связано с поражением в войне войск того или иного правительства. Пораженчество, которое было еще

Ulanow Vladimir
описание: Грушевский 14^{II}
am 2. XII 1916 für vier Wochen
er Bibliothek der Z. f. s. L. d. S. entlehnt
(Autor und Titel angeben)

Ленин-Владимир
на

№ 1-5

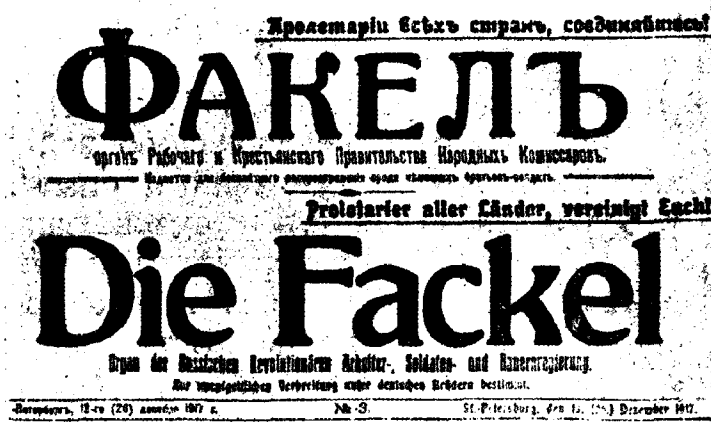
Расписка Ленина в получении им из Цюрихской библиотеки социальной литературы первых пяти номеров журнала „Интернационал молодежи“

выдвинуто в русско-японскую войну 1904-05 гг. Лениным как основа пролетарской тактики в период империалистической войны, в период войны между капиталистическими государствами, сделалось центральным пунктом тактики большевистской партии в империалистическую войну. В манифесте Центрального комитета партии Ленин писал в сентябре 1914 г.: «Преобразование современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственный правильный пролетарский лозунг, указанный опытом Коммуны, намеченный базельской резолюцией (1912 г.) и вытекающий из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого преобразования в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом».

Конечно, Ленину и всей большевистской партии для отстаивания этих лозунгов пришлось плыть против течения, но вся предыдущая деятельность Ленина приучила его плыть против течения, все воспитание Ленина заключалось в том, что ему пришлось плыть против течения: в борьбе с народничеством, и в борьбе против экономистов и легальных марксистов, и в борьбе с меньшевиками и эсерами в революции 1905 г., с ликвидаторами в период реакции и революционного подъема перед войной. Против течения пришлось плыть Ленину и большевистской партии и в период империалистической войны. Не так легко было подобрать в Зап. Европе в период господства военного шовинизма международную группу товарищей, с которыми можно было бы начать эту борьбу против течения. Величайшая заслуга большевистской партии во главе с Лениным заключается в том, что она не поддалась шовинистическому угару, что в самой тяжелой обстановке, когда нас считали «ничтожной сектой», «жалкой кучкой», Ленин и его единомышленники сумели собрать в мировом рабочем движении все то, что в нем было живого, революционного, способного к организации пролетариата для пролетарской революции. Ведь именно Ленину принадлежит заслуга собирания этих сил, организации их. Его непримиримая, всем известная резкость ко всякого рода оппортунистическим шатающимся элементам сыграла громадную роль в деле собирания большевистской партии, в деле подготовки III интернационала. III интернационал родился в муках и в огне империалистической войны. Его лучшим, пламенным пропагандистом, его начинателем, его наиболее стойким организатором является Ленин.

Дело было не в том только, чтобы осудить вождей II интернационала, вскрыть классовый характер их измены, показать, что они себя привязали к колеснице буржуазии надолго, навсегда. Важнейшая задача заключалась в том, чтобы суметь в невероятно трудной обстановке империалистической войны организовать массы для борьбы, чтобы создать руководящий штаб этой революционной борьбы. А сколько было межуточных позиций, которые нужно было разоблачить, показать весь вред оппортунистических течений, центристских течений, людей, которые, отмежевываясь от шовинистов на словах, на деле им помогали, как, например, Л. Троцкий.

Историку следует особенно внимательно отнестись к теперешним попыткам Троцкого показать, что его разногласия с Лениным в период империалистической войны были ничтожны. Особенно замечательно то, что Троцкий, фальсифицируя, насилуя историю, подтасовывая факты и цитаты, пытается изобразить дело так, что вот-де были такие сторонники единства со II интернационалом, объединенцы всякого рода; а вот он, Троцкий, был «против» таких оппортунистов. Однако именно Троцкий боролся против выдвинутого Лениным лозунга создания III интернацио-

нала и противопоставил свой лозунг, чисто меньшевистский — «единство II интернационала». Троцкий в начале империалистической войны решительно был против разрыва с меньшевиками, с фракцией Чхеидзе и был против циммервальдской левой. Лозунгу — гражданской войны, лозунгу — превращения империалистической войны в гражданскую войну Троцкий противопоставил свой лозунг немедленного заключения мира.

По сути дела Троцкий прямо оправдывал оппортунизм вождей рабочего класса тем, что обвинял весь пролетариат, весь рабочий класс в оппортунизме. В № 4 «Нашего слова» он писал: «Борясь с оппортунизмом, мы рассматриваем его как органический дефект самого рабочего класса, а не как нечто постороннее, занесенное в ортодоксально-марксистские пролетарские ряды какими-то интеллигентами, мятущимися то в ту, то в другую сторону».

Эту меньшевистско-троцкистскую ошибку, к сожалению, повторяют некоторые наши молодые историки Запада, которые также объясняют 4 августа 1914 г. тем, что пролетариат (а не его социал-демократические вожди) оказался оппортунистичным. Мы остановились несколько на фигуре Троцкого именно потому, что Троцкий пытается всячески подкрасить свою позицию во время империалистической войны. А между тем Ленин как раз в разгаре этой борьбы указывал на то, что в России Троцкий также отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой «Наша заря». Ленин считал, что позиция Троцкого есть лишь форма проявления «фальши каутскианства». Он беспощадно высмеивал сторонника Троцкого — Раковского, который, «объявляя войну оппортунизму», «в то же время готов признать законность идеи защиты отечества». Ленин считал, что все это «проявление того зла которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике».

Но ведь вся история троцкизма есть не что иное, как «замена революционного марксизма эклектизмом в теории и раболепство или бессилие перед оппортунизмом на практике».

Мы не пишем здесь истории большевизма в период войны 1914-18 гг. Целый ряд вопросов величайшей важности был поставлен и разрешен Лениным в период империалистической войны. Особенно большое значение имеет постановка национального вопроса. Здесь, в этом вопросе, запутался тогда целый ряд товарищей. Статьи Ленина по национальному вопросу, направленные к вскрытию ошибок Бухарина, Пятакова, Радека, Розы Люксембург, борьба Ленина против люксембургизма в период империалистической войны имеет величайшее принципиальное значение для пролетариата всего мира. Его полемика по вопросу о возможности национальных войн в наше время имеет не меньшее значение.

Ленин доказал, что «не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полукolonий». «Послевоенный» период это подтвердил на ряде национальных войн. Больше того, Ленин доказал, что эпоха империализма «несколько не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально угнетенных) государств против империали-

стических государств, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы». Ленину приходилось бороться тогда против крупнейших авторитетов, которые совершали принципиальные ошибки в период империалистической войны по такого рода вопросам. Мысли Ленина по национальному вопросу, по вопросу о национальных войнах, мысли Ленина по вопросу о лозунге разоружения в период империалистической войны легли в основу большевистской тактики, программы и всех важнейших решений Коммунистического интернационала.

Ленин был решительным противником лозунга разоружения во время войны. В обстановке классовой борьбы этот пацифистский лозунг есть прямо вредный лозунг.

Ленин вкладывал в уста пролетаркам речь против сторонников разоружения. Пролетарка должна будет сказать своему ребенку: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против своих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и разоружения ее».

Огромное литературное наследство Ленина, связанное с его работами о войне, должно быть изучено всем сознательным пролетариатом. При этом каждый сознательный пролетарий должен иметь в виду, что Ленин изучал вопрос о войне чрезвычайно тщательно, глубоко знакомясь с произведениями не только марксистскими, но и изучая также литературу классового врага. Ленин изучал важнейшие труды буржуазных военных специалистов, как, например, Клаузевица, изречение которого, что война есть продолжение политики иными (именно, насильственными) средствами, Ленин неоднократно цитировал как правильное с точки зрения диалектического материализма. Его тетрадь, исписанная заметками и выдержками из работ этого военного авторитета, показывает, с какой тщательностью он изучал военное дело. Это изучение оказало громадное влияние на Ленина и помогло Ленину и всей большевистской партии, всему пролетариату нашей страны в период Октябрьской революции, в период гражданской войны ориентироваться в важнейших военно-стратегических положениях, из которых пролетариат СССР вышел победителем в значительной степени именно благодаря тому, что он имел правильно разработанную стратегию, основанную на классовом подходе к такому явлению, как война.

Учение Ленина о войне в эпоху империализма есть составная часть учения об условиях пролетарской революции. Изучение этой эпохи дало возможность Ленину разработать закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, закона, из которого вытекает возможность победы социализма в одной или нескольких странах.

Ich bestätige.
 1) dass die obengenannten Bedingungen, die von Platten als der deutschen Gesellschaft gefordert wurden, erfüllt worden sind.
 2) dass ich alle die Abrechnungen des Verlegers Platten erhalten habe.
 3) dass mir eine Mitteilung des "Petersburger" besandt worden ist, welche den russischen literarischen Rat durch deutsche Redaktionen als Redakteur zu bestellen ist.
 4) dass ich die ganze russische Literaturverzeichnisse für diese Jahre vollständig auf mich haben.
 5) dass mir von Platten die Namen der russischen Verleger mitgeteilt sind.
 Petersburg, 9. April 1917

- 1 Lenin.
 - 2 Frau Lenin
 - 3 Gregor Jafaroff
 - 4 Kabanin Jafaroff - dort
 - 5 Gregor Kopylovich
 - 6 Helen Kon
 - 7 mit demond
 - 8 Nikolai Gorki
 - 9 A. Archelov
 - 10 A. Konstantinowitsch
 - 11 M. Murawoff
 - 12 M. Murawoff
 - 13 A. Skowro
 - 14 Z. Zimniew
 - 15 P. P. (und Sohn)
 - 16 D. S. Sussareff
 - 17 B. Uchamiroff
- 9 Brillant
 13/14 D. Prozenblum
 14/15 H. Abramowitz
 16/17 S. Sussareff
 17/18 J. J. J. J.
 19/20 A. Linde
 21/22 H. Sussareff
 23/24 P. P. P. P.
 25/26 S. S. S. S.
 27/28 R. R. R. R.
 29/30 Ch. Ch. Ch. Ch.

Декларация первой группы эмигрантов, возвратившихся в Россию в апреле в 1917 г.

Эта часть учения Ленина целиком вошла в программу Коммунистического Интернационала, в которой мы читаем:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Эта неравномерность еще более усиливается и обостряется в эпоху империализма. Отсюда следует, что международная революция пролетариата не может быть рассматриваема как единовременный и повсеместный однократный акт. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране».

Нет ничего удивительного, что троцкисты (и до некоторой степени и правые оппортунисты), которым чуждо учение Ленина, не могут никак принять этих выводов.

Учение Ленина о войне должно войти важнейшей составной частью в мировоззрение всякого сознательного пролетария в любой стране. Мир стоит перед новыми чудовищными империалистическими войнами. Больше всего ненависть капиталистического мира угрожает военной опасностью первому в мире социалистическому государству—СССР. Ленин в своих работах, в статьях и речах об интервенции заострил внимание на этой опасности новых, грядущих империалистических войн. Положить конец этим войнам, положить конец всякой войне может только пролетариат, который использует уроки гражданской войны русской революции, который положит в основу своей деятельности в период войны учение Ленина о войне и революции.

Положить конец империалистическим войнам может только победоносная пролетарская революция, в результате которой «диктатура финансового капитала гибнет, уступая место диктатуре пролетариата» (программа Ком. Интернационала).

**ВОЙНА ПРИНЕСЛА НЕСЛЫХАННОЕ ОБОСТРЕ-
НИЕ ВСЕХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ;
В ЭТОМ ИСТОЧНИК ТОГО ГЛУБОЧАЙШЕГО РЕ-
ВОЛЮЦИОННОГО БРОЖЕНИЯ, КОТОРОЕ РАЗРА-
СТАЕТСЯ.**

Ленин

ПИСЬМО РОМЕН РОЛЛАНА

*Ответ на обращение товарища
Ем. Ярославского по поручению
редакции*

Четверг, 9 июля, 31 г.

Дорогой Ярославский!

Состояние усталости, в котором я теперь пребываю, не позволяет мне написать статью. Я изложу только несколько кратких соображений.

За полгода положение в мире значительно изменилось в пользу СССР. 1930 г. был критическим годом. Худшие опасности — на время — преодолены.

Прежде всего во всем мире вызывают уважение успехи пятилетнего плана, несмотря на все усилия затушевать эти успехи; даже самым заклятым врагам они внушают почтение, смешанное с боязнью.

Процесс инженеров-вредителей сорвал в то же время завесу с гнусных махинаций, направленных против СССР, и вынудил иностранных государственных деятелей, скомпрометированных в заговоре, бить внезапный отбой, покинув на произвол судьбы своих разоблаченных и заклейменных сообщников.

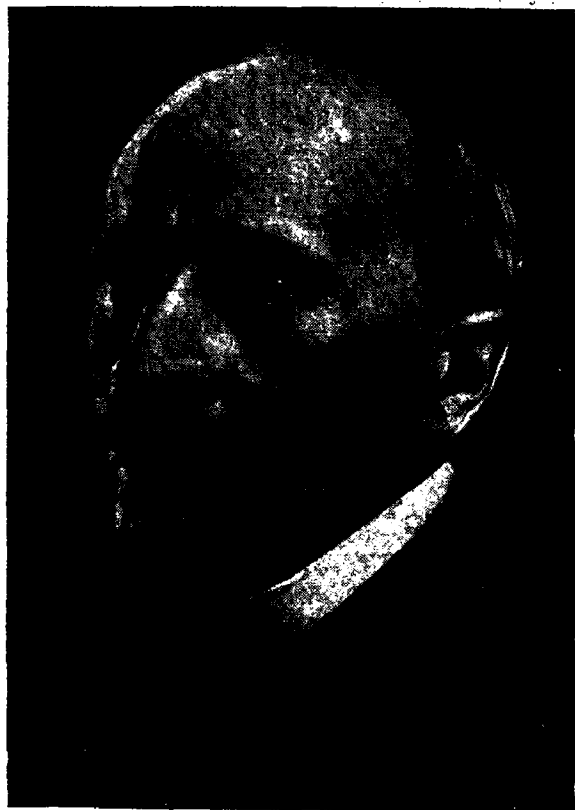
Наконец, непостижимая глупость европейской политики, безумие слепой заносчивости и жадности правительств, смертоносное соперничество завистливых империалистов — породили ростки новых войн между собой и привели европейскую экономику в целом на край катастрофы. Вмешательство Гувера ничего не изменит в существующем порядке вещей, разве только принесет временные выгоды американским дельцам. Но Европа будет еще ожесточеннее пожирать самое себя. Самая могущественная военная и финансовая держава Европы — Франция, которой Гувер только что нанес удар в спину, окружена кольцом смертельно ненавидящих ее держав, ждущих случая наброситься на нее. И ее экономическая устойчивость отныне уже поколеблена.

В этой лихорадочной атмосфере, когда во главе государства нельзя найти ни одного выдающегося деятеля (Бриан уже выдохся, а Муссолини всегда был надутым пузырем), СССР занимает исключительно выгодное положение. Советский Союз в данный момент вне этого бешеного кольца. Он переживает период относительного покоя. Пусть он этим пользуется для того, чтобы прочно выстроить свою цитадель Труда!

Не пройдет и двух-трех лет, как СССР будет непобедимым и сможет господствовать над империалистической схваткой.

Я высказываюсь как объективный наблюдатель, оплакивающий предстоящую гибель своей страны, которую он любит (ибо я лучше, чем кто бы то ни было, знаю великие достоинства французского народа, слепо предоставленного своим бездарным политикам и плутократии, которые толкают его в пропасть). Но я возлагаю свои надежды на Советский Союз — руководителя человечества, — во власти которого ныне судьбы его авангарда.

Сердечно жму вашу руку, дорогой Ярославский,
Ромен Роллан

Romain Rolland

ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА

Мировая война была войной двух коалиций: австро-германо-болгаро-турецкой и франко-англо-русской, к которой в дальнейшем присоединились Италия и САСШ. В австро-германской коалиции преобладали интересы германского империализма. Но было бы неверно думать, что Германия просто диктовала свои условия своим союзникам: в течение всей войны внутри германско-австрийской коалиции происходит борьба за решение польского вопроса, который так и не был решен из-за противоречий интересов германского и австрийского империализма.

Еще в меньшей мере господствовала безраздельно одна группа интересов в Антанте. История войны до вступления в нее САСШ заполнена борьбой интересов французского и английского империализма. Коалиция вообще никогда не устраняет противоречий интересов. В коалициях державы пытаются только отодвинуть на задний план свои противоречия для решения совместных задач, но эти противоречия интересов остаются существовать и постоянно действуют, нажимают и напирают на связанные коалицией стороны.

Война была решена в пользу Антанты присоединением к ней САСШ. Но это означало, что к франко-английским, франко-итальянским противоречиям присоединились еще противоречия, существовавшие между Англией и САСШ.

Поэтому версальский мир, навязанный побежденной австро-германской коалиции победителями, представляет собой компромисс этих противоречий. В нем в замаскированном виде заложены все те противоречия, которые составляют содержание развития всей послевоенной истории.

Понимание теперешнего мирового положения, его противоречий невозмож-

но без тщательного изучения версальского мира не только с точки зрения тягот, которые он взвалил на Центральную Европу, и тех противоречий, которые вызвала перекройка европейской карты, но и с точки зрения взаимных отношений держав-победителей, наложивших свою печать на то, что решил версальский мир, и не менее на то, чего он не решил.

Я постараюсь дать картину этих противоречий, как они выявились в переговорах в Версале, причем по необходимости мне придется шире обрисовать ту сторону дела, которая у нас менее известна, которая недостаточно вошла в общественное сознание, и сократить освещение наиболее известных сторон, а именно общих отношений победителей к побежденным.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Мировая война между австро-германской и франко-английской империалистическими коалициями имела главным корнем своим борьбу между германским и английским монополистическим капиталом. Старые противоречия между объединенной в 1871 г. Германией и Францией из-за гегемонии на европейском континенте сами по себе не были в состоянии вызвать мировой войны даже после того, как Франции удалось заключить союз с царизмом. Только тогда, когда германский капитализм, перешедший в фазу монополистического капитализма, начал угрожать мировой гегемонии Англии, начал не только вытеснять Англию с многих рынков, но построил громадный флот и предъявил свои требования на новый передел мира, — Англия присоединилась к франко-русскому союзу, т. е. выразила свою готовность сделаться одним из организаторов будущей войны. Это, однако, означает, что центр

Франция и Англия.
Карикатура англ. художника Гильбера

тяжести английской и французской вражды против германского империализма лежал не в одной и той же плоскости. Франция добивалась уничтожения мощи Германии как своего континентального конкурента. Она боялась, что усиление Германии, подчинение германскому капитализму Австрии, а затем и Балкан, настолько увеличит влияние Германии, что она сможет поставить на колени Россию и отбить ее от союза с Францией. Это была причина, толкнувшая Францию на войну с Германией. Отсюда вытекало, что военные цели Франции состояли, во-первых, в отнятии у Германии Эльзаса и Лотарингии, во-вторых, в передвижении в той или другой форме французской границы до Рейна (что давало возможность французскому империализму, в случае конфликта, занять линию р. Майна и отделить южную Германию от северной). Происшедшее после войны создание самостоятельных государств — Польши и Чехо-Словакии, — связанных союзом с Францией, сжало Германию на территории между Везером и Одером, т. е. поставило ее в такое тяжелое стратегическое положение, что не только устранило

возможность германского наступления, но сделало германскую защиту весьма затруднительной. Расчленение Австрии, запрет объединения Австрии с Германией только завершали это дело уничтожения Германии как возможного конкурента в борьбе за господство над континентальной Европой.

В какой мере это было основной целью политики французского империализма, с ясностью показывает письмо Бриана французскому посланнику в Лондоне Камбону. Это письмо от 1917 г. у нас не оглашалось, а оно заслуживает внимания не только с исторической стороны, но бросает яркий свет на характер теперешнего бриановского «пацифизма». Поэтому я позволю себе его привести:

«Вы совершенно верно указали лорду Грею, — пишет Бриан, — что возвращение нам Эльзаса и Лотарингии не только не может считаться вопросом, но что нельзя его считать какой-то пользой, каким-то новым приобретением. Эльзас и Лотарингия вообще не идут в счет. Мы получаем обратно наше имущество, отнятое у нас вопреки воле населения.

Точно так же само собой понятно, что мы должны Эльзас и Лотарингию получить обратно не в том обкарнанном виде, как это установил договор 1815 г., а в границах 1790 г. Таким образом, мы получим бассейн р. Саар, которая имеет важнейшее значение для нашей промышленности. Надо устранить воспоминание о многократных порчах наших границ.

Но существует вопрос, который по необходимости встанет в этой связи. Это есть вопрос о левом берегу Рейна. Хорошие головы во Франции, которые придерживаются старейших традиций нашей национальной политики, требуют левого берега Рейна как потерянного наследства французской революции, как вещи, необходимой, чтобы создать то, что Ришелье называл «нашим хорошо приспособленным полем сражения». Надо опасаться, что новое приобретение рейнских провинций, отнятых у нас сто лет назад, будет считаться завоеванием и может создать нам большие затруднения.

Более важным, чем славная, но не обеспеченная польза, будет добиться такого положения, которое укрепит безопасность для Европы и для нас и обеспечит наши границы. По нашему убеждению, Германии должно быть запрещено высовывать свой нос на ту сторону Рейна. Организация этих областей, их нейтралитет, их временное занятие нами должно быть поставлено в порядок дня при обмене мнений союзниками. Дело идет о том, чтобы Франция, наиболее непосредственно заинтересованная в новом порядке дел, имела решающий голос при решении этих серьезных вопросов».

Это письмо Бриана показывает, что когда маршал Фош во время версальских переговоров добивался левого берега Рейна как фактической границы Франции, он добивался проведения в

жизнь основной цели французской политики, а именно обеспечения французской гегемонии в Европе и полного обеспечения Германии.

А н г л и я боролась с Германией из-за угрозы, которую представляло для мирового господства британского империализма продвижение германского империализма на восток. Разгром Сербии вел к включению Болгарии, находившейся под сильным влиянием германского империализма, в область германского стратегического господства. Становилось реальной перспективой создание сухопутного пути, связывающего Германию с Турцией. Это приближало окончательную победу Германии над Англией в Турции. Объединение Турции германским капиталом путем создания сети железных дорог означало полный провал английского плана железнодорожного объединения английской колониальной империи от Южной Африки, через Египет, с Индией, требовавшего перехода в руки Англии в той или другой форме Аравии.

Подчинив себе экономически Турцию, Германия не только перерезывала английские линии, объединяющие Египет с Индией, но она вклинивалась в весь магометанский мир, вставала у границы Персии, у границы Египта.

Если сухопутная угроза Индии со стороны царской России, не располагавшей достаточными капиталами для постройки мощных железных дорог, была достаточной причиной для того, чтобы в продолжение десяти лет ставить на острие меча русско-английские отношения, то тем более высоко должна была оцениваться опасность Германии, ставшей у Красного моря, Персидского залива, т. е. заносающей в перспективе меч не только над английским господством в Египте, но и над английским господством в Индии.

До этого времени слабость германского империализма заключалась в том, что его орудием против Англии был только молодой германский флот, значительно более слабый, чем английский, и закупоренный в Балтийском море, как в бутылке. Если бы Германии уда-

лось окончательно подчинить себе Балканы, добиться гегемонии над Турцией, то это означало бы, что громадная сухопутная германская военная машина, угрожавшая до этого времени только Франции и России, может быть пущена в ход как могущественное орудие борьбы против английского империализма. Из этого положения вытекали военные цели Англии. Она требовала, во-первых, уничтожения германского флота, во-вторых отнятия у Германии тех африканских колоний, которые не позволяли создать сплошной железнодорожной линии из Южной Африки в Египет, т. е. в первую очередь немецких восточно-африканских колоний. В-третьих, нужно было расчленение Турции и отрыв от нее ее арабских частей. Наконец, должен был быть уничтожен балканский мост, ведущий из Германии в Турцию.

Одним словом, Англия стремилась к уничтожению могущества Германии как мировой державы.

Полное уничтожение Германии как континентальной державы не могло войти в военные цели английского империализма, ибо оно создавало опасность французской геге-

монии на континенте, а при брав континент к своим рукам, Франция получила бы возможность начать в дальнейшем борьбу с Англией в Африке и на магометанском Востоке.

Мы не будем здесь описывать противоречий, существующих между Францией и Италией, стремящейся не только стать наследником австро-германской монархии в Адриатическом море и предъявляющей требования на усиление своего положения в Африке за счет Франции и Англии. Это противоречие также обрисовалось еще в Версале, чтобы разрастись после версальской конференции в одно из важнейших европейских противоречий, подрывающих версальский мир.

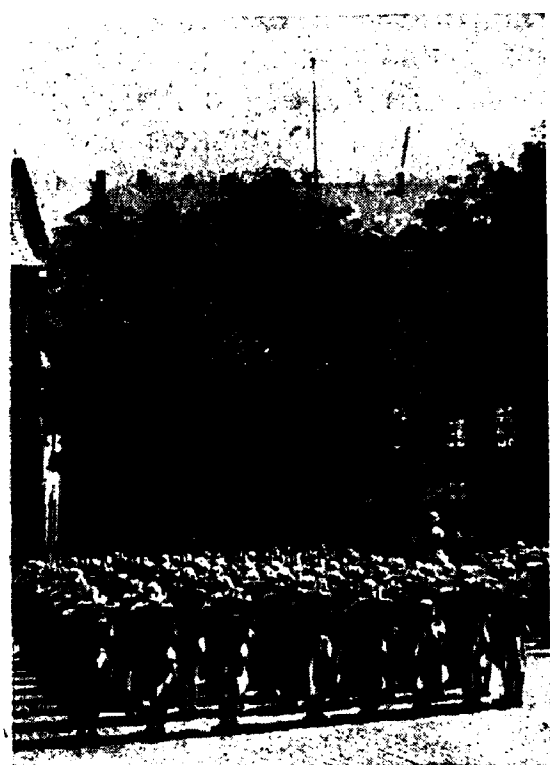
Англо-французские противоречия вылились на версальской конференции в первую очередь в борьбу вокруг вопроса о западных границах Германии.

Допуская создание Польши, Чехословакии, раздел Австрии, ибо все это затрудняло продвижение Германии на восток, английский империализм не мог допустить захвата Францией рейнских областей, ибо он не мог допустить французской гегемонии в Европе.

При помощи САСШ Англии удалось добиться отказа Франции от левого берега Рейна.

Балканский поезд
прямого сообщения
Берлин—Константинополь

Французские войска в Майнце (Рейнская область)

Англия и Америка несмотря на дикие протесты маршала Фоша добились от Клемансо этого отказа, приняв на себя обязательство, что в случае немецкого нападения они окажут Франции вооруженную помощь. На основе опыта войны Клемансо понял, что Франции будет неслыханно трудно удержать за собой завоеванное, если она будет оставлена один-на-один с Германией в том положении, которое она приобрела благодаря своему экономическому развитию и исходу войны.

Тот факт, что САСШ не ратифицировали позже версальский договор, что Англия отказалась поэтому взять на себя гарантию всех французских завоеваний, закрепленных в версальском договоре, толкнул Францию в 1923 г. на попытку восстановления фощевской программы. Захват Рура означал для французской военщины захват обменного объекта, который благодаря своему грандиозному экономическому значению для Германии должен был заставить германскую буржуазию признать левый берег Рейна границей с Францией. Экономические последствия захвата Рура, финансовый крах Германии, вызвавший опасность победы пролетарской революции, финансовый кризис Франции, который отдал

ее на момент в руки Англии и Америки, скопивших в своих замках миллиарды франков, могущих привести к крушению французскую денежную систему, заставили Францию отказаться от попыток захвата Рейна, взамен чего Англия гарантировала в локарнском договоре теперешнюю франко-германскую границу. Но и по сегодняшний день Франции не удастся добиться у Германии и Англии гарантии польско-немецкой границы, т. е. обеспечения восточного столба версальского договора.

Весь вопрос о так называемой безопасности Франции, являющийся предметом дипломатической борьбы Европы по нынешний день, заключается в том, что Франции не только не удалось добиться в Версале признания своей гегемонии над Европой, но даже то, что она завоевала в Версале, находится под знаком вопроса, ибо в случае разгрома Польши падает и версальский договор.

Теперешняя польская граница означает гарантию не только невозможности немецкого наступления на Францию, но и беззащитности Германии в случае французского наступления.

В тот день, когда коридор не будет больше отделять Восточную Пруссию от остальной Германии, когда переходы через Вислу не будут находиться в руках Польши, Германия приобретет простор для стратегического маневрирования в случае своего столкновения с Францией. Не подлежит сомнению, что только исключительное обострение положения, только исключительные обстоятельства, вроде, например, непосредственной опасности англо-американской войны или же опасности европейской революции, могли бы заставить Англию дать Франции гарантии ее границ, выходящие за пределы статута Лиги наций, т. е. за пределы чисто словесных «моральных» обещаний.

Французская позиция в Европе опирается, таким образом, на военные союзы Франции с Малой Антантой и Польшей, подкрепленные французскими зай-

мами и французскими вложениями в польскую и юго-восточную промышленность.

Падение царизма было в известной степени определенным внешне-политическим выигрышем английского империализма. Оно не только дало ему возможность уничтожить все обязательства, принятые по отношению к царизму за счет Турции и Персии, но оно лишило Францию союзника, силы которого были выше сил Польши и Малой Антанты.

Зная это, французская дипломатия добивается теперь всеми силами гарантии всех европейских границ, установленных версальским договором. Преодолев финансовый кризис, стабилизировав франк, опираясь на миллиарды французского капитала, вернувшегося после стабилизации из-за границы, опираясь на миллиарды германских репараций, усилив свою армию, создав

на границе с Германией сплошную линию усовершенствованных вооружений, французский империализм держит Англию под угрозой своего воздушного флота и строит могущественный морской флот, который делает Францию для Англии столь же ценной в качестве союзника против САСШ, сколь и опасной в качестве ее врага.

С этими козырями в руках Франция пытается заставить Англию заключить с ней общевоеенный союз на условиях признания Англией французских позиций в Европе, за что Франция согласна поддерживать Англию против ее врагов.

В 1928 г. Франция добилась крупного результата в форме соглашения с Ан

Герои мировой войны на „торжестве“ годовщины войны. Первый справа — Людендорф.

лией, в котором за французскую поддержку английской морской программы, направленной против САСШ, Англия обязалась признать французскую точку зрения по вопросу о вооружениях.

Но про тест САСШ заставил Англию отказаться от этого договора. Выдвинув тогда программу пан-Европы, Франция поставила своей задачей достигнуть в непосредственных переговорах с побежденными той цели, которой она не добилась от Англии.

План пан-Европы означает попытку организации в рамках Лиги наций особого организма, в который должны входить европейские участники Лиги наций. Суть этой программы покоится на признании непоколебимости версальского договора. Только после вторичного признания границ, установленных версальским договором, после сговора насчет признания перевеса Франции, она готова дать своим вассалам займы и готова приступить к частичным изменениям версальского договора, к переделке его из органа господства над побежденными в орган, регулирующий отношения ее ко всем ей подчинившимся, в том числе и Германии. Те гарантии, которых Франция не нашла у американского, а также и у английского империализма, она хочет получить, став во главе всей капиталистической Европы для борьбы против Советского Союза и для борьбы с английским и американским империализмом.

Французский империализм понимает, что дело не может больше идти о простом сохранении версальского договора. Версальский договор был компромиссом английского, американского и французского империализмов. Рост противоречий между Англией и Америкой ставит перед Францией необходимость создания собственной мощной базы для борьбы за мировое господство. Эту базу она может найти, подчинив себе европейский континент. Она прикрывает эти свои цели, привлекая на первых порах Великобританию,

но она великолепно знает, что уже интересы доминионов не позволят Англии войти в эту европейскую организацию. Поэтому Франция рассчитывает добиться в этой «пан-Европе» своей полной гегемонии. Однако год дипломатической борьбы за создание пан-Европы показал, что стремления французского империализма встречают в Европе не меньшее сопротивление, чем его стремление заставить Англию и САСШ гарантировать ему версальские завоевания.

И Италия, и Германия выдвинули против стремления Франции поставить их в зависимое положение программу ревизии версальского договора.

Италия добивается не только выполнения данных во время войны обещаний насчет увеличения итальянских колоний, но выдвигает недвусмысленное стремление к решающему влиянию на Балканах, к передаче ей Туниса и Сирии. Одним словом, она требует раздела Средиземного моря на западную, французскую и восточно-итальянскую сферы влияния.

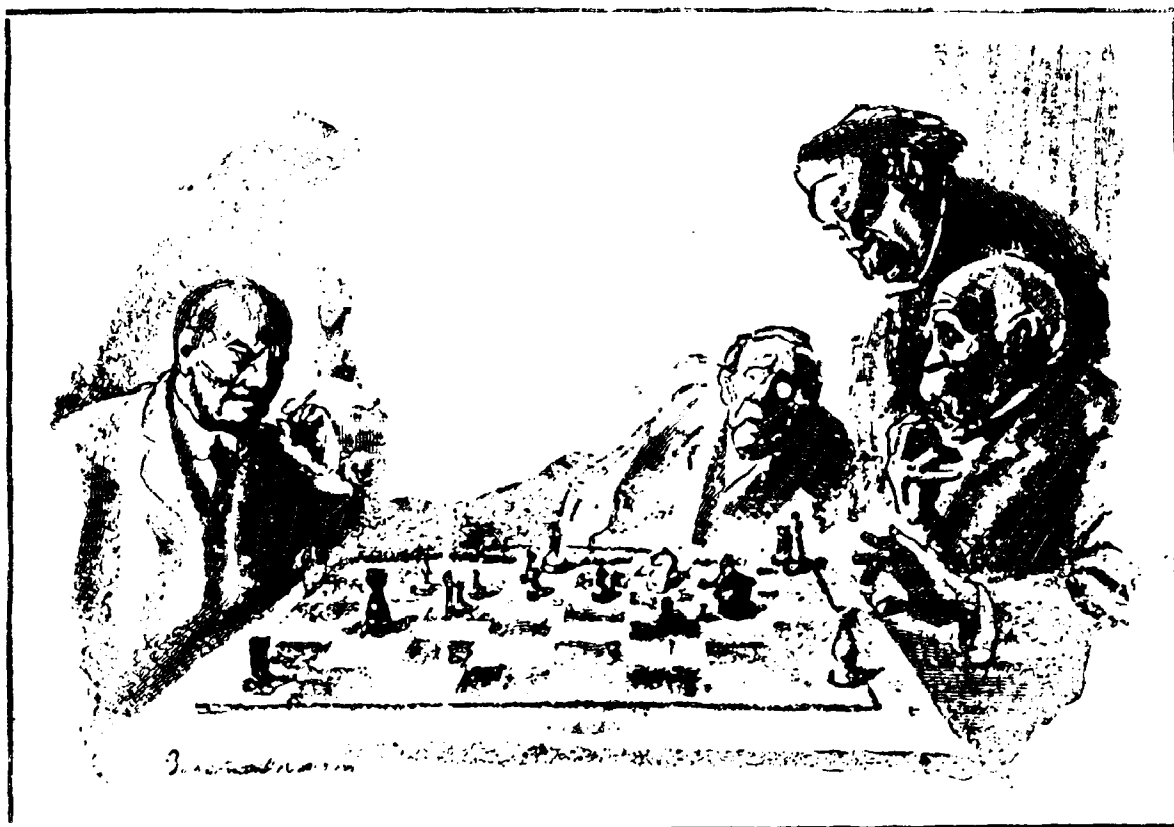
Германия готова идти на союз с Францией, но требует за это объединения с Австрией (т. е. обеспечения германского влияния хотя бы на территории бывшей австро-венгерской монархии и Румынии), уничтожения польского коридора (т. е. создания условий для увеличения военного влияния Германии).

Борьба за паневропейский план, ведущаяся в условиях жестокого экономического кризиса и угрожающая Германии финансовым крахом, заставила САСШ, которые вложили в германское хозяйство 5 млрд. руб., снова вмешаться в борьбу европейских держав.

Выступление Гувера ставит в порядок дня вопрос о новом отношении САСШ к Версалю.

Мы переходим теперь к выяснению роли репарационного вопроса в версальской системе и к анализу противоречий, развившихся между САСШ и европейскими антантовскими державами, в первую очередь — Англией, уже во время версальской конференции.

Мировая партия.
Слева — Ленин;
справа—Вильсон,
Клемансо и
Ллойд-Джордж.
Рис. Бродман-Робин-
зон

РЕПАРАЦИОННЫЙ УЗЕЛ

Победа союзников дала им возможность попытаться взвалить на побежденных хотя бы часть военных расходов. Само собой понятно, что даже в самый большой момент упоения победители не могли всерьез думать о том, чтобы побежденные сумели возместить около 200 миллиардов золотых рублей, которые стоила война правительствам, не считая расходов и потерь населения. Во время выборной кампании во Франции и Англии, устроенной немедленно после заключения перемирия с Германией, демагоги антантовского империализма повторяли, конечно, обещания, «что Германия все уплатит». Но ни один из них не сомневался в невозможности проведения в жизнь этого лозунга. Все национальное достояние Германии составляло, по самым оптимистическим подсчетам, перед войной около 50 миллиардов рублей. И если союзники не только на версальской конференции, но много лет спустя все еще выдумывали разные астрономические цифры германских платежей, то это делалось отчасти из нежелания разочаровать мел-

кобуржуазную массу в «плодах победы», а в основном из соображений, что репарационные платежи как в экономическом, так и во внешнеполитическом отношении являются могучим рычагом для подчинения себе Германии.

Германия катилась по наклонной плоскости инфляции, и ясно было, что этим путем она избавится от внутреннего военного долга. Это могло дать ей преимущество в борьбе за мировой рынок, ибо ей не приходилось включать процентов по внутренним долгам в себестоимость вывозимых товаров. Это создавало во Франции и Англии тенденцию к возможному увеличению репарационных платежей. Кроме того, французские и английские империалисты великолепно понимали, что САСШ не откажутся за здорово живешь от процентов по союзническим военным займам, достигавшим 10 миллиардов. Германия должна была по крайней мере взять на себя уплату процентов по междусоюзным долгам. Наконец, репарации были петлей на шее Германии, которую могли затянуть, когда это понадобится по политическим соображениям. Империалистические круги Франции, которые считали величайшей ошибкой отказ Клемансо от захвата прирейнских областей, надеялись добиться пере-

Цеппелин над Лондоном. Белые точки — разрывы снарядов

решения этого вопроса, когда Германия окажется не в состоянии выполнить принятые на себя обязательства. Но такая позиция французского империализма предreshала и позицию английского. Если нельзя было отказать французскому империализму в установлении громадных репарационных платежей, то Англия должна была и для себя затребовать таких платежей. Франция добивалась платежей для восстановления разрушенных северных областей, высчитывая стоимость этих разрушений самым фантастическим образом. У Великобритании не было разрушенных областей, и она должна была выдвинуть требование уплаты Германией стоимости пенсий семьям убитых на войне и инвалидам, чтобы таким образом увеличить причитающуюся ей часть немецких платежей.

САСШ притворялись, что не имеют никакого отношения к германским репарациям. На деле две трети германских репараций уплывали в САСШ в качестве процентов от военных займов Франции и Англии. Машина версальского договора была, таким образом, насосом, выкачивающим из Германии проценты по задолженности союзников в САСШ. Но так как Германия могла уплачивать свои обязательства, только усиливая свой вывоз, то репарации

стали одним из элементов дезорганизации и без того достаточно потрясенного мирового рынка. Это понимали все элементы американской буржуазии, связанные с мировой торговлей и финансами. Уже в октябре 1921 г. на банкете Ассоциации экспортной промышленности Гувер произнес речь, в которой заявил: «Если наш торговый мир хочет в какой-нибудь форме помочь странам, борющимся с финансовыми трудностями, то мы должны считаться с тем, что за это расплатимся потерями на мировом рынке и безработицей нашего населения». Это понимают американские банки, которым выплата займов мешает в размещении новых частных займов в Европе. Это сознание существует в кругах американской промышленности, работающей на экспорт и борющейся с демпингом европейской промышленности, усилившимся под влиянием необходимости уплаты репараций и процентов от государственных займов, но оно встречало большое сопротивление американской буржуазии, работающей на внутренний рынок, и мелкобуржуазных масс. Капиталисты, работающие на внутренний рынок, боялись, что ликвидация военных долгов усилит способность европейского капитализма к конкуренции с американским, мелкая буржуазия боялась, что освобождение Европы от платежей увеличит налоговой пресс в Америке и даст новый толчок вооружениям в Европе. Кроме того американский капитализм видел в задолженности Европы средство, при помощи которого он сможет в соответствующий момент нажать на своих врагов и купить себе союзников. САСШ притворились поэтому, что они не заинтересованы в репарационном вопросе, и заявили, что между вопросом о процентах от американских военных долгов и вопросом о европейских репарациях нет никакой связи. Америка сама по себе, Европа сама по себе.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ВЕРСАЛЕ

Но уже участие САСШ в мировой войне было вызвано тем, что они не могли

остаться сами по себе и предоставить Европу самой себе.

Чрезвычайно развившийся в предвоенный период американский капитализм очутился в начале войны перед лицом открытия нового громадного рынка. Воюющие страны были не в состоянии уже после битвы на Марне удовлетворить свои грандиозные потребности, не только в хлебе, хлопке, табаке, но и в индустриальных продуктах. Желудок войны оказался больше, чем предполагали все военные специалисты. САСШ с одинаковым удовольствием поставляли бы требуемые товары обоим воюющим лагерям. Но отсутствие крупного американского флота позволило английскому империализму установить блокаду Германии. САСШ, которые в 1812 г. воевали с Англией из-за подобной политики, примененной в борьбе с наполеоновской Францией, пришлось выбирать между тремя возможностями: они могли объявить войну Англии, они могли отказать Англии и союзникам ввиду нарушения ими американских интересов в поставке требуемых товаров, они могли, наконец, вступить в войну на стороне союзников. Война против союзников была невозможна из-за слабости американского флота и связанности американского финансового капитала с английским. Отказ от поставок союзникам угрожал бешеным кризисом американской промышленности, перестроившейся уже для использования военной конъюнктуры. Поэтому оставалось только участие в войне, причем американский капитализм надеялся не только заработать миллиарды, но и получить решающее влияние на исход войны. Но САСШ великолепно понимали, что самый факт вступления в войну показал, что они бессильны сопротивляться великобританскому империализму. Поэтому уже во время войны САСШ приступают к созданию грандиозного флота. Этот флот был рассчитан как средство давления на Англию во время мирных переговоров и как оружие для борьбы с Англией после победы над Германией. Насколько сильно было сознание грядущего противоречия между Англией и Америкой, видно из записок

полковника Хауса, советника Вильсона.

30 сентября 1914 г. Хаус записывает:

«Когда мы обсуждали вопрос о конфискации Англией кораблей, Вильсон прочел нам место из своей «Истории американского народа», которое рисует, как во время президентства Мадиссона началась война в 1812 г. из-за того же расхождения (с Англией. *К. Р.*), как и ныне. Цитата объясняла, что Мадиссон был принужден начать войну несмотря на то, что он был миролюбивым человеком и приложил все усилия, чтобы избежать войны. Но настроение масс сделало это невозможным. Президент (Вильсон) сказал: «Причины войны 1812 г. и ныне — аналогичны. Я искренно надеюсь, что эта аналогия не пойдет дальше»... Я (Хаус) рассказал английскому посланнику об этом разговоре. Это произвело на него большое впечатление, и он обещал телеграфно обратить внимание сэра Грея не только на это место в книге президента, но и на его комментарий» (том I, стр. 310).

В феврале 1915 г. Хаус по поручению Вильсона отправился в Европу, чтобы выяснить, не имеется ли возможности мирного посредничества, и одновременно обсудить с Англией вопрос блокады. Во время переговоров он указал английским политикам (в первую очередь Грею) на то, что строгое проведение блокады противоречит не только американским торговым интересам, но и затрагивает собственные интересы Англии.

Ко времени этих переговоров, когда отношения Хауса и Грея становились все более интимными, относится письмо Хауса к американскому посланнику в Берлине Жерару от 1 марта 1915 г.: «Если война продолжится еще шесть месяцев, — Англия будет иметь флот, равный по величине всем другим флотам мира, вместе взятым. Об этом мы, американцы, должны поду-

мать. Да, это дело, которое каждого должно заставить призадуматься». Это продумывание продолжалось более года — за это время Хаус записывает 24 сентября 1916 г. следующий разговор с Вильсоном:

«Президент пришел рано утром в мою комнату, и мы провели несколько часов в разговорах об иностранной политике, в первую очередь о наших противоречиях с Англией... Я высказал мнение, что фактическое противоречие между Англией и САСШ в нынешнее время состоит в том, что мы начали строить большой флот (морская программа от 1916 г. К. Р.). Рост нашей торговли превосходит все ожидания. Мы быстрыми шагами приближаемся к положению, которое занимала Германия до войны. Никто в Англии не признает, что именно факт, на который я указал, есть причина растущей враждебно-

сти к нам, но это так. Президент ответил: «Мы построим флот, который будет больше их флота, и будем поступать так, как нам заблагорассудится». Я напомнил ему, что Германия начала это делать, но что Великобритания постаралась задвинуть засов раньше, чем Германия успела достигнуть своей цели.

Я сказал, что не очень вероятно, что Англия допустит построение нами флота равного ей по силе, если она сможет этому помешать» (том II, стр. 317).

Хаус так занят этой мыслью, что 25 сентября пытается осветить этот вопрос в разговоре с американским посланником в Лондоне англофилом Вальтером Педж:

«Я спросил его, не думает ли он, что растущая враждебность в Англии (против САСШ) стоит в связи с нашей морской программой и не попадаем ли мы, с точки зрения Англии, в положение, в котором очутилась Германия. Я напомнил ему тра-

После подписания мира. Клемансо и маршал Петен выходят из Версальского дворца

диционную дружбу между Германией и Англией, продолжавшуюся до того момента, когда Германия выступила как конкурент английской торговли и начала строить флот, который был достаточно велик, чтобы стать угрозой для Англии. И я задал вопрос, не видит ли Англия в нас ту же угрозу своей торговле и своему господствующему положению на море. Педж не был согласен со мной. Он сказал, что Великобритания никогда не позволит нам построить равный или более сильный флот. Если мы будем строить, Великобритания будет еще более строить, но она это будет делать в благожелательном смысле» (том II, стр. 320).

Итак, Педж предвидел соревнование в строительстве флотов, но отклонял возможность войны.

Фоном этих разговоров являлось решение о строительстве флота, принятое американским конгрессом 8 сентября 1916 г., о котором проф. Сеймур говорит, что оно было самым грандиозным, которое когда-либо принималось каким-либо государством, не находящимся в состоянии войны. Закон предвидел постройку 137 боевых единиц всех классов и ставил американский флот в ряды флотов других держав.

Когда САСШ несмотря на осознанные противоречия с Англией вступили в мировую войну, Англия приложила все усилия, чтобы помешать САСШ строить большой военный флот. Во время специальной миссии Бальфура в Америке англичане пытаются убедить американцев в том, что общая победа над Германией требует постройки не дредноутов, а истребителей и других кораблей легкого типа для борьбы против подводных лодок. Хаус отвечает на эти предложения следующим контрпредложением (беседа с сэром Эриком Дрюмондом от 13 мая 1917 г.):

«Англия обязуется при условии согласия САСШ временно отка-

заться от постройки линейных кораблей в пользу истребителей, предоставить САСШ после войны, в случае необходимости, соответствующее количество своих линейных кораблей. Английский ответ указал, что подобное соглашение подняло бы ряд опасных международных вопросов и поэтому неприемлемо».

Что скрывалось за «рядом опасных международных вопросов», становится ясным из комментария, который Хаус присылает Вильсону 7 июля 1917 г.

«Я не могу согласиться, что решение, которое предлагает Бальфур, приведет к каким-либо результатам, за исключением разве того, что оно поможет Японии броситься в объятия Германии и создать комбинацию против нас. В случае конфликта между нами и Японией или между другими участниками соглашения все остальные принуждены были бы сохранить нейтралитет» (том III, стр. 69).

Англия опасалась, что САСШ попытаются взорвать ее союз с Японией, ибо она не могла бы, конечно, сохранить союз с Японией и одновременно предоставить свои линейные корабли САСШ в случае конфликта их с Японией. Англия предлагала САСШ, по совету Хауса, только нейтралитет на случай такого конфликта. Но САСШ хотели иметь корабли.

САСШ во время войны строили в первую очередь боевые единицы для борьбы против подводных лодок, и к концу войны из десяти утвержденных линейных кораблей готовы были только два, а из пяти крейсеров — один.

Разгадку этой политики надо искать не только в необходимости концентрации всех сил для разгрома Германии, но и в изменении положения вопроса о свободе морей, изменении, которое вы-

текало из установки на Лигу наций.

Мы не можем здесь проследить этой установки у Вильсона. Она появилась еще до войны, когда Вильсон послал Хауса в первый раз в Европу с тем, чтобы прощупать возможность соглашения между Англией и Германией и этим избежать войны на основе установления обязательного арбитража и уменьшения вооружений (том I, стр. 241—282).

Когда во время войны идеи Вильсона и Хауса сгустились в концепцию о Лиге наций, Вильсону стало ясно, что проведение в жизнь этой идеи в корне меняет постановку вопроса о морской торговле во время войны. Если бы САСШ решились порвать со своим традиционным «aloofness», оставаться в стороне и вошли бы в Лигу наций, то, понятно, они не могли бы добиваться права свободной торговли со всеми воюющими странами. Если какая-либо страна начала бы войну вопреки решению Лиги наций, то САСШ не только не могли бы вести с такой страной торговлю, но, наоборот, обязаны были бы блокировать ее. Поэтому, когда Вильсон выставил

свои знаменитые 14 пунктов, он сделал к пункту «Абсолютная свобода морской торговли вне территориальных вод во время мира как и войны» следующее добавление: «За исключением случая, когда на основании международного решения (для проведения международного соглашения) море полностью или частично закрывается». На основании своих переговоров с английскими политиками Хаус был уверен, что такая формулировка для них будет приемлема. Ему пришлось убедиться, что он глубоко заблуждался.

Когда САСШ вступили в войну, Вильсон, конечно, отлично понимал, что союзники не дадут себя связать его 14 пунктами. В противоположность заверениям, данным на сенатской комиссии, он знал тайные договоры. Документы из архива Хауса (том III, стр. 43—62) доказывают это с полной очевидностью. Хаус был информирован Бальфуром, который многократно предлагал предъявить Вильсону копии договоров. Хаус предпочел предоставить Вильсону формальную возможность «не знать» документы, но он информировал его подробно. И САСШ, несмотря на расхождение между их официальными целями войны и целями их союзников, с ликованием и задором вступили в войну. После версальского подарочка многие разочарованные мелкие буржуа горько упрекали своего вчерашнего кумира в лицемерии. Но мелкобуржуазные боги всегда были наполовину пророками, наполовину шарлатанами, наполовину обманщиками, наполовину обманутыми.

Вильсон и Хаус питали недоверие к финансовым и промышленным королям. Оба имели мелкобуржуазные иллюзии, что, если они ведут войну опираясь на «общественное мнение демократии», дело как-то обернется. Вильсон надеялся сыграть роль не то высшего судьи, не то преподавателя высшей мудрости. Хаус рассчитывал на компромисс, который он считал глубочайшей жизненной философией англо-саксонской расы. Итак — не «война воды и молока»,

Морские вооружения Америки. Броненосный крейсер на Гудзоновом проливе

но полная поддержка империалистических держав, «временное приостановление всех противоречий между союзными и ассоциированными державами», подавление в Америке, как и везде, всякой оппозиции против войны. И когда война кончится, он, Вильсон, займет председательское место в решении мировых судеб.

Мы должны здесь отказаться написать картину полутрагического, полукомического пробуждения пророка «нового строя» и удовлетвориться тем, что коротко напомним англо-американские противоречия, назревшие и столкнувшиеся в день, когда Германия заявила о своей готовности капитулировать на базе вильсоновских пунктов.

«Если союзники победят, ваше влияние уменьшится, в этом вы должны дать себе полный отчет. Поэтому вы должны по возможности теперь уже связать союзников своей программой»,

писал Хаус 3 сентября 1918 г. Вильсону. Уже 5 октября Вильсон имел в руках германское предложение о перемирии. И хотя союзники не учли полностью степени германского развала и подозревали за предложением о перемирии маневр, рассчитанный на то, чтобы выиграть время, они уже настолько воспряли духом, настолько почувствовали себя крепко в седле, что заявили, что они не считают себя связанными вильсоновскими 14 пунктами. «Спрашивал ли вас когда-нибудь президент, принимаете ли вы его 14 пунктов», спросил Клемансо Ллойд-Джорджа. — «Меня он не спрашивал». — «Меня тоже нет», ответил английский премьер. Союзники садятся за обсуждение предложений Вильсона и проваливают их одно за другим. Хаус пытается спасти положение тем, что расширяет и растягивает пункты, как резину. При обсуждении второго пункта, трактуемого о свободе морей в той формулировке, которую Хаус считал приемлемой для

Приезд Пуанкаре и Вильсона на Версальскую конференцию

союзников, начинается острейшая борьба.

«Этого пункта, — заявляет Ллойд-Джордж, — мы ни при каких условиях не можем принять. Он представляет собой отказ от блокады. А между тем Германия была разбита в не меньшей степени блокадой, чем военными методами. Если право объявления блокады будет передано в руки Лиги и Англии придется снова бороться за свое существование, никакая Лига наций не заставит Англию отказаться от своей защиты. Поэтому я считаю, что сперва должна существовать Лига наций, прежде чем я выдам ей в руки это могущественное оружие. Хаус угрожал: «Если союзники отклонят 14 пунктов, встанет вопрос, не заключит ли Америка непосредственного соглашения с Германией и Австрией». Это поведет к заключению сепаратного мира между САСШ и центральными державами», ответил Клемансо. — «Пусть будет», ответил Хаус. Но ни Ллойд-Джордж, ни Клемансо не дали себя запугать. «Было бы очень печально, если бы САСШ заключили сепаратный мир,

но это не могло бы заставить нас отказаться от блокады, которая дала нам возможность жить. Что касается Англии, она продолжала бы войну», заявил Ллойд-Джордж.—«Я не могу понять смысла доктрины о свободе морей, говорит Клемансо.— Война не была бы войной, если бы она допускала свободу морей».

Вильсон, которого Хаус 30 октября информировал о положении вещей, телеграфировал 30 октября:

«Я считаю себя обязанным уполномочить вас на заявление, что я не согласен на участие в мирных переговорах, которые не включают пункта о свободе морей».

Хаус нажимает за кулисами на все рычаги. 1 ноября он отмечает в своем дневнике:

«Немедленно после возвращения из Версаля я послал за сэром Вильямом Виземаном и сказал ему, что если Ллойд-Джордж не сделает разумных уступок в вопросе о свободе морей, рушится окончательно всякая надежда на англо-американское единение. САСШ вели за это право войну в 1812 г. Они

вступили в войну против Германии в 1917 г. из-за этого же вопроса. Если бы президент даже хотел, он не смог бы обойти этот вопрос. Если Ллойд-Джордж действительно выражает английскую точку зрения, то это вызовет в САСШ после окончания войны самое недружелюбное отношение по отношению к Англии, какое когда-либо существовало со времени гражданской войны. Я подчеркнул с возможной силой, что наш народ не допустит, чтобы британское или какое либо другое правительство диктовало ему условия, на которых наши суда имеют право выезжать в море во время мира, как и во время войны».

«Ллойд-Джордж ответил на эти угрозы в частной беседе следующее: «Великобритания израсходует последнюю свою гинею на то, чтобы ее флот превосходил как американский, так и каждый флот любой державы, и ни один член кабинета не мог бы оставаться в правительстве, если бы он отказался от этой точки зрения».

Заседание мирной конференции в Версале в ноябре 1918 г. до перемирия

После этого Америка согласилась, чтобы в ответе союзников Германии была включена оговорка, что формулировка пункта о свободе морей допускает расширительные толкования и что поэтому во избежание недоразумений этот пункт будет еще предметом дальнейших дискуссий. Свобода морей превратилась в свободу дискуссий.

В Версале все демократические требования 14 пунктов были отклонены. Большого значения для американского империализма это не имело, так как демократические утопии Вильсона нужны были финансовым акулам только как приманка для масс. Но у Англии хватило наглости потребовать от САСШ, чтобы они отказались от выполнения принятой ими морской программы и после окончания войны. Министр блокады и энтузиаст Лиги наций, одновременно один из величайших специалистов Англии по лицемерию, Роберт Сесиль запрашивал Хауса в меморандуме от 8 апреля 1919 г., не считают ли САСШ возможным заявить после подписания версальского договора и Лиги наций об отмене военной морской программы или об ее изменении (том IV, стр. 419). Хаус ответил на запрос Сесиль уклончиво, что САСШ охотно готовы из года в год обсуждать с Англией вопросы морского разоружения обеих стран.

САСШ не могли, таким образом, на версальской конференции проташить свои требования, поскольку это касалось вопроса о свободе морей, т. е. вопроса о ликвидации британской гегемонии на море. Отсутствие сильного флота было одной из причин этой неудачи. Но если по мере приближения мира значение САСШ для ведения войны, а вместе с этим их влияние, падало, то Англия чувствовала, что после окончания войны, экономическое могу-

щество САСШ над потрясенным миром должно необыкновенно вырасти. Поэтому в Англии росло чувство беспокойства и раздражения против новой империалистической державы, выросшей на крови мировой войны, державы золото которой было в состоянии родить стальные корабли. И полковник Хаус, посланный Вильсоном в Лондон, чтобы помочь приготовить зыбку и пеленки для новорожденной Лиги наций, сообщает Вильсону 30 июля 1919 г.:

«Как только я прибыл в Англию, я почувствовал ее антагонизм к САСШ. Англичане по отношению к отдельным американцам так же милы, как и раньше, но к нам как к целому настроены враждебно. Британская империя превосходит САСШ в отношении объема и количества населения. Ее накопленные богатства, вероятно, больше наших, но мы находимся в лучшем положении. На этом основании отношения между обеими странами начинают принимать тот же характер, как отношения Англии и Германии до войны. В силу своей индустрии и своей организации Германия выдвинулась на первое место в мире. Но она потеряла все вследствие своего нахальства и отсутствия государственного разума. Кто повторит эту ошибку: Англия или Америка? Если мы будем достаточно дальнозорки, то мы будем себя так вести, чтобы заслужить симпатии всех народов, так как, я думаю, придет день, когда они нам пригодятся» (том IV, стр. 495).

(Окончание следует)

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ—ТАКОВЫ ЕДИНСТВЕННЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ВЕРСАЛЬСКОГО УРОКА ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА ВСЕГО МИРА

Ленин

РАЗРУШЕННАЯ ЛЕГЕНДА

Действие империалистических противоречий, рождающихся из монополистических тенденций современного капитализма и неравномерностей капиталистического развития, разрушает самые почтенные исторические традиции. Такой «почтенной» исторической традицией была «вековая дружба» САСШ и Франции. Источником этой дружбы была помощь, оказанная в конце XVIII в. монархической Францией британским северо-американским колониям в их борьбе за независимость. Эта помощь была оказана Францией Людовика XVI не только деньгами, но в известной незначительной степени и людьми. Этой борьбой на стороне восставших и федерировавшихся штатов прославился особенно знаменитый «герой двух континентов» маркиз де Лафайет, впоследствии тщетно пытавшийся остаться столь же галантным в отношении революции, как и в отношении монархии во Франции. Он успешно дожил до времен Орлеанской монархии и, став настоящим родоначальником «лево»-драпирующегося либерализма, вместе с Вашингтоном, Гамильтоном, Джефферсоном, был причислен к лику американских национальных святых, памятники которых украшают улицы городов САСШ.

Этот союз французской монархии с восставшими британскими колониями был, конечно, продиктован не столько симпатией к «свободе» и «демократии» (хотя во французском обществе уже созревала революция), сколько вековой тяжбой Франции и Британии за гегемонию в Европе и за колониальные, заокеанские владения. Французская монархия не могла не приветствовать событие, которое вело к ослаблению могущественного британского соперника. И, конечно, вожди северо-американского революционного движения за независимость великолепно понимали это. Они доказали прекрасно

это понимание, когда во Франции несколько лет спустя вспыхнула революция и когда феодальная Европа с Англией во главе ответила на эту революцию коалиционными войнами, международно-организованной вооруженной интервенцией против страны революции.

Возникшая тогда при помощи Франции северо-американская республика, руководимая крупными помещиками, купцами и банкирами, уклонилась от союза с революционной Францией против «национального» врага—Англии, стремясь по возможности заработать на нейтралитете своими поставками воюющим странам. Президент Вашингтон ограничился тем, что выразил пожелание в письме к послу САСШ в Париже Моррису, чтобы «из тех суровых бедствий, которые неотделимы от столь значительной революции, возникло много блага для французской нации и человечества вообще»¹.

Из этого уклонения от союза с революционной Францией и родилась одна из самых почтенных национальных «традиций» американской политики: прославляемый и формально соблюдаемый и поныне закон «невмешательства» САСШ в европейскую политику, ее «изоляция» от европейских дел. Вашингтон только обобщил опыт эпохи французских революционных войн (т. е. факт уклонения САСШ от поддержки Франции), когда, уходя от президентских трудов на покой, он в своем «прощальном адресе» в 1796 г. высказался против «постоянных союзов с какой бы то ни было частью иностранного мира», провозглашая лозунг невмешательства в европейскую борьбу и европейские интриги².

¹ «Жизнь и переписка Говернора Морриса», изд. 1832 г., т. II, стр. 226.

² Этот источник благочестивой легенды о заветах Вашингтона обыкновенно замазывается американскими «патриотическими» историками. О нем более искренно повествуют Чарльз и Мэри Бирд в их весьма ценной «Истории американской цивилизации», Лондон, 1927 г., т. I, стр. 372.

Урожай на Филиппинах

Но этот «священный эгоизм» молодой республики только помог тому, что воспоминание о помощи, полученной от Франции в период освободительной борьбы, было включено в круг американской официальной национальной традиции и послужило основанием «традиционной дружбы» между обеими странами: САСШ и Францией.

Мировая война и, может быть, еще более послевоенное развитие событий нанесли немалый ущерб этой почтенной легенде, как и многим другим легендам. Свирепая проза империалистических противоречий плохо уживается со всякой исторической романтикой. Со времен мировой войны взаимоотношения обеих плутократических республик вступают в полосу трудностей, осложнений и даже прямой борьбы. Эта полоса имеет свою историю, развивающуюся по этапам.

Америка вступила в бой последней, когда силы участников мировой войны уже почти полностью исчерпались. Но именно поэтому она могла присвоить себе фактическую роль высшего

судьи, арбитра, и вышла из войны настоящим победителем.

Уже приняв участие в войне, Америка не спешит еще — вопреки бесконечным настояниям союзников — вливать свои воинские части, по мере их прибытия во Францию, в обескровленные союзнические армии. Постепенно, хладнокровно Америка создает в глубоком тылу «самостоятельную» армию для того, чтобы фактически только в сентябре 1918 г., за несколько недель до окончания войны, принять участие в бою.

Но мирные переговоры еще более обнажили противоречия интересов между Францией и САСШ. Так как американский империализм менее всего мог ожидать от войны территориальных приращений для себя, то он мог под всякими «общечеловеческими» и «демократическими» лозунгами выступить в роли фактора, умеряющего аппетита победителей на мирной конференции. Еще до мирной конференции Вильсон выступает противником тайных договоров с Италией и полного

расчленения Турции, предусмотренного т. н. договором Сайкс-Пико, и договора, заключенного в Сен-Жан де Мориенн.

Мало того, следуя примеру своей политики на американском континенте, заключающейся в планомерном подчинении стран Южной и в особенности Центральной Америки под видом «пан-американских уний» (т. е. союзов, лиг) и в то же время, из боязни революции, стремясь противопоставить большевистской угрозе и большевистской программе благозвучно «демократические» лозунги «Союза народов», «всеобщего мира» и «всеобщего разоружения», президент САСШ выступает в роли инициатора и пророка «Л и г и н а ц и й» как орудия всеобщего прочного «примирения», уравнивания и разоружения. Необходимость хотя бы компромисса с Америкой, решавшей судьбу войны, и боязнь революции, заставлявшая представителей старого строя искать прикрытия в «демократическом» тумане, побуждают и французских империалистов примириться с романтическими затеями американского «законодателя» и «пророка», в мантии которого искала спасения от революционной бури и вся мировая «социал-демократия». Но, по сути свирепо-реалистический империализм и милитаризм Клемансо и Фошей с ненавистью встречал эти двусмысленные заокеанские затеи, как сто лет назад после побед над первым Бонапартом самые последовательные представители феодальной реакции, Меттерних и его единомышленники, с иронией и опаской относились к аналогичным затеям русского царя Александра I.

Как в свое время Меттерниху идея «Священного Союза» представлялась нелепой «смесью политики с религией», с «христианством»¹, так и Клемансо и его вояки видели в вильсоновской Лиге наций смесь реальной политики с англо-американским церковно-моральным лицемерием и скользкой демагогией. Только современем французский империализм научился не только использовать для своих целей механизм

Лиги наций (и всю связанную с ней обманную «пацифистскую» идеологию), но даже по сути обеспечил себе решающие позиции в этом сборище и бирже капиталистических держав.

На версальской мирной конференции САСШ совместно с Англией «заманеврировали» Францию в решаемом вопросе о судьбе рейнских провинций. Клемансо отказался от попыток в той или иной форме отбросить Германию за Рейн в расчете на военно-союзное обеспечение «безопасности» границ Франции со стороны обеих англо-саксонских держав. Но эти расчеты оказались утопическими. Американский империализм, проглотивший колоссальные количества добычи и испуганный европейской склокой и революцией, в целях спокойного переваривания своей добычи удалился на свои «традиционные» высоты «изоляции». Обезумевший пророк мировой «демократии», засидевшийся в Париже Вильсон, оказался покинутым своими сородичами, занявшимися безраздельно культом золотого тельца, как Моисей, когда он слишком долго оставался на горе Синае в патетическом диалоге с Иеговой. Америка не только не предоставила Франции обещанных Вильсоном «гарантий», но и уклонилась от участия в версальском договоре, заключив с Германией самостоятельный «сепаратный мир, как это сделала Россия в Брест-Литовске»(!) — так еще в 1926 г. непочтительно пишет (ибо что для империалистов может быть непочтительнее сравнения с Брест-Литовском?) в своем донкихотски-драматическом послании сухому Кулиджу умирающий старик Клемансо¹.

Это «дезертирство» недавнего союзника ощущалось французским империализмом тем больше, что сам-то новый бурный приступ политики «самоизоляции» Америки оказался сущей фикцией. «Изоляция» сводилась только к тому, что Америка избегала принимать на себя какие бы то ни было формальные обязательства, сохраняя для себя полнейшую свободу действий, привилегию

¹ «Мемуары Меттерниха». Париж, 1880 г., т. I, стр. 212.

¹ Клемансо, «Величие и невзгоды одной победы», Париж, 1930 г., стр. 371.

сильных мира сего. В то же время она могла твердо рассчитывать на то, что ее колоссальная мощь и растущая финансовая зависимость Европы от американского капитала и без всяких формальностей и околичностей обеспечат Вашингтонскому правительству и Нью-Йорским банкирам надлежащую долю влияния на европейские дела. И это растущее фактическое вмешательство САСШ в безнадежно запутанные дела Европы в эту первую послевоенную полосу сплошь и рядом направляется против Франции. Это — полоса т. н. «англо-американского сотрудничества», увенчанная планом Дауэса и формальным контролем над Германией ставленника американских банков т. н. агента по трансферу Паркера Гильберта.

Это целая эпоха послевоенной истории капитализма, когда безудержному французскому империализму, стремившемуся еще полувоенными мерами содрать шкуру с Германии, приходилось шаг за шагом отступать перед объединенным натиском британского и американского финансового капитала, ставившего своей первой и непосредственной задачей восстановление («стабилизацию») самого механизма европейского капитализма и (для достижения этой цели) обуздание чересчур «центробежных» тенденций французской репарационной политики, готовой поджечь Европу (рурское нашествие 1923 г.!) и подвести Германию на самый край революции (октябрь 1923 г.) ради удовлетворения своих притязаний. Во Фран-

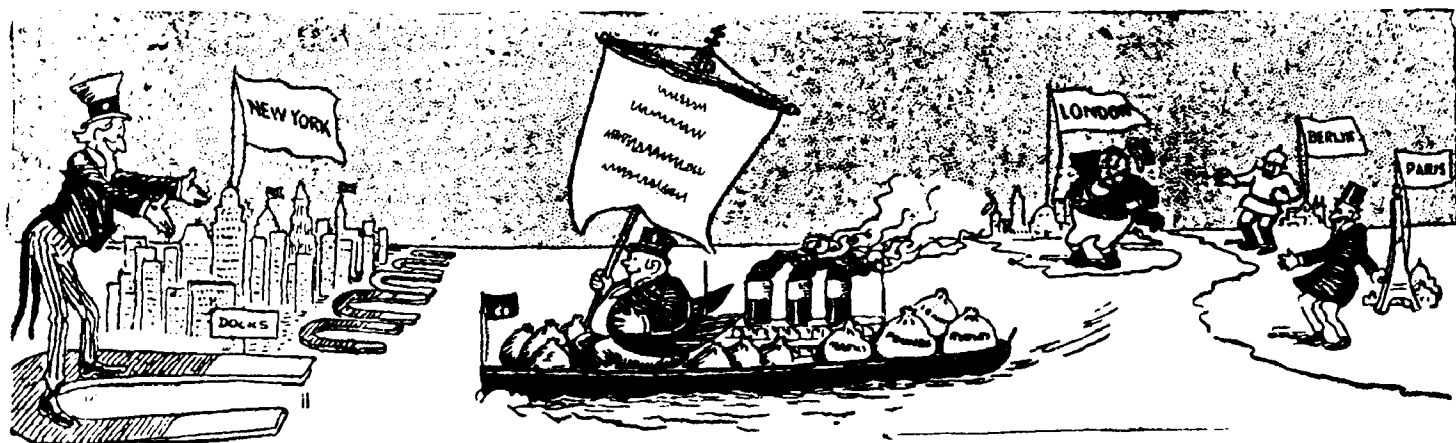
ции этого периода сплошь и рядом проходит волна возмущения против «диктатуры» англо-саксонского капитала. «Возмущается» не только крупный капитал, но и мелкий рантье, которого уверили, что «бош (т. е. немец) уплатит все» спасет, мелкую ренту.

К тому же до самого 1926 г., т. е. до момента стабилизации франка, Франция остается страной инфляции, постепенного и все более угрожающего распада валюты, который заставляет и ее прибегать к американской кредитной помощи (т. н. моргановский заем).

И в то же время САСШ безжалостно требовали от Франции урегулирования вопроса о платежах по огромным военным долгам. Уже после крупной «скидки» эта задолженность Франции Америке определена была соглашением 1926 г. в 4 млрд. 25 млн. долларов¹. Франция скрепя сердце и со скрежетом зубным сперва возобновляет фактически платежи, а потом (апрель 1926 г.) и оформляет свои обязательства соответствующим соглашением. Формальной увязки своих долговых обязательств, по отношению к САСШ с бесперебойностью выручки от германских репараций ей не удалось добиться.

«Напористость» американского империализма находит себе выражение еще в одном, новом направлении: когда в 1925 г. Франция заключает наконец торговый договор с Германией, Вашингтонское правительство ультимативно требует распространения

¹ См. Мультон и Пазвольский, «Соглашения о мировых военных долгах» (англ. изд.), 1928, стр. 43.

Золотой фонд уплывает из Европы в САСШ

на свои товары преимуществ, предоставленных Германии.

Ко всему этому следует прибавить, что состояние инфляции и финансовой слабости Франции во весь этот период создает для капитала САСШ возможность завоевать себе влиятельные позиции в самой Франции.

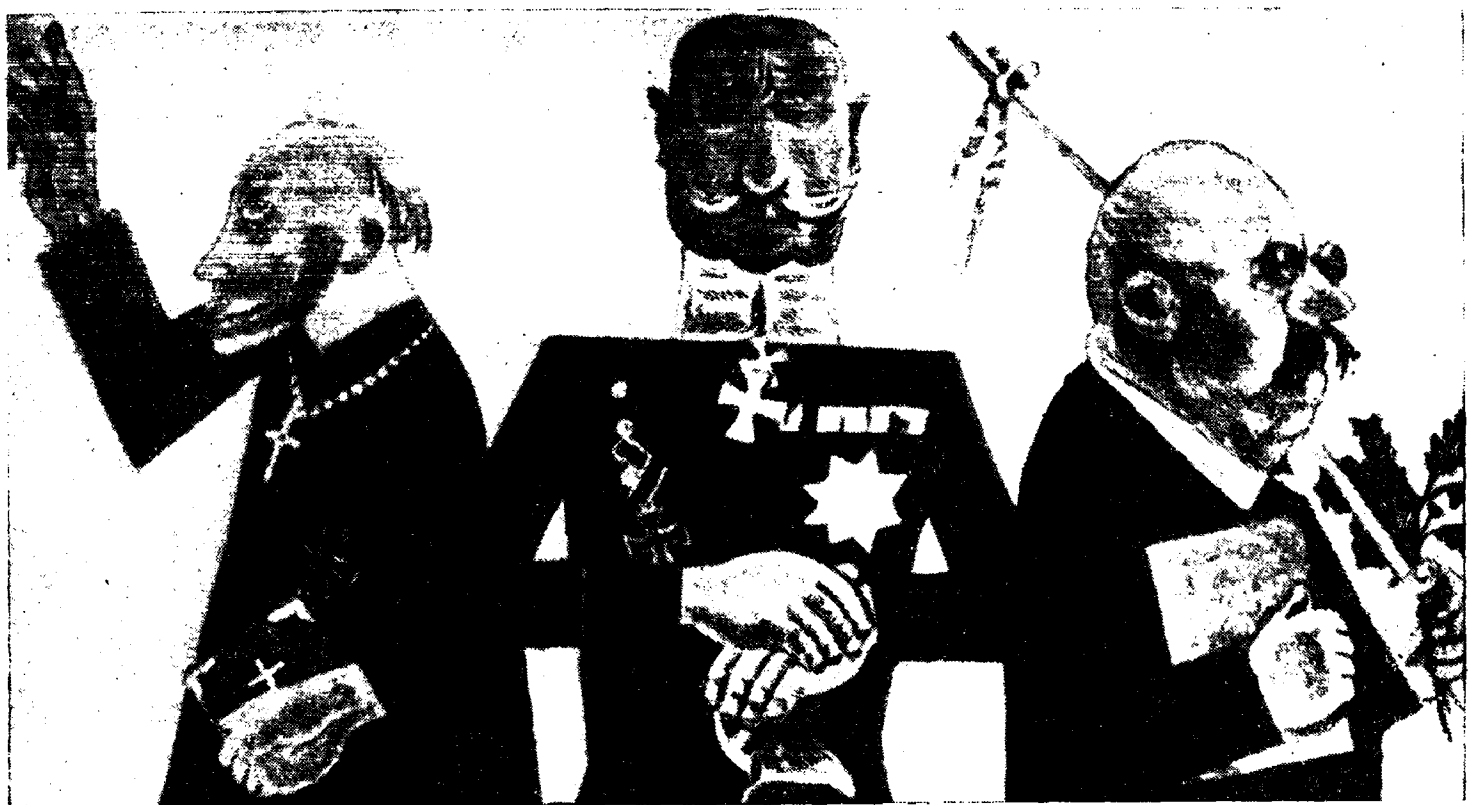
И все же весь этот период еще не является периодом активного развития франко-американских противоречий. На Вашингтонской морской конференции 1921-22 г. Франция, правда, уже затрудняет успех конференции, сопротивляясь сокращению строительства всяких других видов флота, кроме крупного линейного флота и авианосцев. Но все же в то время она еще не выступает как претендентка на роль первостепенной морской державы; она фактически мирится даже с ролью морской державы третьей степени, уступая первое место Англии и САСШ и второе место Японии. Вместе с тем, она в области крупного боевого флота мирится с уравнением ее сил с силами Италии: «прегрешение», которого до сих пор не хотят простить Бриану французские националисты. Все это должно было со временем резко перемениться.

Сейчас мы уже наблюдаем новый этап франко-американских отношений, который дает нам право говорить о более или менее открытом и активном антагонизме между Францией и Америкой. В чем его секрет? И не является ли этот антагонизм просто привидением? Мы уже так привыкли видеть на первом плане всей картины развития империалистических противоречий борьбу между Англией и САСШ за мировую гегемонию, что сама мысль осуществления каких-то более глубоких противоречий в другой плоскости, а именно между САСШ и Францией, представляется нам несколько неожиданной.

Между тем, если можно так выразиться, одно не мешает другому. Англо-американский антагонизм представляет собою, без сомнения, центральное империалистическое противоречие нашего времени: обе стороны — Англия и

САСШ — державы мирового масштаба, и только они и могут бороться друг с другом за мировую гегемонию. В отличие от них Франция при всей ее военной и экономической мощи остается только европейской (или европейско-африканской) державой, аппетиты которой не могут выйти за пределы гегемонии в континентальном, европейском масштабе. Даже в Африке, основной сфере французских колониальных влияний, Франция не может мечтать о вытеснении решающей африканской державы — Англии. В бассейне Тихого океана, куда все более передвигается ось будущих империалистических конфликтов, Франция — совершенно второстепенная величина. Все это так, но дело в том, что центральный империалистический антагонизм нашей эпохи — борьба Англии и Америки за мировую гегемонию — еще не достиг той степени зрелости, когда вокруг обоих главных антагонистов, как по обе стороны баррикады, должны уже безусловно и неизбежно группироваться, и так или иначе распределяться все остальные силы. Империалистические противоречия нашего времени не слабее довоенных, а несравненно острее, и они приводят к еще более бешеной по темпу и масштабу подготовке к войне. Но три обстоятельства, три крупных фактора: 1) неслыханная всеобщая запутанность всех международных отношений современного капитализма, 2) всеобщий кризис капитализма, вызывающий всеобщее истощение, и 3) главное, наличие классового фронта, боязнь революции, борьба со страной революции и строящегося социализма — все эти три фактора колоссально осложняют развитие, делают его менее прямолинейным, таят в себе массу других «неожиданностей», других конфликтов и войн, создавая для британского и американского империализма (и в особенности для первого из них) необходимость пока что еще искать «передышки» в борьбе, прежде чем ринуться в бой.

В результате имеют время «развернуться» и другие империалистические противоречия. Ведь еще неясно, неизвестно, на чьей стороне очутится Франция в грядущем конфликте между Англией и

Единый фронт против СССР

Рис. Георга Гросса

САСШ. Поэтому обе стороны и ухаживают за Францией и дают волю борьбе интересов, толкающей их и против Франции.

Не подлежит сомнению, что выступающий в последнее время все отчетливее антагонизм САСШ в отношении Франции имеет свои глубокие источники. Тут полезно будет провести некоторую аналогию с Англией. Англия, будучи европейским государством, но отдаленным и защищенным окружающим ее морем, не стремилась непосредственно укрепиться на континенте (как в старые века), но зато ставила себе задачей не допустить того, чтобы какое-нибудь из европейских государств могло приобрести безусловное превосходство сил над всеми другими, ибо такая безусловная гегемония была бы опасной для всего положения Англии и для ее политики. Поэтому Англия и стремилась к сохранению известного «равновесия (баланса) сил» между европейскими континентальными державами. Этому отвечала роль своеобразного «посредника», арбитра, который всякими мерами воздействия и натиска противопоставлял одни державы другим, «поддерживал» временно более слабые

страны против самых сильных и соединялся с ними для общей борьбы против ставших опасными соперников.

Таким опаснейшим соперником в течение столетий была Франция. С начала нашего столетия им стала Германия. Англия создавала коалиции то против одной, то против другой.

В известном смысле эту историческую роль Англии перенимает после мировой войны американский империализм. Этому, наряду с упадком британской мощи, способствовал ряд обстоятельств: роль решающей и сильнейшей империалистической державы заняли САСШ. Современная военная техника с ее средствами химической и воздушной войны, с ее подводным флотом существенно сократила значение морей как военной преграды. Небывалое развитие торговых связей и бурно выросшие помещения американского капитала в европейских странах сделали в известном смысле и из САСШ «европейскую» державу, фактор европейской политики. Все это вместе взятое в той или иной степени превращает и САСШ в громадный заокеанский «остров», в растущей мере заинтересованный в соот-

ношении сил в Европе, в сохранении известного «баланса сил», который не угрожал бы интересам американской торговли и американского экспорта капитала и который не угрожал бы крахом самому существованию капиталистического строя. К этому присоединяется еще громадное значение факта существования Советского Союза, становящегося объективно-историческим центром притяжения революционных сил всего мира и уже в силу этого все более решающим фактором всего исторического развития как в Европе так и в Азии, куда все более обращаются взоры американского империализма.

Эта растущая заинтересованность в европейских делах и заставляет правительство САСШ во все более резкой форме рвать с почтенной фикцией «изоляции» и «невмешательства», наоборот, все более открыто бороться за свою долю влияния, фактически за свою гегемонию в Европе.

Но в этой борьбе империализм САСШ сталкивается не только с фактом существования и роста мощи социалистического государства, сталкивается не только со старым, еще мощным британским империализмом, — он наталкивается еще на факт гегемонии мощного французского империализма и милитаризма во всей капиталистической части европейского материка.

Эта фактическая гегемония Франции обусловлена ее победой в мировой войне, ее быстрым превращением в крупную современную индустриальную страну, ее военной, колониальной и финансовой мощью. Со времен «англо-американского сотрудничества», потрясения всех основ финансовой мощи Франции, ее бессилья на морях обстоятельства основательно переменились.

Франция располагает сейчас не только величайшей и лучшей армией в среде капиталистических держав. С 1925 г. она планомерно строит перворазрядный морской флот. На морской конференции в Лондоне 1930 г. она властно выступила с программой

около восьмисоттысячного тоннажа (т. е. около 60% британского или американского тоннажа); нератифицированное соглашение трех держав 1931 г. признает за ней «право» на сильнейший подводный флот в мире. Франция после Англии обладает величайшей колониальной «империей», в географическом отношении в своих основных (африканских) частях более благоприятно расположенной, чем британские колониальные владения. Эту «империю», отделенную от метрополии только незначительными морскими путями, Франция планомерно сколачивает в единый блок систему железных дорог, проводимых в горизонтальном и вертикальном направлениях (линия Бизерта—Казабланка и планируемая сахарская линия от Средиземного моря до экваториальной Африки). В то же время эта «империя» плотно отгораживается от всего внешнего мира непроезжимой стеной таможенных тарифов вопреки всему духу американского принципа «открытых дверей»¹.

В течение небольшого промежутка времени (с 1926 г.) Франция на сохранившейся основе своего старого богатства и новой военной добычи быстро восстанавливает и укрепляет свою финансовую мощь. Она располагает количеством золота, равным почти половине того, что имеется у САСШ (431 млн. ф. ст. против 944 млн. ф. ст.)², и запасы ее растут быстрее (рост за 1930 г. во Франции с 336 млн. ф. ст. до 431 млн. ф. ст., в САСШ с 880 млн. ф. ст. до 944 млн. ф. ст.). В то же время Франция, избегая долгосрочных помещений капиталов и целиком подчиняя свою кредитную политику целям и маневрам своей общей империалистической политики, держит под страхом британский и еще более германский денежный ры-

¹ Американский капитал и американская торговля пока еще не устремляются в африканские владения Франции. Это, может быть, дело не столь отдаленного будущего. Но САСШ уже начинают оберегать и в отношении Марокко принцип «открытых дверей». Когда в 1923 г. и затем в 1928 г. европейские державы рассматривали вопрос о Танжере, американское правительство обращается к ним с торжественными нотами, напоминающими о том, что решения алжесирасской конференции обеспечивают «свободу дверей» (см. Бенжамен Уилльямс «Экономическая внешняя политика САСШ», Нью-Йорк, 1929, стр. 317). Это всего еще только первый шаг, но он показывает линию развития...

² По данным «Золотой делегации» Лиги наций и доклада Макмиллана (стр. 64).

нок, идя когда нужно наперерез политике американского капитала и американских банков и затрудняя им их борьбу за «контроль» над мировым денежным рынком.

Эта финансовая мощь Франции и ее самостоятельные «диктаторские» замашки имеют свою сильную основу не только в прочности французской денежной системы, но и во всем ее хозяйственном развитии, сочетающем процесс ускоренной индустриализации с сохранением самостоятельной с.-х. базы. Превращение в современную индустриальную страну находит себе яркое выражение в двух с половиною кратном увеличении (по сравнению с довоенным временем) промышленного вывоза¹

В то же время все планы Франции «подковывать» свою европейскую гегемонию финансовыми и экономическими связями по типу бриановской «пан-Европы» — как бы они ни были утопичны — одним своим острием, без сомнения, обращаются и против САСШ, вызывая с их стороны нервную реакцию.

В этих условиях американско-французские противоречия концентрируются, главным образом, вокруг трех вопросов.

Первый из этих вопросов — это вопрос о финансовой гегемонии. При всей своей финансовой мощи Франция, конечно, не может мечтать об оспаривании у САСШ финансовой гегемонии в мировом масштабе. Но у Франции достаточно сил, чтобы заставить американский финансовый капитал бороться за вовлечение французского капитала в свою систему, в особенности в Европе. В частности, САСШ хотелось бы, чтобы Франция помогла своими капиталами спасти американские капиталы, помещенные в шатающемся германском хозяйстве.

Второй вопрос (стоящий в теснейшей связи с первым) — это вопрос о репарациях и вся «проблема» Германии. Если отвлечься от относительно мелких сумм, то у Германии по репарационным дол-

гам в конечном счете окажутся только два кредитора: казначейство САСШ (в наибольшей доле) и французское казначейство. Соответственно этому и германские годовые платежи по репарациям разделены на т. н. условную часть, которая идет на погашение межсоюзнических военных долгов, и т. н. безусловную часть, которая остается в руках прежде всего Франции. САСШ все яснее отдают себе отчет в том, что всеобщее расстройство экономической жизни делает все более неотвратимым пересмотр договоров о погашении межсоюзнических долгов и германских репараций. И поэтому САСШ хотели бы, чтобы этот пересмотр (началом которого явилось знаменитое предложение Гувера о годичной отсрочке всех платежей) произошел не только за счет Америки, но в той или иной степени и за счет Франции. В этом был весь смысл франко-американских споров и торгов вокруг гуверовского предложения. Это борьба за распределение и переложение риска и потерь.

Но с этим связана более общая борьба за влияние на Германию, за гегемонию в самом центре старого материка. Растущие помещения американского капитала в Германии побуждают САСШ бороться за свою долю влияния на всю политику и все положение Германии. А предпосылкой этого является недопущение полного вассалитета, полного подчинения Германии французской диктатуре.

Третий вопрос — это вопрос о вооружениях. Он также связан с обоими предыдущими. Рядом с финансовой мощью военная мощь Франции непосредственнее всего обеспечивает ей угрожающее для всех других стран превосходство сил во всей капиталистической Европе. Борьба с этим превосходством предполагает и борьбу за ослабление французского милитаризма. Тем более, что его «заскоки» сплошь и рядом — то в 1923 г., то в 1931 г. — подводят страну импорта американского капитала, Германию, к самому краю экономической катастрофы и революции. Притязания же Франции на

¹ Цифра — до момента наступления кризиса 1929-30 гг. См. официальный британский доклад об экономическом положении Франции в 1928 г. (стр. 23).

роль первостепенной морской державы возбуждают и сами по себе беспокойство САСШ и крайне затрудняют их борьбу с Англией за первенство на морях. Тем более, что еще остается неясным, чьим союзником окажется Франция в решающий момент. Пресловутый «морской компромисс» 1928 г. был расстроен Америкой, но он показал, как близко могут подойти Англия и Франция к мысли о фактическом военном союзе (или «антанте»).

К этому присоединяются и более проходящие конъюнктурные соображения. Связанные с кризисом соображения экономики уже заставили САСШ отсрочить до будущей сессии конгресса вотирование кредитов на морское строительство, допущенное решениями лондонской морской конференции 1930 г. Между тем, упрямые французские притязания и крах соглашения Франции с Италией ставят под вопрос все «достижения» лондонской конференции.

В конечной же перспективе все эти три

спорных вопроса ведут еще к четвертой, более скрытой, но по своему историческому содержанию еще более важной и более общей проблеме: проблеме борьбы двух систем. Борьба за гегемонию в Европе так или иначе не может не включать в себя элементов борьбы за гегемонию, за руководство в борьбе со страной революции и строящегося социализма. Было бы нелегко спорить о том, чей империализм—САСШ или Франции—более непримиримо, более агрессивно защищает и будет защищать интересы капитализма в борьбе со страной советов. В этой борьбе и тот, и другой империализм заинтересованы, без сомнения, во взаимной поддержке, в «единстве фронта». Но это далеко не исключает борьбы за руководство, за выбор момента для активных враждебных действий, за методы борьбы, за способы использования смакуемой в воображении «победы»...

Вот те основные вопросы, вокруг которых фактически разгорелся бой, вызванный «планом Гувера». Конечно, этот бой между Францией и Америкой развивается не по «прямой линии». Он также имеет свою «диалектику», порождаемую запутанностью и внутренней противоречивостью всего положения мирового капитализма. Не только антагонизм по отношению к главному сопернику — британскому империализму, — и общая классовая вражда к пролетарской революции и к СССР заставляют американский империализм при всех противоречиях искать соглашения и некоторой «близости» с Францией. Финансовая катастрофа в самом центре Европы и связанная с нею угроза революции создают и некоторую общность непосредственных интересов. Для Америки ясно, что пока Франция с ее армией и капиталами сможет приводить в расстройство все хозяйство капиталистической Германии, американские капиталы в Германии не будут находиться в состоянии безопасности. Поэтому и противодействуя слишком далеко

Америка и Франция

идушим заскокам и требованиям французского империализма, вашингтонское правительство все же мечтает пока что в обстановке кризиса и катастрофы о «примирении», о «соглашении» Франции и Германии на некоторой «средней линии» и даже не прочь сыграть при этом роль «честного маклера».

Францию и САСШ, эти в настоящий момент активнейшие финансовые центры, сближает и общность интересов капиталистической ренты, которой угрожает опасность нового отхода от золотой базы, новой инфляции в целых громадных частях Европы. Эту общность интересов ренты олицетворяют и мощнейшие американские банкиры, и прежде всего сам «бог» мировой ренты — Морган, теснейшим образом связанный с французским денежным рынком.

Итак мы видим, что и отношения между французским и американским империализмом представляют собою запутаннейший клубок про-

тиворечий. Во всяком случае несомненно, что в своем постепенном историческом развитии отношения между Францией и САСШ вступили в новую полосу, отмеченную обострением противоречий и разрушающую самые «почтенные» легенды и «традиции», вскормленные историей обеих стран и общностью недавней кровавой борьбы «за цивилизацию» с германским империализмом. Баррикада противоречий вырастает и между этими двумя по сути единственными победителями в жесточайшей мировой войне. Смягчению действия этих противоречий может помочь скорее общая безнадежная запутанность всех отношений мирового капитализма и общая вражда к СССР, чем высеченные в камне и отлитые в бронзе памятники галантного маркиза де Лафайета, если бы даже каменные и бронзовые уста этого «героя обоих полушарий» и могли по сему случаю еще раз открыться для новых патетических речей...

. . . ЭТА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА, ИСТЕРЗАВШАЯ, ИЗМУЧИВШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ПОРОДИЛА ТАКИЕ СЛОЖНЫЕ, ТАКИЕ ОСТРЫЕ, ТАКИЕ ЗАПУТАННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ЧТО СПЛОШЬ ДА РЯДОМ, НА КАЖДОМ ШАГУ, ВОЗНИКАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ, КОГДА РЕШЕНИЕ ВОПРОСА В ПОЛЬЗУ ВОЙНЫ И МИРА ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ГРУППИРОВКИ, ВИСИТ НА ВОЛОСКЕ.

Л е н и н

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И ЦАРИЗМ

Писать в семнадцатую годовщину империалистической войны о подвигах социал-шовинистое, уже успевших в своем дальнейшем историческом развитии превратиться в социал-фашистов, — неблагодарная, но вместе с тем необходимая задача. Неблагодарная потому, что преступления социал-фашистов перед рабочим классом, их повседневные измены, предательство и кровавая практика настолько разоблачены и известны, что может показаться ненужным углубляться в историю для того, чтобы оттуда извлечь несколько старых преступлений из эпохи войны. Но эта задача необходимая, ибо есть вещи, о которых надо говорить не уставая, есть преступления, которых нельзя предавать забвению и о которых следует напоминать много раз, пока они не сделаются достоянием всего рабочего класса, и особенно его молодого поколения, выросшего в послевоенную эпоху.

Мы хотим осветить один малоизвестный эпизод из истории взаимоотношений французских «социалистов» и царского правительства в период войны. Речь идет об отношении правительства кровавого Николая к лондонской конференции социал-шовинистов «Согласия», как оно отразилось в дипломатической переписке между Петроградом и Парижем в феврале—марте 1915 г.

На конференции были представители социал-шовинистов Франции, Бельгии, Англии и России. Главная цель конференции, как утверждали ее организаторы, состояла в изыскании гарантий мира и обеспечения прав наций и колоний.

Большевики признали целесообразным использовать конференцию для того, чтобы изложить с ее трибуны свою точку зрения по вопросу о войне. Представитель нашей партии М. Литвинов

выступил на конференции с декларацией партии большевиков, написанной на основе знаменитых тезисов «Война и российская социал-демократия».

Тов. Литвинов поставил перед конференцией вопросы: 1) какими средствами конференция намерена добиваться мира, 2) в качестве кого совещаются собравшиеся: шовинистов, пацифистов или с.-д. и 3) есть ли у собравшихся общая революционная с.-д. база¹. Покидая лондонскую конференцию социал-шовинистов, т. Литвинов огласил декларацию центрального комитета РСДРП(б). В ней, между прочим, говорилось, что «российская с.-д. не имеет ничего общего с вашей конференцией» и выставлялись такие требования: 1) немедленного ухода Самба, Геда и Вандервельде из буржуазных министерств Франции и Бельгии, 2) разрыва социалистических партий с «национальным блоком» (гражданский мир), 3) прекращения политики игнорирования преступлений царизма и 4) сплочения всех революционных сил и объединения их с единомышленниками в Германии и Австрии.

В заключение декларация клеймила поведение социал-шовинистических партий в одинаковой степени стран Антанты и центральных держав.

Задачей конференции был новый обман масс. Поэтому резолюции, принятые ею, были составлены так, чтобы, с одной стороны, изобразить социал-шовинистов полными сторонниками мира и интернационализма, с другой же стороны, показать, что мир может быть достигнут лишь при условии полной победы стран Антанты. Чтобы прикрасить резолюцию и как-нибудь смягчить негодование, которое вызвал в рабочих массах союз правительства «национального спасения»

¹ Ленин, XIII, 1-ое изд. стр. 45.

с русским царем, в резолюции лондонской конференции было вставлено несколько совершенно невинных замечаний, направленных якобы против царского правительства. О том, какова была действительная цена резолюций конференции и ее выпадов против царизма, мы узнаем из дипломатической переписки, завязавшейся по этому поводу между Петроградом и Парижем.

Сообщение о лондонской конференции произвело в Петербурге неблагоприятное впечатление. Царское правительство было недовольно тем, что министры дружественной державы Самба и Гед участвовали в конференции, принявшей «некорректные» резолюции.

И Сазонов, царский министр ин. дел, в беседах по этому поводу с французским послом Палеологом неоднократно выражал недовольство царского правительства. Однако французское правительство без особого труда сумело доказать полезность лондонской конференции с точки зрения интересов союзников.

Собственно, еще до беседы Сазонова с Палеологом русский посол в Париже Извольский, зная хорошо, что Петроград будет отрицательно реагировать на «неприятный» случай с Самба, поспешил показать царскому правительству эпизод таким, каким он был на самом деле.

3/16 февраля 1915 г. Извольский в шифрованной телеграмме доносил Сазонову, что «текст резолюции только что состоявшейся в Лондоне социалистической конференции» содержит «весьма двусмысленные выражения по отношению к настоящей войне». «Однако — говорит он дальше — следует отметить, что г. Самба еще на-днях выступил перед своей партией, среди которой происходит сильная агитация по поводу осуждения Бурцева, с настойчивым советом воздержаться от вмешательства во внутренние дела России».

В тот же день Извольский отправился к Делькассе, французскому министру ин. дел, для переговоров по этому вопросу. Разговор царского посла с министром «демократической» Франции настолько красочен, а характеристика предательства социал-шовинистами инте-

ресов пролетариата так ярка, что мы приведем целиком эту телеграмму:

Секретная телеграмма посла в Париже

3/16 февраля 1915 г., № 69¹.

Я воспользовался сегодня свиданием с Делькассе, чтобы категорическим образом и от своего собственного имени, но вполне откровенно высказать ему недоумение по поводу участия французского министра в лондонской социалистической конференции. Делькассе дал мне следующие разъяснения: присутствие двух членов социалистической партии в кабинете с начала войны имеет для правительства большое значение, ибо оно подчеркивает единодушную решимость всех французов довести войну до конца. Гг. Самба и Гед действуют в этом отношении заодно со всем кабинетом, но не имеют никакого влияния на общую политику правительства и в особенности на отношения его к России. Впрочем оба они во всех случаях относились к России вполне корректно, и г. Самба действительно выступил на-днях в собрании социалистической партии с настойчивым советом не вмешиваться во внутренние российские дела. Решение их участвовать в лондонской конференции было принято во время его, Делькассе, отсутствия, и он, конечно, ему бы воспротивился. С другой стороны, ему известно, что г. Самба поехал в Лондон с твердым намерением действовать на конференцию умеряющим образом. Он еще не вернулся в Париж, и г. Делькассе с точностью еще не известны подробности того, что происходило на конференции. Он даже не знает, вполне ли точен текст резолюций, появившихся в здешних газетах.

¹ Помещаемые ниже телеграммы Извольского Сазонову печатаются впервые с подлинников на русском языке. Все они уже были напечатаны на французском языке в известной публикации Маршана «*Un livre noir*», III т. (Черная книга). Вторая и третья телеграммы кроме того были еще напечатаны в немецком сборнике секретных документов «*Isvolsky im Weltkrieg*», изданном Фридрихом Штиве.

Давая мне объяснения, Делькассе был, видимо, смущен и взволнован, и я вполне убежден, что он лично в отчаянии от случившегося. Я не скрыл от него, что настоящий инцидент произведет в Петрограде самое тяжелое впечатление и может лишь послужить на пользу врагов русско-французского союза. **И з в о л ь с к и й**.

Царское правительство осталось недовольным даже этими объяснениями и очень мало хотело считаться с затруднительным положением союзницы, которой как раз эти социал-шовинисты нужны были дозарезу в кабинете для энергичного ведения войны. Николаю II, конечно, это трудно было понять. Неутомимый Извольский и следующие дни бегают и хлопочет все по тому же злополучному делу. Правда, ему не удается добиться желаемого публичного порицания Самба, но то, что он узнает мимоходом от Бриана, заслуживает большого внимания и сейчас. Вот что Извольский доносил через три дня:

Секретная телеграмма посла в Париже

6/19 февраля 1915 г., № 78

После моего вчерашнего разговора с Делькассе можно было ожидать, что правительство выступит открыто против резолюций лондонской социалистической конференции и участия в ней г. Самба. На самом деле г. Вивиани отступил перед опасением нарушить провозглашенное в начале войны «священное единение партий» и вызвать при настоящих обстоятельствах министерский кризис. Декларация его, поскольку она касается вопросов, связанных с войной, составлена весьма искусно. Он избегает в ней открытого порицания (.....)¹ социалистов и вместе с тем дает удовлетворение общественному мнению путем энергичного заявления о неизменности преследуемых правительст-

вом целей, о преданности Франции соглашению 4 сентября¹ и о неизблемости союза с Россией. Но допущенная лондонской конференцией некорректность по отношению к России оставляется им без возражений, и он не находит другого выхода из затруднений, кроме «фигуры умолчания». Я не мог видаться сегодня с Делькассе, поглощенным парламентом, но один из влиятельнейших членов кабинета, Бриан, с которым у меня установились особенно близкие отношения, по собственному почину дал мне следующие разъяснения. Поездка г. Самба в Лондон имела целью помешать конференции под влиянием английских социалистов, тесно связанных с германскими, выступить против войны и в пользу Германии, что могло отразиться на социалистах французского парламента, поддержка коих столь необходима правительству. Это ему вполне удалось (.....)². Г. Самба и здесь и в Лондоне настойчиво советовал не вмешиваться во внутренние русские дела. Заключительный протест конференции фактически состоялся без его ведома и согласия (.....)³. Бриан выразился с энергичным порицанием о социалистах, но указал вместе с тем на первостепенную важность для правительства не итти в настоящую минуту на открытый с ними разрыв. «С этой точки зрения, — сказал он, — декларация г. Вивиани должна считаться весьма удачной и достигшей своей цели». Я ответил Бриану, что, вполне понимая его аргументы, я, однако, не могу не отметить беспримерности факта участия французского министра в публичной манифестации против союз-

¹ Так в тексте. Очевидная ошибка. Надо читать: «5 сентября». Речь идет о соглашении 5 сентября России, Франции и Англии не заключать сепаратного мира с врагами.

² Нерасшифрованное слово; следует повидимому читать: «достигнуть» или «добиться».

³ Не расшифровано.

¹ Не расшифрованное слово. Судя по контексту, следует повидимому читать: «поведения».

ной России и отнюдь не могу пред-
решить отношения к этому факту
императорского правительства.
Большинство сегодняшних газет,
очевидно, под внушением свыше,
высказывается в том смысле, что
декларация Вивиани снимает с
правительства ответственность за
лондонские резолюции и что ин-
цидент (.) ¹ исчерпан.

Эти разъяснения показали, что «со-
циалист» Самба действовал в Лондоне
как достаточно верноподданный союз-
ник царизма. Царское правительство
поняло, что большего добиваться не-
чего. К тому же подготавливался торг о
Константинополе, — упрямитесь после
этих вполне удовлетворительных разъ-
яснений было незачем.

Петроград смягчился. Уже 7 февраля
тот же Извольский доносил:

Секретная телеграмма
посла в Париже

7/20 февраля 1915 г., № 81

Виделся сегодня с Делькассе,
который высказался о декларации
Вивиани приблизительно в том же
смысле, как вчера Бриан. Он тол-
кует эту декларацию как явное
осуждение лондонских резолюций,
не оставляющих сомнений в пол-
ном единодушии Франции с Рос-
сией и Англией. При этом, так
же как и Бриан, он теперь особенно
настаивает на необходимости при
настоящих обстоятельствах не на-
рушать достигнутого при начале
войны единения всех партий. По
словам Делькассе, вы отнеслись
весьма дружественно к сообще-
нию, сделанному вам по настоя-
щему поводу Палеологом, и впол-
не удовлетворились его объясне-
ниями. Я сказал ему, что
со своей стороны делаю, конечно,
все, чтобы смягчить инцидент, но
не знаю, какое впечатление про-
изведет в Петрограде декларация
эта, которая, несомненно, может
подать повод к неблагоприятным
для Франции толкованиям и в

особенности со стороны против-
ников русско-французского союза.

Извольский.

8 февраля Сазонов официально зая-
вил Палеологу, что инцидент надо счи-
тать исчерпанным.

На этом «эпизод» Самба—Гед закон-
чился.

Лицом к лицу со своими новыми
союзниками царизм встретился через
год. Мы имеем в виду поездку в Россию
весною 1916 г. «верноподданного» ми-
нистра-«социалиста» Альбера Тома. По-
ездка эта была совершена по поруче-
нию французского империализма, и
целью ее было выполнение планов Фран-
ции в связи с теми особыми обстоя-
тельствами, которые сложились в меж-
дународной и военной обстановке после
зимы 1915-16 гг.

На протяжении 1915 г. Россия потер-
пела ряд тягчайших поражений. Цен-
тральные державы за этот год успели
занять громадную территорию России,
нанести чувствительные поражения Ита-
лии, уничтожить Сербию и соединиться
с Турцией. Попытка России перейти
в декабре 1915 г. в наступление кончи-
лась крахом. Германия, считая, что
восточный фронт не представляет для
нее сколько-нибудь серьезной угрозы,
перенесла всю свою активность на за-
падный фронт. Начались бои за обла-
дание Верденом. Французы справились
с первым натиском, но для всех было
ясно, что другого такого напряжения
Франции не выдержать. А между тем
русский союзник «бездействовал» и за
год «бездействия», по расчетам францу-
зов, успел сберечь достаточно пушеч-
ного мяса. В то же самое время француз-
ское правительство начало испытывать
живейшее беспокойство по поводу упор-
ных слухов о намерении царского пра-
вительства заключить сепаратный мир.

Чтобы парализовать эту угрозу, в
Париже был выработан план, в задачи
которого входило: 1) не дать Николаю
II увильнуть от обязательств союзника,
т. е. заставить воевать и отказаться от
сепаратного мира; 2) купить смертью
миллионов русских солдат победу над
Германией и 3) «угговорить» российских

¹ Не расшифровано.

Paris le 25 avril 1916

*à
M. Poincaré*

Cher et grand ami,

Depuis le début des hostilités les membres du gouvernement de la République ont eu fréquemment l'occasion de se rendre soit à Londres, soit à Rome, de même que les membres des gouvernements britannique et italien sont venus à Paris, pour conférer des questions qui intéressent les pays alliés. La distance et les difficultés de communication ont empêché

демократов, мнивших себя в споре с царизмом, энергичнее помогать последнему вести войну до победного конца.

Кто мог больше годиться для выполнения этого кровавого плана, чем «социалист» Альбер Тома и бывший «соц» Вивиани, уже знакомый Николаю II по 1914 г.

Посылая главного «уговаривающего» Альбера Тома в Петроград, Пуанкаре 25 апреля 1916 г. изображал в письме к Николаю II цель поездки следующим образом: «Дальность расстояния и иные

трудности мешали до сих пор французским министрам засвидетельствовать свое уважение вашему величеству». Сославшись далее на деликатное поручение Николая II министру финансов Барку в январе 1915 г. добыть денег в Париже, Пуанкаре продолжал: «Французское правительство сочло полезным дать двум своим членам такое же доверительное поручение и посетить ваше величество».

«Тесное сотрудничество союзных правительств, — продолжал Пуанкаре, — является, как вы и всегда это полагали, ваше

de votre majesté. M. Albert Thomas, 1er Secrétaire d'Etat des Armées et de la Guerre, a dirigé en France, avec une remarquable intelligence et avec un zèle infatigable, la fabrication des pièces d'artillerie et des obus. Il sait mieux que personne, le rôle décisif que jouent, dans la guerre actuelle, à côté de l'artillerie de campagne, l'artillerie lourde, l'artillerie à grande puissance et la quantité de projectiles de gros calibres. Il a contribué à développer en France

Письмо Пуанкаре к Николаю II

Пуанкаре в Петрограде во время переговоров о подготовке войны

величество, необходимым условием для координированного и методического ведения войны. Мы обещали друг другу не складывать оружия без взаимного на то согласия и сражаться до победного конца. И мы, действительно, заботливо согласовывали до сих пор наши усилия, объединяли наши взаимные стремления и, в пределах возможного, дополняли друг друга в области технических средств. Если ваше величество согласится принять господ Вивиани и Альбера Тома и даст им возможность обсудить сообща с их рус-

скими коллегами все те вопросы, совместное разрешение которых могло бы быть очень полезным, то их собеседования приведут, без сомнения, к практическим выводам гораздо скорее, чем путем почтовых и телеграфных сношений».

Николай, конечно, согласился «принять господ»... социал-шовинистов, явившихся «засвидетельствовать свое уважение его величеству». Он приказал поместить их в Европейской гостинице и «довольствоваться за счет дворцового ведомства».

*Je suis avec moi-même de ce monde, en votre temps
que mes vœux ardents pour la grandeur de la France
et la gloire de son armée, l'espérance de me fi-
dèle et constante amitié!*

Roger C. ...

В своем разговоре с французским послом в России Палеологом Вивиани сказал о целях своего приезда следующее: «Мы приехали вот для чего: 1) выяснить военные ресурсы России и постараться дать им большее развитие; 2) настаивать на посылке 400.000 чел. во Францию, партиями по 40.000 чел.; 3) повлиять на Сазонова в том смысле, чтобы русский генеральный штаб больше шел навстречу Румынии и 4) постараться получить какие-либо обещания относительно Польши».

Первые три пункта полностью покрывали вышеупомянутый парижский план. Что же касается последнего пункта, то он был придуман для демократических простаков, и сами «социалисты» его всерьез не брали, ибо Тома даже не пытался вести по нему переговоры.

«Верноподданный» социалист Альбер Тома!

Миссия этих вербовщиков русского пушечного мяса хоть и не полностью, но удалась. Не 400.000, а 50.000 русских солдат «социалист» Альбер Тома увез с собой во Францию. Удалось им также «дать большее развитие» военным ресурсам России. Промежуток времени между уговорами Тома и Вивиани и летним наступлением 1916 г. Брусилова в Галиции самый незначительный. Посылая Альбера Тома на помощь рус-

скому царю, французская буржуазия мечтала о гораздо большем. После бесконечных банкетов, митингов, приемов в Государственной думе, общественных организациях, военно-промышленном комитете с «социалистами» Николая II, Альберу Тома удалось добиться этого. Расскажем, однако, словами Пуанкаре, в чем заключалась специальная миссия Альбера Тома и что он должен был сделать для царской России.

Альбер Тома, помощник государственного секретаря и министр военных снабжений, руководил во Франции с удивительным умением и неутомимым рвением производством артиллерийских орудий и снарядов. Лучше, чем кому бы то ни было, ему известно, что в современной войне решающая роль, наряду с полевой артиллерией, принадлежит артиллерии тяжелой, дальнобойной и обильному снабжению ее снарядами крупного калибра. Он содействовал развитию во Франции производства, которое, к сожалению, было весьма незначительно и остается таким до сих пор в союзных с нами странах. Он сумел объединить для этой цели в едином усилии инициативу государства и частной промышленности; он обеспечил себе верную помощь хозяев и рабочих, — и вот уже много месяцев, как все производительные силы страны стремятся к увеличению нашего военного снаряжения, причем оно все еще не достигло уровня насущной потребности, беспрестанно возрастающей. Я думаю, что Альбер Тома сможет дать вашему величеству и императорскому правительству ценные сведения относительно тех трудностей, которые мы встретили в этом деле, и тех способов, при помощи которых мы их преодолели. Я буду счастлив, если наш долгий и трудный опыт избавит Россию от многих испытанных нами неудач и ошибок.

Не мешало бы эту характеристику Альбера Тома хорошенько запомнить

всему пролетариату капиталистических и колониальных стран. Недаром мировой империализм поручил именно Тома возглавить бюро труда при Лиге Наций для защиты своих интересов перед рабочим классом. И своей работой в течение двенадцати лет Тома «удивительным умением и неутомимым рвением» блестяще оправдал этот выбор, не только «облагораживая» наступление капитала на рабочих, но и обеляя нанкинских палачей.

Послушаем, однако, какими средствами Альбер Тома намеревался добиться помощи Николаю II от «хозяев и рабочих». После завтрака у Сазонова «пламенный социалист» обратился к тогашнему русскому премьеру распутинцу Штюмеру с такого рода укорами: «Заводы ваши работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было милитаризовать рабочих».

Однако царское правительство не посмело милитаризовать русских рабочих, как того хотели французские социал-шовинисты. Оно не посмело это сделать потому, что наша партия и до войны и во время войны воспитывала массы в непримиримой классовой борьбе, потому что русские Альберы Тома и Самба—Гвоздевы, Чхеидзе и Ко —

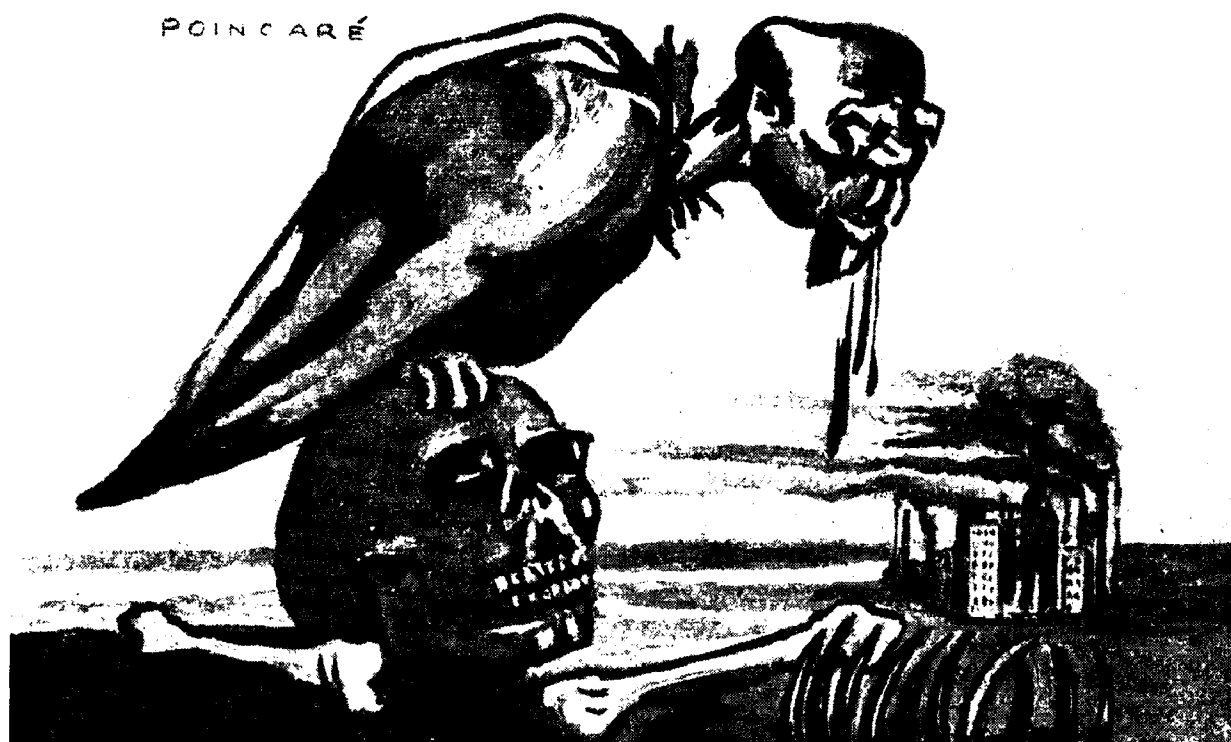
пользовались ничтожным влиянием среди пролетариата.

«Пропаганда» Альбера Тома не пропала, однако, бесследно. Она дала свои всходы, но в другом месте, в родственной Тома среде. В феврале 1917 г. за несколько дней до свержения самодержавия Петр Струве в специальной записке предлагал ввести принудительный труд для поднятия обороноспособности страны.

Надо ли после всего удивляться, что военные законы Франции, выработанные товарищем Альбера Тома по партии Полем Бонкуром, уже заранее милитаризовали не только мужчин, но и женщин и стариков!

Приведенные нами документы о связи гг. Самба и Альбера Тома с русским царизмом показывают, до какой степени был прав Ленин в своей характеристике французских социал-патриотов. Ленин писал о них: «Наиболее ловкие, наиболее искусственные в приемах парламентского мошенничества, французские социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, соединенных с неслыханно наглой изменой социализму и интернационалу»¹.

¹ Ленин, т. XX, стр. 124.

Пуанкаре-война.
Рис. худ. Иозефа
Берка

ПАРТИЯ 4 АВГУСТА

Революционная с.-д., конгрессы II интернационала в Штутгарте, Копенгагене и Базеле задолго до войны предупреждали мир о грозящей катастрофе.

Штутгартский конгресс не ограничился только указанием на неизбежность войны в условиях империализма, но и обязал партии призвать пролетариат к решительной борьбе с войной, к тому, чтобы использовать порождаемый войной кризис для насильственного свержения капиталистической системы.

Манифест чрезвычайного конгресса I интернационала в Базеле 1912 г. «вполне конкретно указывает на ряд экономических и политических конфликтов, которые подготовили эту войну в течение десятилетий, вполне выявились в 1912 г. и вызвали войну в 1914 г.» (Ленин). Базельский манифест совершенно четко указывал на империалистический, грабительский характер предстоящей войны, т. е. «тот характер, который превращает допустимость защиты отечества в теоретическую бессмыслицу и практическую нелепость» (Ленин).

Наконец, базельский манифест совершенно определенно указывал на то, что война создает революционную ситуацию, обязывающую партию призвать пролетариат к революционно-пролетарской массовой борьбе.

Подготовленное под руководством русского генерального штаба убийство наследника австрийского престола Франца-Фердинанда, в Сараево и посланный в связи с убийством австрийский ультиматум Сербии явились только формальным поводом, к войне. Его использовали обе империалистические коалиции для того, чтобы начать войну за передел поделенного между горсткой капиталистических стран мира.

Австрийский ультиматум был встречен взрывом возмущения со стороны широчайших масс пролетариата Германии. «Форвертс» до вступления Германии в войну ежедневно публиковал сообще-

ния о собраниях и манифестациях германского пролетариата, демонстрировавшего свою готовность бороться с реальной угрозой войны.

27 июля пролетариат Берлина на своих многочисленных собраниях заявляет, что «в согласии с постановлениями международных конгрессов в Штутгарте, Копенгагене и Базеле считает в настоящий момент своей настоящей и священной задачей предотвращение всеми силами катастрофы». Берлинские рабочие предупреждали господствующие классы, что «если разразится мировая война... то народы-массы... пробудятся и ускорят превращение капиталистического общества в социалистическое».

Такие же резолюции, как сообщал «Форвертс», выносились на многочисленных рабочих собраниях во всей Германии. Так говорили массы.

Под давлением массового движения ЦК партии в своих воззваниях, «Форвертс» в статьях призывали пролетариат мобилизовать свои силы на борьбу за мир, за локализацию конфликта. «Не от царизма в настоящее время исходит наибольшая опасность войны, а от злоумышляющей Австрии», провозглашал «Форвертс» еще 28 июля. В своем воззвании по поводу австрийского ультиматума ЦК с.-д. партии грозил господствующим классам разрушить то, что было для них до сих пор священным, а теоретический орган партии «Neue Zeit» («Новое время») указывал даже на революцию как на единственное средство помешать войне.

Но несмотря на эти заявления тщетными оказались бы попытки найти в воззваниях ЦК и в статьях «Форвертса» указания на империалистический характер грозящей войны, раскрытие перед широчайшими массами того, что предстоящая война «подготовлена всем ходом развития», что она есть «неиз-

бежная ступень капиталистической жизни, как и мир» (Ленин).

Наоборот, ЦК партии и «Форвертс» внушают пролетариату, что «война является аномалией капиталистической системы, что она не вытекает с неизбежностью из капитализма» («Форвертс» от 28 июля). Отсюда — полное отсутствие революционно действенных лозунгов и вместо них призыв пролетариата к давлению на германское правительство, апелляция к пацифизму германского правительства (апелляция к вмешательству держав в целях локализации конфликта).

«Но если не удастся локализовать конфликт и Россия выступит на стороне Сербии? Как должен в этом случае держаться пролетариат?» — вопрошает «Форвертс» в статье «Война», помещенной 28 июля, за три дня до объявления войны. «Этот вопрос, — полагает Форвертс, — является более важным, чем вопрос о том, какие средства и меры мы примем для того, чтобы обеспечить мир... Не настал ли момент нанести смертельный удар царизму, не будет ли победоносной революция, если немецкие армии перейдут русскую границу? Не кто иные, как Маркс и Энгельс, требовали войны с Россией, не кто иной, как Бебель, заявил о готовности взвалить на плечо винтовку в случае войны с Россией... Если Германия не поддержит Австрию, не укрепит ли она тем самым позиции русского царизма? Не обязует ли это обстоятельство Германию выступить».

Запутывая постановкой таких вопросов широчайшие массы пролетариата, мешая им понять истинный смысл грядущей войны, «Форвертс» полагает, что все поставленные в статье вопросы «могут быть разрешены различно с немецкой и интернациональной точки зрения». «Форвертс», правда, не решает еще в этой статье сделать те выводы, какие сделала германская с.-д. в момент войны, оказав поддержку империалистической буржуазии.

«Форвертс» в этой статье призывает пролетариат «бороться в интересах мира, в интересах отечества и в интересах человечества».

Но для выяснения политики партии и подлинных настроений ее верхое крайне характерно, что помощи в этой борьбе за мир «Форвертс» ждет от... «миролюбиво настроенного кайзера Вильгельма II».

В статье «Перед катастрофой», помещенной 30 июля 1914 г., центральный орган партии, выражая свою солидарность с точкой зрения Англии, будто решающим фактором, который определит вопрос о войне, явится кайзер, заверяет, что со стороны кайзера не грозит опасность миру: «Будучи открыто принципиальными противниками монархии и оставаясь такими же на будущее время, мы тем не менее откровенно признаем, и теперь не в первый уже раз, что Вильгельм II своим поведением за последние годы показал себя искренним другом в сохранении мира. Однако, — опасается газета, — даже самый сильный в своих действиях человек не свободен от влияния». Задача пролетариата сводится, таким образом, к тому, чтобы парализовать влияние на Вильгельма военной клики. Это тем более необходимо, что военная клика, в отличие от с.-д., заботится не о немецкой чести, не о немецком интересе, не об интересах отечества, а помышляет о бессовестной военной аванюре.

«Мы являемся демократами и республиканцами. Вопреки утверждениям показных националистов германская с.-д. всегда (!) чутко относилась к немецкой чести и немецкому интересу, —

заявляет «Форвертс». — Несмотря на бесовестную ложь военной партии, это разумелось всегда само собой. Но здесь дело идет не о чести и пользе Германии, а о бессмысленной военной аванюре, которой по возможности должен быть положен конец».

Так «Форвертс» постепенно переползает на новые позиции. Подделывая историю, обманывая рабочий класс заявлениями, что вся германская с.-д. (а не только оппортунисты) «всегда» чутко относилась к немецкой чести и немецким интересам, «Форвертс» подготовлял рабочий класс к предательству партии, «всегда» будто бы стоявшей на точке зрения защиты своего отечества.

Буквально на следующий день (31 июля 1914 г.) «миролюбиво настроенный» кайзер вкупе с баварским королем объявил в стране осадное положение. Назначенные на 2 августа собрания под открытым небом в Трептовском парке были запрещены, запрещены были и назначенные на 4 августа собрания и демонстрации — по тем мотивам, что «собрания направлены против войны. Поэтому при серьезности нынешнего положения, когда Германия стоит перед решениями, чреватými последствиями, от таких собраний можно ожидать опасности для общественного спокойствия».

Объявление осадного положения означало открытое бесповоротное решение Германии вступить в войну. Несмотря на это германская с.-д. не только не призвала пролетариат к революционно-пролетарской массовой борьбе, как того требовали международные конгрессы Интернационала, а внушала пролетариату необходимость сохранения полного спокойствия и мужественно-терпеливого отношения к грозящей катастрофе, ибо «с.-д. исчерпала всевозможные средства и меры к тому, чтобы помешать войне» («Форвертс»).

31 июля, т. е. в день объявления осадного положения, ЦК по единому решению обратился ко всем партийным организациям с требованием ни в коем случае не допускать неосторожные, неосмотрительные, двусмысленные выступления, могущие вызвать бесцельные жертвы. ЦК требовал проявить особую осторожность, особую

осмотрительность в районах расположения крепостей. В духе этой негласной директивы ЦК берлинский комитет выступил с воззванием.

Предупреждая пролетариат о том, что «ближайший час может принести уже известие о начале войны», комитет ложно ссылается на обстоятельства, которые «оказались сильнее добрых пожеланий и доброй воли с.-д.».

Он призывает пролетариат сохранить спокойствие и не допустить «необдуманные, бесполезные и ложно понимаемые жертвы, которые могут повредить в настоящий момент не только отдельным лицам, но и всему нашему делу».

Не оказав ни малейшего сопротивления введению осадного положения, сохранив предательское спокойствие, с.-д. вожди начали в первый же день приспособляться к строгостям, связанным с осадным положением.

Редакция «Форвертса» в день объявления войны (1 августа) обратилась к своим читателям с предупреждением об ограничении, которое должен будет наложить на себя центральный орган партии в изложении своих принципиальных взглядов.

Боле того, редакция «Форвертса» одновременно обратилась со следующим предупреждением к членам с.-д. партии.

«Изменившееся политическое положение требует известной осторожности также и в личных сношениях. Уже за последние дни на различных собраниях наших товарищей можно было заметить многочисленных шпионов, и можно ожидать, что в будущем будет обращено еще большее внимание на заявления наших друзей. Рекомендуются, чтобы наши товарищи, наложив на себя вполне понятные ограничения, проявляли известную осторожность и при устном высказывании своих политических убеждений, как того требует положение вещей».

Так начала с.-д. свои заботы о защите империалистического отечества в первый же день объявления войны, еще до 4 августа.

Следует, однако, отметить, что пресса только косвенно отражала подготовку 4 августа, день исторического предательства социализма и интернационала.

В тот момент когда пролетарские массы выходили на улицу, демонстрируя свою готовность бороться с реальной угрозой войны, вожди с.-д. уже вели закулисные переговоры с представителями вильгельмовского правительства, предавая и продавая миллионы жизней немецких рабочих.

26 июля 1914 г., на следующий день после австрийского ультиматума, Гаазе, председатель фракции рейхстага, был вызван впервые, по его словам, в министерство внутренних дел. Так как Шейемана, Эберта и Молькенбурга не было в Берлине, он явился один. В министерстве ему указали на осторожность, с какой должны проводиться собрания в напряженной политической обстановке. Гаазе сообщили, что правительство располагает сведениями об усилении панславистских настроений России и что в связи с этим с.-д. ораторы не должны ни в коем случае в своих выступлениях и всем своим поведением давать пищу для России.

Его также предупредили о том, что Германия должна будет выполнить свои союзные обязательства и встать на защиту Австрии в том случае, если последняя подвергнется нападению со стороны России. Выслушав без всяких возражений эти предупреждения и «инструкции» министерства вн. д. о поведении с.-д., Гаазе в связи со своим отъездом 28 июля на заседание международного социалистического бюро предложил канцлеру (обратившемуся в тот же день к нему по телефону) связаться с Эбертом и Шейдеманом. Их в тот момент не оказалось в Берлине, и канцлер обратился к известному оппортунисту Зюдекуму, который имел с ним разговор, известный только ЦК. С Зюдекумом велись совершенно откровенные разговоры о поддержке со стороны с.-д. военной политики правительства и в частности военных кредитов. Зюдекум, игравший, по мнению фон Дельбрюка, роль посредника (Vermittler'a) между правительством и «форштандом» (ЦК), заверил, что с.-д. выполнит свой национальный долг.

Бетман-Гольвег имел поэтому все основания заявить на заседании прусского кабинета 30 июля (за два дня до объяв-

«Да здравствует кайзер!» — под таким заголовком были напечатаны в с.-д. газете в 1915 г. ноты гимна в честь Вильгельма

ния войны), что, «судя по переговорам с Зюдекумом, нет никаких оснований опасаться за поведение с.-д. и правления партии в случае войны. О всеобщей стачке или о саботаже войны со стороны с.-д. не может быть никакой речи».

Не подлежит сомнению, что Зюдекум в переговорах с Бетманом-Гольвегом излагал не только свое, но и мнение виднейших деятелей партии.

2 февраля 1915 г. на заседании фракции рейхстага, резко протестовавшей против нарушения дисциплины Либкнехтом (выразившемся в обструкциях и запросах в рейхстаге), выступил член фракции Фишер, охарактеризовавший «образ действия против Либкнехта исключительно лицемерным». «Приехав в Берлин до обсуждения фракцией своего отношения к военным кредитам, я, — говорил Фишер, — был твердо уверен, что фракция будет голосовать против кредитов. Однако я решил при всех условиях голосовать за военные кредиты, если это даже будет грозить нарушением дисциплины. С этим мнением согласилось 25—30 товарищей».

От вождей не отставали и провинциальные лидеры партии.

На мюнхенском процессе редактора «Хемницер фольксштиме» Эрих Гутнер показал, что еще до начала войны редакция газеты завязала связи с баварским военным министерством через сотрудника газеты, позже убитого, Курта Эйснера. В последние дни июля 1914 г. Курт Эйснер получил из министерства информацию о том, что взрыв мировой войны неизбежен, ибо Россия в австро-сербском конфликте не останется пассивной. «К концу недели, — сообщил 28 июля Эйснер, — Германия объявит мобилизацию». Эту информацию Эйснер предложил распространить в частности среди парламентариев и партийных редакторов. 28 июля на основании информации Эйснера редакцией была выпущена листовка, в которой указывалось на неизбежность войны в связи с поведением и предстоящим наступлением русских. Эйснер просил сохранить в тайне источник его информации и для большего авторитета листовки датировать ее «Берлином».

По указанию редакции сотрудник газеты «Хемницер фольксштиме» Гейльман 30 июля написал статью «Война неизбежна», в которой он вопрошал: «Хотим ли мы победить? Ответ может быть только один: да». Тот же Гейльман в день объявления осадного положения писал в своей статье: «Действительная работа в пользу мира должна быть теперь оставлена... Нас презирали, преследовали и называли не имеющим отечества сбродом, между тем как мы самым горячим и искренним образом стремились к благу Германии... Всякая свободная критика отныне прекращается не потому, что объявлено военное положение, а потому что теперь следует отказаться от всякой критики тех лиц, в руках которых будущее Германии».

Еще не приоткрыта завеса предательства вождей германской с.-д. до 4 августа, еще не известны с исчерпывающей полнотой их закулисные торги с представителями императорского правительства, но бесспорно, что поведение с.-д. вождей с момента австрийского ультиматума дало достаточно оснований военному министерству телеграфировать верховному командованию 31 июля (за день до войны), что, «по достоверным

сведениям, с.-д. партия твердо решила держать себя так, как подобает всякому немцу при данных обстоятельствах». «Военное министерство считало своей обязанностью довести об этом до сведения главного командования, дабы командиры военных частей принимали это во внимание при своих мероприятиях».

В свете этих фактов становится очевидным лицемерие миссии Мюллера, ездившего по поручению «форштанда» в Париж столкнуться с французскими социал-империалистами об отклонении или о воздержании фракции от голосования за военные кредиты.

Так подготовляла германская с.-д. 4 августа — тот день, когда она окончательно и открыто предала интересы рабочего класса и впряглась в колесницу немецкого империализма.

Подготовка декларации с.-д. о поддержке военных кредитов достаточно известна: она с циничной откровенностью изложена в мемуарах Шейдемана.

Во время визита у Бетмана-Гольвега 2 августа 1914 г., когда шла речь об утверждении предстоящей сессией рейхстага военных кредитов, на замечание Шейдемана и Гаазе о том, что фракция еще не приняла решения о кредитах, Эрцбергер ответил: «Ну, настолько они будут умны, чтобы на этот раз голосовать за принятие». «Все улыбнулись» — замечает Шейдеман.

И действительно, данные с.-д. вождями обещания о поддержке военных кредитов еще до начала войны были покорно выполнены.

Декларация с.-д. фракции была принята на заседании фракции 3 августа большинством 78 голосов против 14.

Один из абзацев декларации, гласивший: «Мы окажем решительное сопротивление войне, если только она примет характер наступательной войны», был по настоянию канцлера Бетмана-Гольвега заменен другим: «Мы отвергаем наступательную войну». Комментарии, как говорят, излишни.

В день заседания рейхстага 4 августа члены рейхстага имели возможность ознакомиться с «белой книгой», в которой излагалась официальная история подготовки войны. Несматривая на официальный характер книги даже из нее

явствовало: 1) что австрийское правительство имело согласие Германии на выступление против Сербии, 2) что австрийское правительство было прекрасно осведомлено о значении австро-сербского конфликта, который неизбежно приведет к мировой войне, 3) что немецкое правительство не только не добивалось уступчивости Австрии, но и указало, что в этом случае она потеряет достоинство, и, наконец, 4) что немецкое правительство заверило Австрию, что оно окажет поддержку в случае войны.

Все эти факты, с которыми, безусловно, были знакомы члены с.-д. фракции, в день заседания рейхстага не остановили их от оглашения деклараций о поддержке военных кредитов и военной политики германского империализма. И это понятно, ибо еще до заседания рейхстага 4 августа они, за исключением Либкнехта, твердо решили встать на защиту отечества.

Декларация о поддержке германского империализма была зачитана председателем фракции Гаазе 4 августа. В этот день немецкая с.-д. партия стала нац.-либеральной. Этот день стал начальной датой эволюции с.-д. к социал-фашизму.

Крайне характерно для поведения «центра», что в решительный момент Гаазе совершенно стусеивался. Когда надо было решать, твердую линию могли предложить только правые. Центристы колебались. Решающие переговоры с правительством от имени партии вел заведомый оппортунист и ревизионист Зюдекум, а позже Шейдеман. Победа, как известно, осталась за правыми, хотя они и были в меньшинстве во фракции.

«Центр» не только не противодействовал новому курсу партии, а, наоборот, призывал партию к поддержке этого курса.

Оправдывая неслыханное предательство вождей с.-д., вождь «центра» К. Каутский призывал партию к сохранению дисциплины, к послушанию и сохранению верности партийному руководству.

«Оружие критики должно теперь молчать, — писал он в «Нейе цайт» 21 августа 1914 г. — Во время войны дисциплина является первым требованием не только для армии, но и для партии... Не критика, а доверие — вот важнейшее условие успеха».

Каутский не ограничился этим призывом. Он пытался оправдать предательство партии ссылкой на шовинистическое настроение масс, ссылкой на то, что именно они требовали такого поведения с.-д. фракции.

Эти ложные ссылки Каутского на шовинизм, на революционное бессилие масс встретили резкую отповедь со стороны Ленина в статье «Крах II интернационала».

«...Каутский, — писал Ленин¹, — благородно сваливает на массы измену и бесхарактерность этого общественного слоя (парламентарии, журналисты, партийные чиновники. Л. Р.), о связи которого с тактикой и идеологией оппортунизма сам Каутский писал десятки раз в течение ряда лет. В партийной организации у немцев... был один миллион, причем единую волю этой организации масс (как и всякой организации) выражал только ее единственный политический центр, «горстка», которая предала социализм. Эту горстку спрашивали, призывали голосовать, она могла голосовать, могла писать статьи и т. д. Массы же не были опрошены. Им не только не позволяли голосовать, их разъединяли и гнали «по приказу» военных властей... Военная организация... призывала «массу» поодичке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей) или расстрел. Массы не могли поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легиных, Каутских, Шейдеманов, предала массы, а для создания новой организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию».

И далее:

«Массы не могли при измене их вождей в критическую минуту сделать ничего, а «горстки» этих вождей в полном могли и должны были голосовать против кредитов, выступать против «гражданского мира» и оправдания войны,

¹ Собр. соч., т. XVIII, стр. 264—266.

Bilder ohne Worte.

Rosa Luxemburg im Gefängnis der Berliner Garnisonstraße

Clara Zetkin im Untersuchungsgefängnis in Karlsruhe

Die sozialdemokratischen Abgeordneten als Gäste im Kaiserlichen Kaiserhof in Berlin

Нелегальная листовка спартаковцев под названием «Картинка без слов». Сверху слева: Роза Люксембург в берлинской женской тюрьме. Справа: Клара Зеткин. Внизу: первый слева — Шейдеман, второй — Давид, третий справа — Эберт у входа в офицерский клуб.

высказаться за поражение с в о и х правительств, налаживать международный аппарат для пропаганды братания в траншеях, организовывать нелегальную литературу, проповедующую необходимость перехода к революционным действиям и т. д.».

Ленин неоднократно подчеркивал, что Каутский, взваливший ответственность за предательство на массы, «забывает» о борьбе течений в международном рабочем движении. Ленин неоднократно подчеркивал, что голосование германской с.-д. 4 августа, как и предательство всего II интернационала, означало полную победу оппортунизма, свившего себе прочное гнездо в Интернационале до войны и «давшего в обстановке войны социал-шовинизм».

Не в оппортунистическом перерождении массового рабочего движения, не

в революционном бессилии масс, как думают иногда и некоторые наши историки, видел Ленин корни предательства, а в победе оппортунистического течения, в измене вождей, отражавших настроение и интересы рабочей аристократии и шовинистически настроенной мелкой буржуазии.

Поведение с.-д., ее превращение 4 августа в национал-либеральную партию вызвало заслуженно восторженные отзывы со стороны буржуазии.

Известный реакционный историк юнкерской Германии Ганс Дельбрюк, смерти которого орган социал-фашистов «Дигезельшафт» недавно посвятил прочувствованную статью, писал в сентябре 1914 г.: «Мы не только должны благодарить с.-д. за то, что они отбросили в сторону всю программу и пошли вместе с нами под общими знаменами; мы должны еще понять, какие огромные заслуги они оказали непосредственно своими организациями... Представим себе, — продолжал Дельбрюк, — что у нас не было бы этих больших рабочих организаций и что все эти миллионы противостояли бы государству как отдельные индивидуумы. Тогда легко можно себе представить, что среди них появилось бы пассивное, а то и активное сопротивление призыву в армию». Вспоминая, что до 70-х гг. мобилизации сопровождалась насилием, Дельбрюк с удовлетворением замечает, что благодаря с.-д. этого не случилось на сей раз. «И причина всего этого в том, что в настоящее время каждый германец, так сказать, организован и слушается своей организации; и раз эти организации действуют заодно с государственной властью, то и создается грандиозная мощь, которая проявилась перед нами во время этой мобилизации» («Preussische Jahrbücher», September, 1914).

Не менее восторженные отзывы о поведении с.-д. давались на страницах журнала «Süddeutsche Monatshefte», издаваемого реакционными историками Шпаном, Онкеном, Майром и др. Последний в статье «Вильгельм II» указывал, что «блестяще оправдалось то, чего многие во времена партийных споров обычно не считали возможным доверить с.-д. вождям. В минуту опасно-

сти партия не позволила никому превзойти себя в смысле патриотизма».

Да, эта когда-то мощная партия, открывшая 4 августа новую главу своей истории «не позволила никому превзойти себя в смысле патриотизма». Эта партия блестяще выполнила предательскую миссию во время войны, она подавила в потоках крови революционные выступления германского пролетариата, она оказала и оказывает всемерную поддержку версальскому договору, плану Дауэса, плану Юнга, закабалившим широчайшие массы трудящихся Германии.

Сейчас в период подготовки новых войн необходимо напомнить рабочим массам о 4 августа.

Эта партия, вооруженная богатым опытом предательства, идет авангардом в деле идеологической подготовки массовой милитаризации рабочего класса в интересах буржуазии. Этот «долг» с.-д. выполнит сейчас более добросовестно, чем магдебургский партейтаг в 1914 г. вооружил партию военной программой.

Продолжая, как и в первые дни мировой войны, усыплять сознание рабочего класса заявлениями, что война не является неизбежным спутником капитализма, прививая рабочему классу веру в пацифизм Лиги наций, германская с.-д. одновременно под лозунгом обороны страны ведет идеологическую подготовку к новой войне, оказывая поддержку росту вооружений германского империализма.

Всем памятно голосование в 1928 г. четырех с.-д. министров коалиционного правительства во главе с рейхсканцлером с.-д. Мюллером за постройку броненосца, вызвавшее негодование среди широчайших масс рабочего класса. В этот момент маститый трубадур контрреволюции Карл Каутский призывал возбужденные массы к спокойствию, он призывал не допускать никаких выступлений, могущих поколебать правительство, в котором сидят с.-д.

«Если рассматривать дело лишь с точки зрения государственных финансов, — писал Каутский, — то вред не настолько велик, чтобы из-за него начинать большое выступление в государственном

масштабе, которое при известных обстоятельствах может оказаться опасным для правительства, в котором мы сами принимаем участие» («Вопросы обороны и с.-д.», стр. 59).

С.-д., правда, не решается открыто излагать свои подлинные взгляды, свою подлинную политику в вопросах подготовки новой войны.

Чтобы не потерять окончательно доверия рабочих масс, с.-д. вынуждена все же маневрировать. «Броненосной» партии приходится прикрывать подготовку к войне бешеной демагогией, внушением пролетариату пацифистских иллюзий. Но даже такая вынужденная маскировка вызывает протест у некоторых социал-фашистских организаций, которые требуют уже сейчас досказать всю правду о поведении с.-д. в грядущей войне.

«Проблема обороны поставлена. Лучше высказать все, как оно есть, чем

September 1925

SPARTACUS

2. Jahrgang

Der Kampf

2. Jahrgang, 2. Heft

Arbeiterpolitik

Wochenchrift für wissenschaftlichen Sozialismus.

Heft 2, 24. Juni 1925.

Der Kampf

Schon jubeln des Sieges Signale. Empor! Der Tag dringt ein,
Die Internationale wird die Menschheit sein!

Der Sozialdemokrat

Mitteilungsblatt für die Mitglieder des Sozialdemokratischen Vereins Stuttgart

Heft 1

Stuttgart, den 17. Dezember 1924

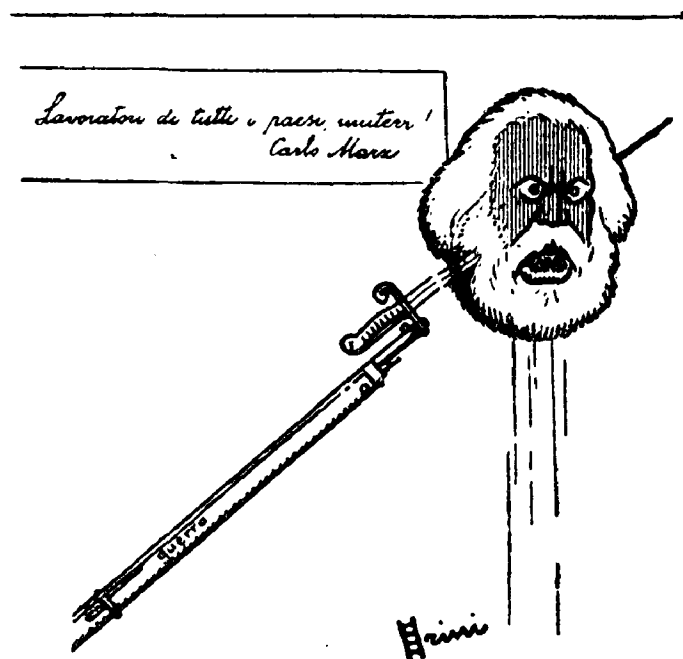
Революционные газеты, распространявшиеся нелегально на фронте во время войны

подвергнуть себя позже опасности возникновения недоразумения», — писала «Шлезвиг-Гольштинская народная газета» в момент обсуждения военной программы ГСД. Еще более откровенных выступлений в защиту военной политики германского империализма требовала «Дрезденер фольксцейтунг». «Это тем более необходимо, — писала она, — что в противном случае нас могли бы упрекнуть в «предательстве», нам могли бы возразить, что мы до войны заявили о нашем полном неучастии, а в случае возникновения серьезного положения все же приняли участие в войне».

Эти совершенно откровенные мысли настолько шокировали тонких предателей, «левых» социал-фашистов, что один из бывших «левых» — председатель берлинской с.-д. организации Кюнстлер, перешедший на лейпцигском съезде к группе Вельсов и Гильфердингов, вынужден был заявить, что: «Этой аргументацией ответственные военные и правостоящие политики обосновывали уже в довоенное время каждое ассигнование на армию и флот».

С.-д. не ограничивается, однако, подготовкой рабочего класса к новой войне между империалистическими государствами: как и весь II интернационал она проявляет бешеную энергию в подготовке войны против СССР. Умудренные опытом германская с.-д. и весь II интернационал ведут закулисные переговоры с мировым империализмом, подготовляя войну против СССР.

Никто, например, не может опровергнуть заявление, сделанное палачом средне-германских рабочих Герзингом на совещании рейхсбаннеровцев, смысл которого состоял в подготовке общественного мнения к войне против СССР. «Мы, — заявил Герзинг, — против всякого преувеличенного раздувания милитаризма, но мы считаем, что проводить антимиитаризм надо в первую очередь не столько в разоруженной Германии, сколько в окружающих нас странах, особенно в вооруженной до зубов России, которая постепенно становится величайшей опасностью для Европы и даже для всего мира» («Форвертс», 1 октября 1928 г. Разрядка газеты).

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (карикатура на II Интернационал худ. Брини).

Эти мысли изо дня в день повторяет «Форвертс».

А заявления Каутского? Этот оголтелый душитель рабочего класса открыто призывает к свержению диктатуры пролетариата вооруженным путем. «Для меня крайне мучительно, — писал Каутский совсем недавно, — когда ослабляют силы нашего похода против неслыханных ужасов диктатуры, когда утверждают, что положение может ухудшиться после ее падения... Было бы ужасно подумать, что под предлогом осуждения всякого вооруженного восстания против большевизма наш Интернационал осудит всякое восстание и запретит своим членам принимать участие в этом восстании. Такой нейтралитет был бы политическим самоубийством».

У Каутского нет, конечно, никаких оснований сомневаться в том, что II интернационал выполнит и в этом случае свою предательскую миссию. Об этом свидетельствует и процесс меньшевиков, разоблачивший социал-интервенционистов, их работу по подготовке нападения на СССР.

Но социал-фашисты на этот раз прощаются. Пролетариат, обогащенный опытом революционной борьбы, не даст себя обмануть, как в 1914 г. На подготовку новой войны пролетариат ответит гражданской войной, борьбой за свержение капитализма и ликвидацию социал-фашизма, за диктатуру пролетариата.

ВОСПОМИНАНИЯ ШЕЙДЕМАНА

Мемуары с.-д. Филлипой Шейдемана представляет собой значительное расширенное и дополненное воспроизведение его книги «Крушение германской империи». Накануне войны, во время войны и непосредственно после нее этот «герой 4 августа» был одним из важнейших руководителей германской с.-д. председателем с.-д. фракции в Рейхстаге и председателем совета министров (после ноябрьской революции). Страницы его мемуаров, посвященные кануну войны и годам войны, дают нам яркую картину не только деятельности этого политического дельца, но и всего руководства с.-д., в том числе и мнимо «левых», впоследствии независимых.

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ДОЛЖНО ВЫСКАЗЫВАТЬСЯ БОЛЕЕ СДЕРЖАННО

30 июля, после обеда, в помещении президиума партии, когда мы под председательством Гаазе составляли воззвание к партии, разыгралась следующая замечательная сцена. В то время, как мы рассматривали, фраза за фразой, проект воззвания, позвонил телефон. Я снял трубку, со мной говорил товарищ Штампфер¹; он в то время издавал бюллетень, которым пользовалась почти вся партийная пресса. Штампфер хотел вкратце познакомить нас со своей статьей об отношении партии к войне. У него уже был жестокий спор из-за этой статьи со Штребелем, но тем не менее он ее только что разослал подписчикам. Все стали внимательно прислушиваться.

Уже после первых нескольких фраз, Гаазе возбужденно вскочил и стал протестовать против статьи Штампфера. Произошел быстрый обмен мнений в то время, как я в соседней комнате продолжал телефонные переговоры со Штампфером. В результате я вынужден был по поручению присутствующих членов президиума партии и фракции попросить Штампфера отменить по телеграфу печатание его статьи. Я мотивировал это тем, что президиум партии составляет обращение, которому статья Штампфера может сильно противоречить. Штампфер, разумеется, был чрезвычайно недоволен, у него были основания предполагать, что большинство членов президиума партии и фракции по существу одобряет его ста-

¹ Один из видных деятелей германской с.-д., примыкавший к ее правому крылу.

тью; в отношении меня он знал это наверняка. Тем не менее руководство партии формально было право, потому что в такой критический момент оно не могло допустить, чтобы его официальные обращения опередила бы статья. Было разослано несколько десятков телеграмм с требованием прислать статью обратно, но это не помешало тому, чтобы на следующий день в некоторых газетах статья Штампфера была напечатана. Статья выражает тогдашнее настроение партии, а не только самого Штампфера, с такой ясностью и определенностью, что я намерен воспроизвести ее здесь как важный партийный документ.

Быть или не быть!

«Пока есть возможность сохранить мир, существует только одна обязанность: работать на пользу мира. Но в тот момент, когда начинается мировая борьба—а мы не знаем, сколько часов отделяет нас от этого момента,—меняются также и задачи проникшегося классовым сознанием германского пролетариата.

Германии вместе с союзником, значительные силы которого будут заняты на другом фронте, придется бороться на два фронта, а может быть, кроме того, еще и против Англии в Северном море. По сравнению с такой войной война 1870-71 гг. детская игра.

Огромное большинство германского народа не хотело этой войны. Но во всей Германии не найдется ни одной партии, ни одной группы и—мы полагаем—ни одного человека, который желал бы, чтобы Гер-

мания потерпела в этой войне поражение.

Такое поражение было бы чем-то ужасным, выходящим за пределы всего, что можно себе представить. Если уже война сама по себе является ужасом, то в этой войне ужас усугубляется еще тем, что она происходит не только между цивилизованными нациями. Мы питаем доверие к облеченным в военную форму нашим собратям по классу и нации, мы верим, что они сумеют воздержаться от всякой ненужной жестокости. Но мы не можем питать такого же доверия к пестрой толпе народностей, подвластных царю, и мы не желаем, чтобы наши женщины и дети сделались жертвами зверств казаков.

Мы должны подумать, кроме того, еще о другом. Географическое положение вынуждает Германию и Австрию вести борьбу на три или четыре фронта. Они не могут направить все свои силы на один какой-нибудь пункт и поэтому, даже в случае победы, не смогут выступить с тем высокомерием победителей, которое уже в настоящее время звучит в безответственных заявлениях некоторых газет.

Между тем противники концентрируют все свои силы против австро-германской территории. Германия и Австрия вряд ли могут нанести противникам такое решительное поражение, какое может потерпеть Германия, если противники победоносно вторгнутся со всех сторон.

Поражение означало бы катастрофу, разгром и бесконечные бедствия для всех. Такая возможность вызывает в нас решительный протест. Наши представители в рейхстаге много раз заявляли, что утверждение, будто с.-д. в момент опасности не окажут поддержки своей стране,—клевета. Когда пробьет такой час, рабочие сдержат слово, которое дали за них представители. «Лишенные отечества молодцы» исполнят свой долг и в этом отношении не дадут превзойти себя никаким патриотам. В вопросе голосования за военные кредиты наша фракция стоит перед чрезвычай-

чайно ответственным решением, которого не следует осложнять дискуссией. Следует удовлетвориться тем, чтобы постараться понять любое решение, какое она найдет нужным принять. Тот, кто знает нашу фракцию, знает также, что она ни в какой мере не склонна одобрять войну, принимать на себя хотя бы малейшую ответственность за ее возникновение и разрывать те интернациональные связи, которые после войны приобретут еще большую действенность, чем раньше. Но тот, кто знает нашу фракцию, знает также, что отказ принять на себя ответственность за войну отнюдь не означает отказа от обороны, которая с момента возникновения войны является для нас непреложным долгом. Разумеется, фракция выступит вполне солидарно.

Мы предъявляем также к нашим противникам требование, чтобы они с уважением отнеслись к той глубокой серьезности, с какой наша партия подходит к своей тяжелой задаче. Те, кто решаются утверждать, что голосование фракции имеет тот смысл, что с.-д. отвергает обязанность обороны страны, говорят неправду. Повторяю: нет никакого сомнения, что с.-д. признают это долг и добросовестно его выполняют.

Война не вызывает в нас никакого подъема. Мы испытываем к ней глубокое отвращение. Но когда никакие жертвы уже не могут приостановить роковые события, когда мы вспоминаем о тех невероятных мерзостях, которые проделывал царизм со своим собственным народом, и когда мы далее представляем себе, что слуги этого варварского правительства могут в качестве пьяных победителей вторгнуться в нашу страну,—то с уст наших срывается крик: «Только не это!»

По ту сторону всех ужасов опустошения — заглянем вперед — встает другая более радостная картина: свободный германский народ, завоевавший себе отечество благодаря защите страны. Этот свободный германский народ после заключения мира на справедливых условиях заключает союз с ве-

ликими культурными народами Запада. Наше великое дело всюду побеждает. А там, на востоке, дымятся обломки царского трона».

Одновременно с этой статьей Штампера, которая была напечатана только в немногих газетах, во всей партийной печати появилось воззвание президиума партии. Оно гласило:

«Наши неоднократные старания сохранить мир оказались безуспешными. Условия, в которых мы живем, оказались снова сильнее нашей воли и воли наших братьев—рабочих других стран. Теперь нам приходится твердо смотреть в глаза грядущим событиям. Мы будем переживать их не с фаталистическим равнодушием, мы останемся верны нашему делу и будем сохранять прочное единодушие, проникшись сознанием величия нашей культурной миссии. Перед женщинами, на которых события обрушиваются с особенной тяжестью, в этот серьезный момент стоит задача действовать в духе социализма, чтобы избежать повторения этого невероятного бедствия и добиться того, чтобы эта война была последней. Суровые законы военного времени чрезвычайно тягостны для рабочего движения. Неблагодарные поступки, бесполезные и ложно понятые жертвы могут в этот момент повредить не только отдельным лицам, но и нашему делу».

Президиум партии должен был, разумеется, высказаться более сдержанно, чем Штампер, так как фракция еще не собралась и не приняла своего решения.

«ЛЕВЫЕ» ОСПАРИВАЮТ У ПРАВЫХ ЧЕСТЬ... ОГЛАШЕНИЯ ИЗМЕННИЧЕСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

На заседании фракции утром 4 августа, на котором был утвержден текст декларации, разыгралась короткая, но весьма ожесточенная борьба из-за того, кто должен огласить декларацию на пленуме рейхстага... Когда дебаты были закончены, Штольтен поставил вопрос, кто огласит декларацию. Я сообщил, что в виду особого желания Гаазе и по соглашению с президиумом фракции декларация будет прочитана мною.

Все единомышленники Гаазе, в первую очередь Дитман, вскочили с мест и стали кричать, что декларацию огласит Гаазе. Но последний решительно отказывался. Снова поднялся крик. Я заявил, что не добивался оглашения декларации и даже не предлагал поручить мне это, но в настоящее время вынужден подчеркнуть вопреки тому, что заявлялось в прениях, что во фракции нет первого и второго председателя, а имеются только равноправные председатели. Гох неистовствовал и беспрерывно на весь зал кричал: «Но Гаазе в то же время председатель партии!»

Оскар Кон подошел к столу президиума и подал Гаазе листок на котором было написано: «По поручению фракции я оглашаю следующее заявление...»

Многие упорно твердили: «Гаазе обязан! Гаазе обязан!»

Председательским звонком я призвал возбужденную публику к порядку и сказал, что поставлю вопрос на голосование: «Если мы единогласно предложим Гаазе огласить декларацию, то, надо полагать, он подчинится». Сам я голосовал за Гаазе и «констатировал», что «насколько я вижу (а я старался нарочно видеть не слишком хорошо) все единогласно требуют, чтобы декларация была прочитана Гаазе». Тогда Гаазе согласился. Герцфельд, Дитман, Гох и Давидсон были в восторге.

Перед тем, как фракция разошлась, Гаазе заявил, что осенью он сделает выводы из того, что здесь произошло.

4 августа 1914 г. на первом заседании рейхстага Бетман-Гольвег произнес речь, в которой он, между прочим, сообщил о вторжении в Бельгию. После этого рейхстаг сделал перерыв на час. Во время этого перерыва состоялось заседание фракции, на котором Ледебур поднял шум из-за того только, что кто-то из с.-д. депутатов крикнул «браво» во время речи канцлера. Такие мелочи никогда не ускользали от внимания Ледебура. В то время все мы верили, что французы вторглись в Германию, что они отравляют колодцы и что французские летчики уже бросали бомбы над Нюрнбергом и Фюртом.

Все это были газетные сообщения, оказавшиеся впоследствии злостными выдумками. Точно так же мы были убеждены, что все германские должностные лица, от которых это зависело, сделали все, что могли, для «предупреждения войны».

НИКАКОЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ!

Гаазе отправился к Ваншафе с ходатайством о разрешении выпуска «Форвертса». Он сделал нам весьма оптимистическое сообщение. Я этому сообщению не поверил. Президиум партии попросил тогда Мюллера¹ взять на себя обязанности главного цензора «Форвертса». Мюллер согласился, поставив при этом некоторые условия. «Я рад, что прилежный Герман готов принести эту жертву, но я убежден, что он потерпит неудачу и наживет много неприятностей!», писал он в своем дневнике.

Оказалось, что действительно Гаазе слишком оптимистически оценил положение. Генерал-полковник фон Кессель и не собирался разрешать выпуск «Форвертса» без всяких условий. Он потребовал, чтобы в «Форвертсе» с этого времени «не печаталось ни слова о классовой вражде и классовой борьбе». Такое требование заставило созвать общее заседание президиума партии и редакцию «Форвертса». Редакция готова была подчиниться и напечатать заявление следующего содержания: «Так как берлинские товарищи и президиум партии желают во что бы то ни стало сохранить «Форвертс», то редакция «Форвертса» готова подчиниться». Мы здорово отчитали их и заявили, что президиум партии отнюдь не желает сохранить «Форвертс» во что бы то ни стало, но желает определенно знать, какую позицию намерена занять редакция, тогда президиум запросит организации Берлина и провинции, после чего выскажет свое мнение. В таких положениях Эберт умел действительно проявлять очаровательную бесцеремонность.

¹ Герман Мюллер — один из виднейших деятелей с.-д. Был премьер-министром коалиционного правительства. Недавно умер.

На следующий день после обеда состоялось заседание президиума вместе с комиссией печати и президиумом организации Берлина и окрестностей. Роза Люксембург произнесла строго, принципиальную речь и высказалась против всяких уступок. Лучше совсем не выпускать «Форвертс», чем в течение месяцев не говорить в нем ни слова о классовой борьбе.

Все остальные, за исключением т. Фридендера, который, как он потом сказал нам, «не хотел оставлять Розу в полном одиночестве», проглотили условия генерал-полковника фон Кесселя. Последний согласился на выпуск «Форвертса», если на видном месте газеты будет напечатано письмо главного командования. Итак, никакой классовой борьбы! Комиссия печати проглотила и эту пилюлю.

1 октября 1914 г. я записал в своем дневнике: «Форвертс» снова выходит, но в заголовке газеты позорное пятно, которое огорчило всех, кто стойко был против этой уступки».

НИКАКОЙ НАГРАДЫ ЗА СТАРАНИЕ

26 февраля 1915 г. обсуждался вопрос о требовании кредитов на 10 млрд. марок. Фракция была представлена своими тремя председателями: Гаазе, Молькенбургом и мною. На этом заседании Гаазе требовал отмены § 153 Устава о промышленности; это требование отстаивалось профессиональными союзами в течение нескольких десятилетий.

Когда Дельбрюк стал возражать, я прервал его вопросом: «А скажите прежде всего, как обстоит дело с избирательным правом?» Дельбрюк на это ответил: «Во время войны это совершенно невозможно, во-первых, нам нехватает работников, чтобы разработать законопроект, во-вторых, весьма рискованно затрагивать во время войны столь спорный вопрос. Какой же это будет гражданский мир?» Я ответил ему, что, несомненно, это может вызвать значительные затруднения, но наброски законопроекта, по крайней мере в форме определенных программных заявлений, могли быть за это время объявлены.

Дельбрюк ответил: «Это, пожалуй, еще опаснее, чем внесение самих за-

конопроектов. Что может обещать правительство, если оно еще не уяснило себе детали и если оно знает, что ему придется столкнуться с сильным сопротивлением? У Бюлова был очень плохой опыт с такими обещаниями, например, с реформой биржевого законодательства, а также и с избирательной реформой».

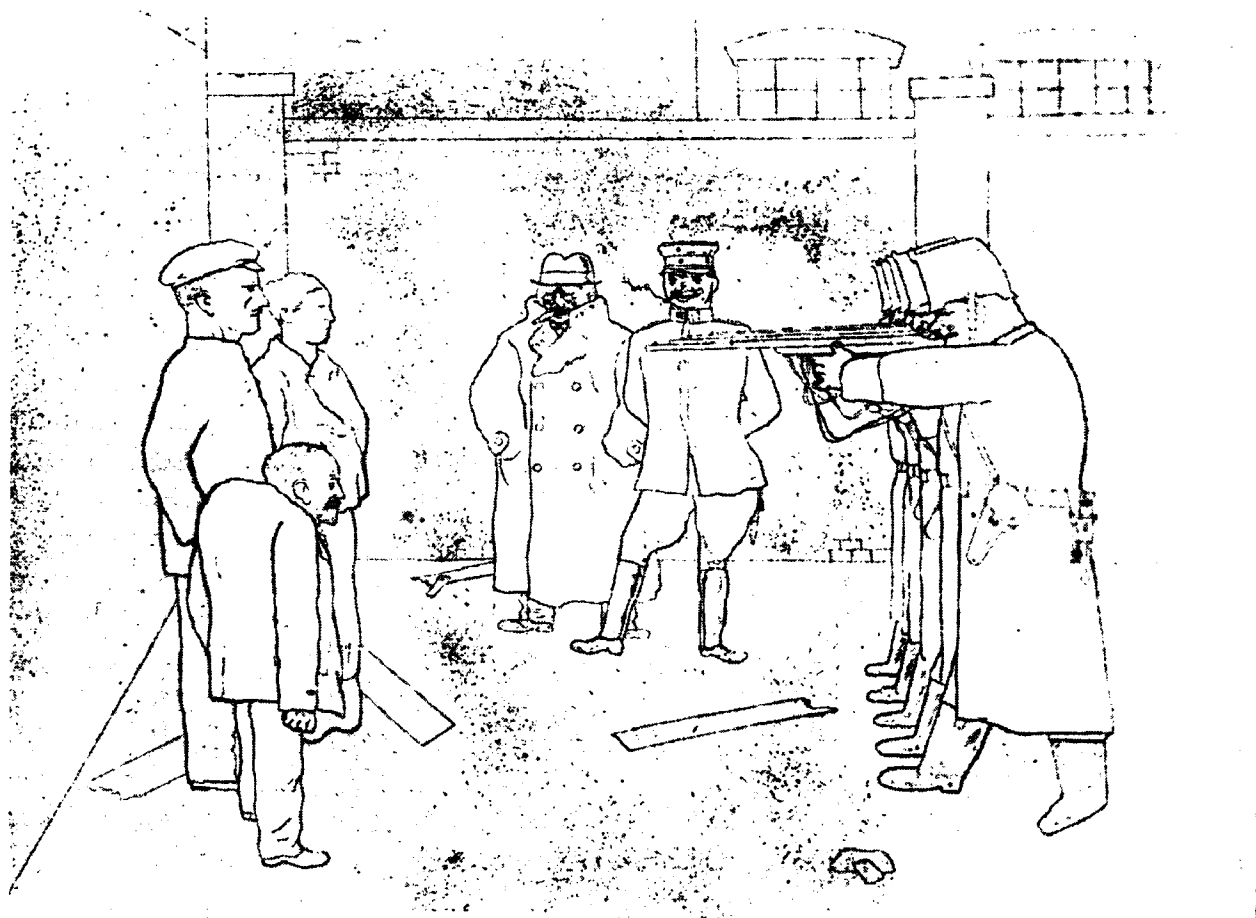
Ваншафе заметил: «Нынешний имперский канцлер слишком серьезный человек и не станет обещать законов, не зная всех тонкостей».

В моем дневнике по поводу описанного заседания сказано буквально следующее: «Значит, пока нет ничего, ничего и не обещают. Так я и ожидал. В конце концов мы голосовали за кредиты не для того, чтобы получить за это вознаграждение. Я не создавал себе на этот счет никаких иллюзий. Когда наступит нужный момент, надо будет бороться и бороться, не считаясь ни с чем. Позиция, занятая нами во время войны, поможет нам после войны добиться того, что раньше не удавалось».

«ТЕПЕРЬ МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ!»

Чем хуже было экономическое положение, тем резче становились столкновения и инциденты. Для характеристики той травли, которая велась со стороны «радикалов» против германской с.-д. партии, опишу еще следующее происшествие, потому что оно проливает яркий свет на поступки некоторых бунтарей.

30 октября 1914 г. в большом зале заседаний германской с.-д. партии на Линденштрассе собрался партийный комитет, чтобы обсудить с президиумом партии вопрос о все более усиливавшихся продовольственных затруднениях. Доклад был поручен т. Отто Брауну, который в то время был главным казначеем, впоследствии министром земледелия, а затем прусским министром-президентом. Еще до того, как Браун приступил к докладу, нам сообщили, что организуется демонстрация женщин, направленная против президиума партии и партийной комиссии. Действительно, во дворе собралось несколько сот женщин. Вдруг госпожа Циц, которая, несомненно, была в числе организато-

Первая встреча правительства Эберта с пролетариатом

Рис. Георга Гросса

ров, влетела в зал с сообщением, что депутация женщин хочет переговорить с президиумом партии, а затем выступить также и в комиссии. Эберт поручил им ответить, что мы теперь не можем прервать наше совещание, так как он только что предоставил слово Брауну, и предложил депутации переговорить с берлинскими представителями партийной комиссии. Пфанкух, Бартельс и Гаазе вышли, чтобы переговорить с депутацией. Из коридора до нас доносился крупный разговор. Вдруг дверь распахнулась, и около десяти женщин с невероятными криками ворвались в зал. Точно по хорошо подготовленному плану они прошли на середину зала и стали кричать.

Эберт все время продолжал трезвонить председательским звонком. «Что вам угодно?» Первая женщина: «Мы будем здесь говорить». Эберт: «Вы ведь члены партии?»

Несколько женщин (кричат): «Да, и настоящие, не такие, как вы!»

Эберт: «Если вы члены партии, то вы должны знать, что мы на наших совещаниях должны соблюдать парламентский порядок».

Женщины хором: «Пустяки, теперь мы будем говорить. Нечего делать нам замечания!»

Эберт: «Я запрещаю вам говорить!»

Тем временем в зал протиснулось по крайней мере тридцать женщин, и все они беспорядочно кричали: «Вы не смеете нам запрещать! Подумаешь, этикие обжоры!»

Эберт не мог заглушить голосов женщин непрерывным звонком и потому в большом возбуждении прервал совещание на час. Тем временем лестницы и коридор переполнились женщинами.

Во время перерыва президиум партии собрался, чтобы обсудить свое дальнейшее положение. Против голосов Эберта и Мюллера мы постановили следующее: женщины могут послать депутацию с одной ораторшей в партийную комиссию, а остальные должны находиться в это время в помещении берлинской рабочей школы. На это возбужденная депутация женщин согласилась. Затем одна из женщин прочла в партийной комиссии речь, которую

ей, очевидно, написал какой-нибудь радикал или «образованная» товарка по партии. Когда чтение закончилось, Эберт сказал: «Ну, хорошо, благодарим, а теперь будем продолжать наше совещание».

В ответ на эти слова женщины снова подняли крик...

ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТОРОМ

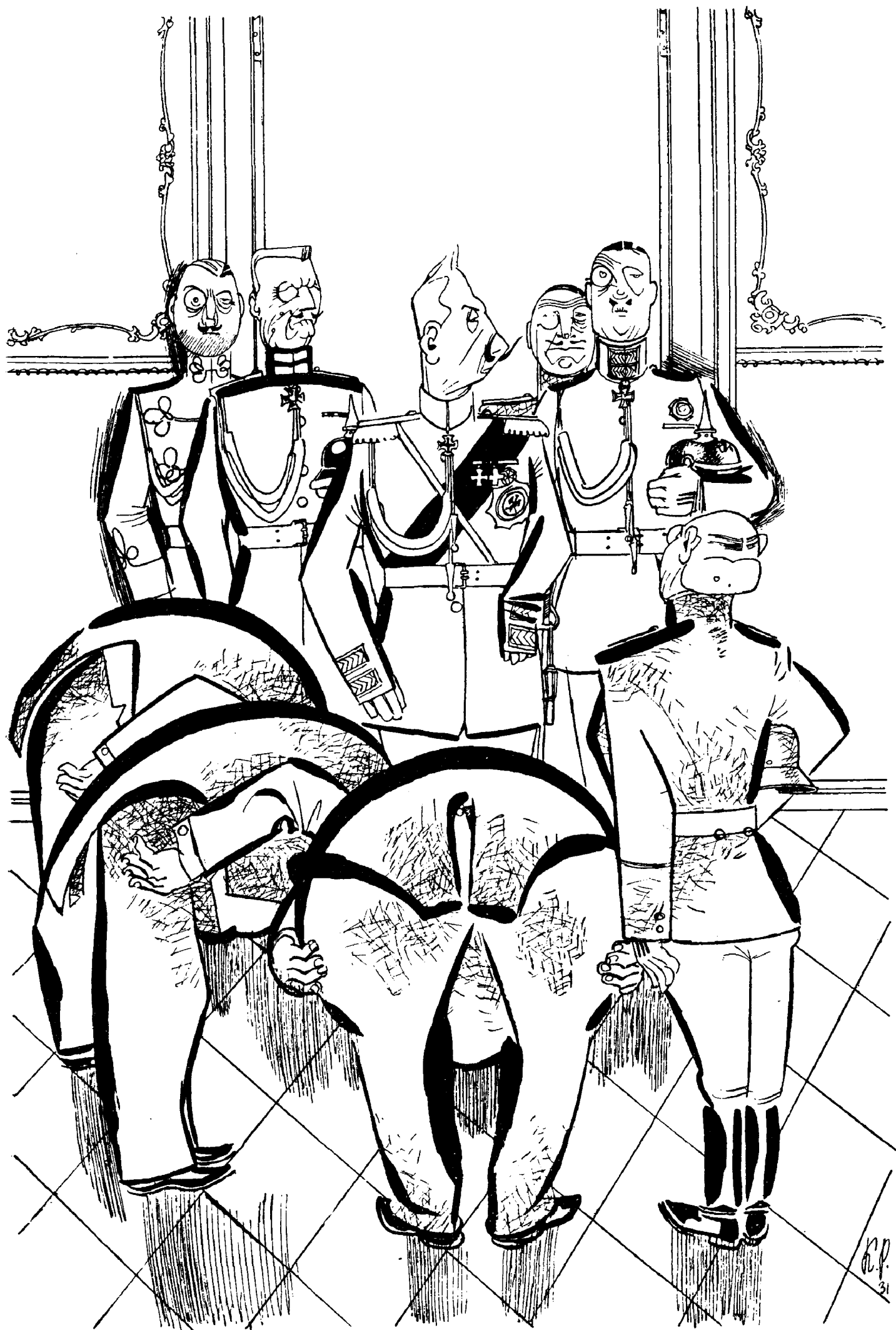
Для того чтобы не разрывать хронологическую связь событий, я опишу здесь некоторые происшествия, которые могут представлять интерес для читателя.

Случай познакомиться ближе с главным носителем старой системы императором Вильгельмом представился скорее, чем мы рассчитывали. 20 июля 1917 г., к концу заседания рейхстага Гельферих поручил нам сообщить, что в 6 час. вечера кайзер ожидает у себя представителей фракции для непринужденной беседы. От каждой фракции приглашалось четыре человека. Наша фракция, когда мы ее об этом информировали, решила, что мы, разумеется, должны принять приглашение. В качестве представителей были избраны Давид, Эберт, Молькенбург и я. Когда мы явились к Гельфериху, мы встретили там, к нашему изумлению, Зюдекума, причем он был единственным в форме лейтенанта, с походным шлемом подмышкой.

Эберт был взбешен. Он отклонил перед тем выраженное Зюдекумом желание участвовать в этой встрече ссылкой на то, что фракция уже выбрала своих представителей. После этого, как выяснил Эберт, Зюдекум получил специальное приглашение «в качестве заместителя председателя бюджетной комиссии». Эберт был чрезвычайно раздражен этим по существу малозначащим обстоятельством.

Седобородый Гребер острил по поводу того, что как раз с.-д. привели к императору единственного лейтенанта. Даже консерваторы не сумели раздобыть себе такого. Я сказал остроумному старику: «Ну, как можно быть таким завистливым!»

И вот, наконец, встреча с императором! Первый этаж здания министер-

Социал-демократы на высочайшем приеме у Вильгельма II.

Рис. Н. Ротова

ства внутренних дел. Проходим через четыре-пять комнат, потом под прямым углом поворачиваем в угловую комнату. В следующей за ней комнате собрались члены рейхстага и союзного совета, а также и прочие приглашенные. Ваншафе и ландрат фон Браун, который тогда служил в министерстве, образовали «непринужденно стоящие группы». С одной стороны стояли члены рейхстага, с другой — все остальные... Вдруг растворились обе половинки двери, и император, сияя, словно привыкший к аплодисментам тенор, театрально вошел в зал в сопровождении нескольких офицеров. «Его величество» чрезвычайно низко поклонилось всем собравшимся. После этого в течение минуты я видел только согнутые спины. Император немедленно завязал разговор с тремя президентами рейхстага — Кемпфом, Пааше и Дове. Разговор продолжался несколько минут, затем император перешел ко второй группе и, наконец, к третьей, — это были мы, социалисты. Гельферих представил нас. Зюдекум стоял у нас на правом фланге, я — на левом. Когда Гельферих назвал мое имя, император очень пристально взглянул на меня, затем быстро отвел глаза, когда заметил, что я не собираюсь провалиться сквозь землю. Он спросил Зюдекума, где тот получил свой Железный крест. Получив на это соответствующий ответ, император продолжал: «Вы задали мне большую баню. Я собирался уже третьего дня присутствовать на восточном фронте, но пришлось отказаться. Наступление прошло хорошо. Русские теперь просто убегают. Впрочем, в России творится что-то невероятное. Там, повидимому, все стреляют друг в друга». И бросив в мою сторону продолжительный взор, он добавил: «Революция и война несовместимы». Я смотрел в сторону, словно меня его разговор совершенно не интересовал. Затем он поделился с нами «новостями», которые всем были уже давно известны. После того он вдруг неожиданно спросил: «Кто из вас был в Стокгольме?» Давид ответил: «Мы вчетвером». Вильгельм: «Вы превосходно сделали свое дело, вы блестяще дуэлировали».

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

9 ноября 1918 г. рейхстаг уже с раннего утра напоминал большой военный лагерь. Рабочие и солдаты входили и выходили. Многие были вооружены. Вместе с Эбертом, который пришел в рейхстаг из имперской канцелярии, я сидел голодный в столовой. Кормили снова жидким супом... В это время толпа рабочих и солдат ворвалась в зал и подбежала к нашему столу. Пятьдесят человек кричали одновременно:

— Шейдеман должен сейчас же пойти с нами!.. Филипп, ты должен выйти и произнести речь.

Я отказывался: сколько раз мне за это время приходилось уже выступать!

— Ты должен! Ты должен, чтобы предупредить большое несчастье! На улице стоят десятки тысяч людей и требуют, чтобы ты говорил. Да, Шейдеман, идем же скорее! С балкона дворца говорит Либкнехт!..

— Ну так что же!

— Нет, нет, идем! Ты должен говорить.

Меня убеждали десятки людей, и, наконец, я согласился и пошел с ними.

Большие кулуары представляли собой оживленное драматическое зрелище. Ружья стояли пирамидами. Со двора доносились топот и ржанье лошадей. В кулуарах тысячи суетившихся людей говорили и кричали одновременно.

Мы быстрыми шагами прошли в читальню. Я хотел из окна обратиться с речью к массам.

Спутники наперебой старались осведомить меня о том, что делалось на улице. Из дворца в рейхстаг и обратно двигались, по их уверению, огромные массы людей.

— Либкнехт хочет провозгласить советскую республику!

Положение вещей было для меня ясным. Я знал требование Либкнехта: «Всю власть советам рабочих и солдатских депутатов!»

Значит, Германия должна стать русской провинцией, советским филиалом? Нет! Тысячу раз нет!

Карл Либкнехт

Не подлежало сомнению: тот, кто приведет теперь в движение массы — из дворца «по-большевистски» или из рейхстага по направлению к дворцу под с.-д. лозунгами, — тот победит!

Я видел перед собой русское безумие, смену царского террора большевистским. «Нет, нет! Только не это».

Я стоял уже у окна. Тысячи рук поднялись, размахивая шляпами и фуражками. Мощно прогремели возгласы масс. Затем все затихло.

Я произнес лишь несколько слов, которые были приняты с большим одобрением:

— Рабочие и солдаты! Ужасны были эти четыре года войны. Невероятны были жертвы имуществом и кровью, которые должен был принести народ. Злосчастная война закончена. Бойня прекратилась. Последствия войны, нужда и нищета, еще многие годы будут тяготеть над нами. Нам не удалось избежать поражения, которое мы во что бы то ни стало старались отворотить от себя; наши предложения о примирении саботировались, нас осыпали издевательствами и клеветой.

Враги трудящегося народа, действительные «внутренние враги», виновные

в крушении Германии, присмирели и стушевались. Именно эти домашние воюки до вчерашнего дня упорно отстаивали свои завоевательные требования и ожесточенно сопротивлялись всяким реформам конституции, в особенности изменению позорной прусской избирательной системы. Надо надеяться, что с этими врагами народа покончено навсегда. Император отказался от престола. Он и его друзья исчезли. Над всеми ими народ одержал полную победу.

Принц Макс Баденский передал должность канцлера депутату Эберту. Наш друг образует рабочее правительство с участием всех социалистических партий. Не следует мешать новому правительству в его работе на пользу мира, в его заботах обеспечить население хлебом и работой.

Рабочие и солдаты! Отдайте себе отчет в историческом значении сегодняшнего дня. Совершилось невероятное. Нам предстоит огромная, необозримая работа.

Все для народа, все посредством народа! Не должно совершаться ничего такого, что могло бы обесчестить рабочее движение.

Будьте едины, верны и сознавайте свой долг!

Старое и гнилое — монархия — рухнуло. Да здравствует новое, да здравствует германская республика!

Поднялось нескончаемое ликование. Затем массы двинулись по направлению к дворцу. Большевистская волна, угрожавшая в этот день нашему отечеству, была сломлена. Германская республика овладела головами и сердцами людей.

ЭБЕРТ ЗАЩИЩАЕТ МОНАРХИЮ

После моей речи я сейчас же вернулся в столовую рейхстага, чтобы спасти остатки своего жидкого супа. Здесь разыгралась сцена, о которой я никогда не рассказывал и о которой я промолчал бы и теперь, если бы о ней не рассказал пастор Фельден в своей книге об Эберте. Несколько рабочих и солдат, вошедших вместе со мной в зал, где теперь было мало народа, находились действительно в «приподнятом состоянии», как выразился принц Макс, и крикнули

на весь зал: «Шейдеман провозгласил республику!» Теперь посмотрим, что пишет в своей книге Фельден, которому об этой сцене рассказал сам Эберт или кто-нибудь из его ближайших друзей.

«Эберт в ужасе и кричит своему другу: «Этого не следовало делать. Вопрос о будущей форме правления должно решать учредительное собрание!»».

К сожалению, сцена эта происходила не так мирно и дружелюбно, как изображается в приводимом рассказе. Эберт покраснел от злости, когда услышал, что я сделал. Он стукнул кулаком по столу и крикнул на меня: «Это правда?». Когда я ему ответил, что это не только правда, но что это было неизбежно, он устроил мне сцену, которая была для меня совершенно непонятна. «Ты не имеешь права провозглашать республику! Чем будет Германия, республикой или чем-либо другим, должно решить учредительное собрание!». Как мог такой умный человек настолько не-

правильно оценивать положение, чтобы 9 ноября говорить еще о регентстве, временном замещении, о назначении правителя империи и т. п. монархической чепухе, которая была полностью сдана в архив! Теперь, много лет спустя после того знаменательного дня, я лучше понимаю поведение Эберта, потому что теперь имеется ряд книг и разные другие сообщения, из которых видно, что в то время происходили конфиденциальные разговоры о республике, о назначении императору заместителя и т. д. В эти разговоры я не был посвящен, а Эберт, надо полагать, чувствовал себя до известной степени ими связанным. На с.-д. партию и на меня это не распространялось.

Принц Макс рассказывает, что еще 9 ноября, между 5 и 6 часами вечера, Эберт настоятельно просил его остаться в Берлине. На вопрос принца, для чего это нужно, Эберт ответил: «Я хотел бы, чтобы вы остались правителем империи». Принц Макс Баденский в

Эберт в удобном кресле Гогенцоллернов

Рис. Георга Гросса

качестве правителя империи! Невольно вспоминается здесь постановление национального собрания 1848 г.: отказаться от осуществления революционной власти и выбрать правителя империи! Тогда выбрали эрцгерцога Иоанна, на этот раз намечали баденского принца! Мне кажется, что принц Макс правильно оценил положение, когда вечером 9 ноября 1918 г. обратился ко мне с просьбой дать ему охранную грамоту, чтобы он мог отправиться во-свояси в свое прекрасное отечество.

В чрезвычайно обстоятельной и обширной рецензии на книгу принца, которую Герман Мюллер поместил в № 9 журн. «Гезельшафт» за 1927 г., он говорит, что, насколько ему известно, Эберт никому не рассказывал об этом эпизоде. Он не может поэтому опровергнуть сообщение принца Макса, но полагает, что «Эберт сделал это предложение по инициативе Конрада Гаусмана». Дальше Герман Мюллер говорит, что принц в то время был невозможен в какой бы то ни было должности. Поэтому предложение Эберта следует расценивать только как акт чрезмерной вежливости. После того, чему я был свидетелем в те критические дни, я так же мало, как и Мюллер, в состоянии опровергнуть сообщение принца.

На мой письменный запрос относительно достоверности его рассказа о переговорах Эберта с принцем Максом Фельден заверил меня, что его источник вполне надежен. Фельден, как друг Эберта и как священник, пользовавшийся большим уважением, несомненно, не стал бы делать легкомысленных заявлений. Он подтвердил мне также правильность своего описания последних дней, которые Эберт проводил на каникулах перед объявлением войны. Фельден говорит, что его описание

основано на достоверных сообщениях. Эберт просто не желал верить в возможность войны.

До какой степени по-разному расценивалось положение даже 9 ноября, видно из следующих обстоятельств. Когда я провозгласил республику, я в своей краткой речи говорил о рабочем правительстве и уже раньше сказал: Эберт образует правительство, в которое войдут все социалистические партии. Я считал, что это разумеется само собой. Когда потом вышло первое правительственное сообщение за подписью имперского канцлера Эберта, то там говорилось: «Бывший до настоящего времени имперским канцлером принц Макс Баденский поручил мне с согласия всех статс-секретарей исполнение обязанностей имперского канцлера. Я собираюсь образовать новое правительство по соглашению с партиями»...

Это первое правительственное сообщение Эберта, несомненно, составлено представителем старого режима, без согласования с кем-либо из с.-д. Последний имперский канцлер поручил нашему товарищу «исполнение обязанностей имперского канцлера» совершенно так же, как «его величество император» в свое время «поручил исполнение обязанностей статс-секретаря» мне. Правда, назначение Эберта принцем Максом было произведено «с согласия всех статс-секретарей». Я не стану перечислять здесь всех статс-секретарей, вплоть до архиреакционного консерватора фон-Вальдена. Если бы я это сделал, то изображенная здесь картина революции приобрела бы еще более уродливые очертания. Разумеется, с такими «государственно-правовыми» воззрениями провозглашение республики не совмещалось.

Перевел Б. Жуховецкий

М. ШЕЙНМАН

ВОЙНА И РЕЛИГИЯ

«Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается», писал Ленин в 1922 г. в заметках «О задачах нашей делегации в Гааге». Тайна, которой буржуазия окружает свои военные замыслы, исключительно велика: смысл ее в том, чтобы скрыть самый факт военной опасности, отвлечь внимание пролетариата от угрозы войны, пацифистской и разоружительной болтовней демобилизовать его волю к борьбе против военной опасности.

Другая тайна, которой буржуазия опутывает войну, это тайна о классовой роли войны, тайна о целях, назначении и причинах войны. Особенно широко эта работа по обману масс относительно целей и причин войны была поставлена в годы 1914—1918. Правящие клики убеждали миллионные массы в том, что война «свята», что речь идет о защите отечества, религии, семьи, цивилизации, миллионы людей обманывали, что противники — варвары, людоеды, гунны. Империалистический грабительский характер войны опутывался глубокой тайной.

В годы империалистической войны¹ воюющими странами были созданы специальные организации военной пропаганды. Широчайшая агитационно-пропагандистская деятельность, развернутая ими в воюющих и нейтральных странах, была рассчитана на отравление сознания масс ядом шовинизма. Буржуазия показала громадное умение обманывать.

Громадную роль в деле организации массового циничного обмана масс в годы войны сыграла религия. В настоящее время уже создана обширная литература о роли религии и церкви в империалистической войне. Она исходит, главным образом, из кругов церкви,

и каждое исследование писалось с определенной целью: либо оправдать политику данной церковной организации и очернить противника, принадлежащего к другой церковной группе, либо представить роль церкви и религии в очень радужных цветах, чтобы тем самым не допускать падения влияния церкви в массах.

Милитаристская религиозная пропаганда через печать, богослужения, предметы культа (кресты, «чудотворные» иконы, мощи), самые дикие религиозные суеверия, религиозный фанатизм, вражда — все это в самых разнообразных формах использовалось на фронте и в тылу для военных целей империалистов.

Мы остановимся на отдельных моментах этого использования религии для империалистических военных целей.

В манифесте Николая II о войне мы читаем: «...ныне предстоит уже не наступать только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России, положение ее среди великих держав... С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на всемогущий промысл мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестное войско наше божие благословение».

Итак, Николай II «бескорыстно защищает родственную Сербию» и «молитвенно» призывает на «святую Русь» «наше божие благословение»...

Вильгельм II в своем манифесте представляет себя поборником мира, но «...противники оказались завистниками и унизили нас». Поэтому: «Вперед, и с нами бог, так же как он был с нашими предками...»

Франц-Иосиф австрийский также заявляет в своем манифесте, что он горел желанием посвятить себя «делам мира», но «происки противников» вынуждают его взяться за оружие и уповать

¹ Интересный материал по этому вопросу имеется в книгах К. Стюарт «Тайны дома Крю» и Г. Лассвель «Техника пропаганды в мировую войну».

«на всемогущего, что он даст моему оружию победу».

Английский король в своем манифесте также просит бога, чтобы он дал победу его оружию. «Единому» христианскому богу, если бы он существовал, пришлось бы разрываться на части, ибо надо было бы всем воюющим странам дать победу и наказать противников каждой страны.

Американский буржуазный писатель Гарольд Лассвель (в книжке «Техника пропаганды в мировой войне») пишет, что религиозные струны «не были никем затронуты с большим драматизмом, чем кайзером Вильгельмом II. Выступая перед толпой в июле 1914 г. в Люстгартене, Вильгельм заявил: «Меч вложен в наши руки насильно. Я надеюсь, что если моим усилиям не удастся в последний час образумить противника и сохранить мир, то с божьей помощью мы сумеем действовать мечом... Теперь я поручаю вас богу. Идите в церковь и колени преклоненно молитесь его о помощи нашей доблестной армии» (разрядка наша. М. Ш.)

Это переплетение воинственных выкриков с религиозным кликушеством было нужно в момент широкого ослепления патриотическими и шовинистическими настроениями и должно было еще больше окутать войну тайной.

Не менее яркие примеры использования религии для разжигания воинственных настроений дает Франция. Тот же писатель Лассвель рассказывает о «символе веры», изготовленном для Франции. Вот этот «символ веры»¹: «Верую в храбрость наших солдат и в искусство и преданность наших вождей Верую в силу справедливости и в крестовый поход цивилизации. Верую во Францию, вечную, непоколебимую, необходимую. Верую в награду страждущим и в ценность надежды. Верую в доверие, в спокойную мысль, в скромный ежедневный труд и дисциплину, в милосердие воюющих. Верую в кровавые раны и в благодать святой воды, в огонь артиллерии и в пламя поставленных по обету све-

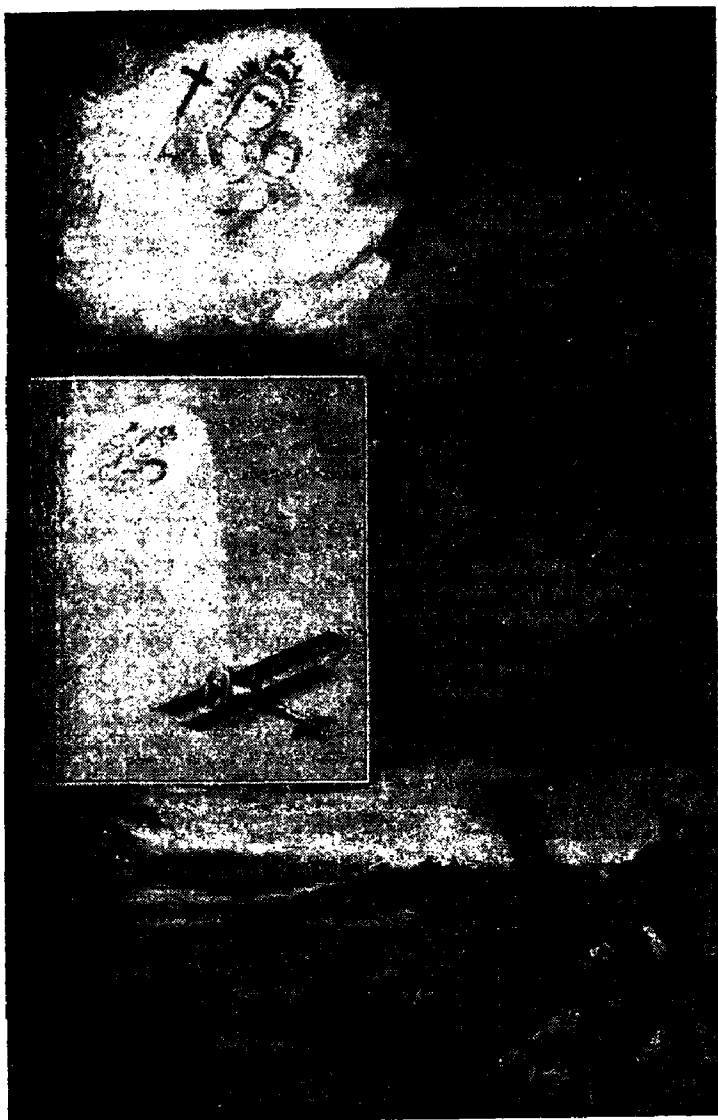
¹ Гарольд Лассвель, «Техника пропаганды в мировую войну», стр. 63.

чей; в шарики четок. Верую в молитвы женщин, в неусыпный героизм жен, в спокойное благочестие матерей, в святость нашего дела, в незапятнанную славу нашего знамени. Верую в наше великое прошлое, в наше великое настоящее и в наше еще более великое будущее. Верую в наших сограждан, живых и умерших. Верую в руки, сжатые в кулак для борьбы, и в руки, сложенные для молитвы. Верую в нас самих, верую в бога. Верую, верую...»

Более яркий образец религиозно-милитаристического «символа веры» трудно себя представить

Как известно, у католической церкви были свои счеты с французским правительством. В связи с изгнанием в начале XX в. монашеских конгрегаций из Франции у них были натянутые отношения. Однако своей активной помощью правительству в ведении войны католическая церковь доказала, что она заслуживает к себе иного отношения. И, действительно, в годы войны сгладилась былая вражда французской радикальной буржуазии с католицизмом. Церковь оказала буржуазии неоценимые услуги в деле борьбы с революционным движением в стране и поднятия боевого духа в армии. В начале войны орган французских клерикалов «La croix» сравнивал продвижение вперед французских армий с приближением царства божия. 15 августа 1914 г. этот руководящий орган французских попов писал, что война это возмездие, которого Франция ждала сорок три года (намек на поражение Франции в франко-прусскую войну 1870—71 гг.). По словам газеты, это война католической Франции против протестантской Германии!..

От французских клерикалов не отставали церковники других воюющих стран. В Англии гитфордский епископ в начале войны заявил, что эта «война является дорогой ценой, уплачиваемой нами за наш успех в деле распространения христианства, заповеданном нам Христом... Мы можем, по крайней мере, возблагодарить бога за то, что он этой войной намного приближает лучший день для будущих поколений»... На многочисленных воззваниях и обращениях, изданных в Англии в начале

Видение на небе, вызвавшее волнение в войсках у Перемышля в марте 1915 г. Средний рисунок объясняет, как с помощью волшебного фонаря творились подобные чудеса

войны, с призывами к священной войне красовались подписи виднейших деятелей церкви. В ноябре 1914 г. в Дублине на съезде ирландской церкви выступил ее глава архиепископ армагский, который протестовал против того, что в наше время слишком буквально толкуют заповедь о любви к врагам. Он заявил, что мы вовсе не должны любить людей, осуществляющих дьявольское дело о мире божьем. «Германский император и его жестокие вассалы являются врагами цивилизации, врагами всего дорогого для человечества, врагами общехристианских идеалов, врагами Иисуса Христа»... а таких врагов, конечно, надо истреблять! «Война ведется за христианскую цивилизацию против антихриста; настоящая война поэтому священна для англичан и должна быть доведена до конца», так толковал войну

один из руководителей англиканской церкви на собрании 25 ноября 1915 г.

Военное командование английской армии сумело оценить эту полезную роль духовенства, и, фельдмаршал Френч после объезда архиепископом кентерберийским в марте 1915 г. английской армии заявил в печати: «Я должен заявить о прекрасном воздействии на армию, произведенном таким беззаветным самоотвержением лондонского епископа».

Исключительно широкую работу по окутыванию войны тайной развернуло духовенство в царской армии в России. Специальный штат военного духовенства был ближайшим помощником командования в борьбе с революционным настроением в армии и в создании военно-религиозного подъема.

В круг обязанностей военного духовенства входило богослужение, молебны перед и после боя, воодушевление солдат идущих, на фронт, и т. д.

Как раз накануне войны (с 1 по 12 июля 1914 г.) в Петербурге происходил съезд военно-морского духовенства царской армии. Классовый характер деятельности военно-морского духовенства раскрыл его глава протопресвитер Шавельский, произнесший на открытии съезда попов следующую речь: «Долг, который наложен на нас и нашим посвящением царю небесному, и нашей присягой царю земному, и нашим званием христианина, — не продремать настоящего момента... Я напомню о совершенно исключительном положении военного духовенства: ему вверены души защитников царя... Дана всем возможность, нет, больше того, на него возложена неременная обязанность возвышать дух армии»... И эту работу по «возвышению духа армии» военное духовенство и в тылу и на фронте и все духовенство в стране выполняли с честью.

Система религиозного одурачивания была развернута широко. Война трактовалась как величайшее божье благодеяние, как дело, умереть за которое — величайшее счастье. Само собою понятно, что бог был с царской армией и помогал ей подобно тому, как он помогал армиям противников. Синод православной церкви в своем указе по случаю

объявления войны писал: «...господь, содержащий в своей деснице судьбы царств и народов в мире и во брани, призывает ныне Россию ополчиться на брань».

Таким образом и православная церковь прежде всего позаботилась о том, чтобы скрыть причину и цели войны, выдавая ее как божье веление «ополчиться на брань». В другом обращении синода, относящемся к началу войны, мы читаем: «...воины русские, грядите с богом на поле брани... Грядите с глубокою верою в то святое дело, которому служите. Бодро идите в бой: знайте, что святая церковь Христова непрестанно будет молиться ко господу, да сохранит он вас невредимыми под кровом своим и да дарует венец вечного царствия тем, коим суждено будет пасть в славном бою...»

В обильных елейных речах иерархов церкви открыто прорывались империалистические вожеления. Так, Антоний Храповицкий, известный архиепископ-черносотенец, в своей речи по поводу объявления войны говорил: «...св. Владимир умолил бога возвратить своему престолонаследнику отторгнутые от русской державы и от Христовой церкви малороссийские, галицкие пределы, и вот господь попустил еретикам в день 15 июля на свою же беду объявить войну православным народам», и дальше Антоний призывал русский народ восстать «за веру, царя и отечество»...

Вожди российского сектантства также поспешили показать свои патриотические чувства и продемонстрировать свою готовность воевать.

В 1914 г. (после объявления войны) Николай II посетил Кавказ. Здесь в числе других ему представилась депутация молокан для выражения верно-подданических чувств: «Мы, молокане, по завету наших отцов всегда приносили и ныне готовы принести на алтарь все дорогое для нас всеми нашими чувствами для защиты нашей великой родины», заявил царю один из представителей молоканства. Как известно, в Красной армии молокане не служат «по религиозным убеждениям». Царю они служили верой и правдой. Баптисты, евангелисты и др. сектантские организа-

Лубочный рисунок, которым попы вдохновляли солдат перед наступлением

ции поспешили поднять путем религиозного воздействия патриотические настроения в стране. Трезвенники, эти лицемернейшие «непротивленцы» (теперь, когда дело идет о том, чтобы служить рабочему государству), в Москве организовали портняжные мастерские для обслуживания армии.

Очень активную деятельность в пользу войны развернули американские религиозные организации.

«Тебе ведомо, господи, что никогда еще страницы истории не позорила нация столь гнусная, алчная, развратная и кровожадная», провозгласил в январе 1918г. в палате представителей (Конгрессе) проповедник Билли Сэндей по адресу немцев. И дальше он продолжал: «Обнажи свою могучую десницу, о господи, и порази голодного волкоподобного гунна, чьи зубы покрыты кровью, и мы вечно будем славить тебя... «В книге, выпущенной нью-йоркским пастором Хиллисом о «Германских зверствах», читаем: «... немцы убивали стариков и женщин, калечили пленных такими способами, о которых позволительно

говорить только мужчинам, да и то лишь шопотом, изнасиловали девочек до смерти... и совершали еще худшие жестокости, которые не поддаются даже наименованию...»

Сектантские организации: баптисты, евангелисты и др., очень сильные в Америке, включились в обслуживание военных нужд американского империализма. В дни, когда Америка вступала в войну, в Вашингтон явилась делегация из представителей американских сект с требованием вступления Америки в войну.

Всеми воюющими странами была широко использована фабрикация чудес для внушения солдату, что в помощь ему воюет богородица и все святые.

В России в прессе и среди солдат на фронте распространялось много сказок о появлении богородицы на небе,

Статуя Вильгельма II, поставленная им самому себе в храме г. Меца. Вильгельм изображен „святым“.

указывающей путь на немецкие окопы. Еще в сентябре 1914 г. в «Биржевых ведомостях» начали появляться подобного рода сообщения, затем получившие официальное подтверждение в церковных журналах. Чем дольше длилась война, тем больше подобных сказок распространялось в армии. Но любопытнее всего то, что одновременно с тем, как русского солдата убеждали, что «видели», как богородица явилась на небе, чтобы руководить наступлением русских войск против немцев, немецких солдат уверяли, что богородица появляется над немецкими окопами, чтобы руководить кампанией против русских, французов и т. д.

Особый интерес представляет политика папства в годы войны. В любой воюющей стране политика церковных деятелей была совершенно ясна: они мобилизовали церковную организацию на службу своей национальной буржуазии. Германские католики так же рьяно служили немецкому империализму, как французские — французскому. Ватикан же всегда себя выставлял некоей мировой державой, стоящей выше всяких национальных делений, для которой границы государств не обязательны. Положение папства в годы войны было поэтому более сложным. Католическая Австро-Венгрия считалась твердыней католицизма и одной из опор папского престола. Это же относится и к католической Баварии. Естественны симпатии папы к Австро-Венгрии и Германии. Опубликованные после войны документы свидетельствуют о том, что папа подогревал воинственный пыл австро-венгерских монархистов. Граф Пальфи (представитель Австро-Венгрии при папе) 29 июля 1914 г. доносит своему правительству, что в беседе с кардиналом папским министром иностранных дел, последний заявил ему, что хотя нота Австрии к Сербии крайне резка, но тем не менее он ее одобрил и в то же время он намеком выразил надежду, что «наша монархия будет итти до конца».

Дальше гр. Пальфи задает вопрос, почему католическая церковь «выказывает себя такой воинственной в эпоху, когда ею руководит вождь, который

является настоящим святым...» И отвечает: «... Австро-Венгрия была и остается государством католическим по преимуществу, сильнейшим бастионом веры, оставшимся в руках христовой церкви. Падение этого бастиона означало бы для церкви потерю сильнейшего опорного пункта: она потеряла бы тем самым своего самого могучего защитника в борьбе против православия...» Это свидетельство австрийского посла при папе чрезвычайно интересно: оно проливает свет на политику папства и разоблачает католических «историков», ныне задним числом пытающихся показать нам папство в роли нейтральной силы или в роли борца за мир.

Другой посол при папе (баварский) 14 июля 1914 г. телеграфировал своему правительству, что папа одобряет резкую австрийскую ноту Сербии и «оценивает на случай войны с Россией боеспособность русской и французской армий очень невысоко. Кардинал статс-секретарь (министр иностранных дел папы. М. Ш.) также надеется, что Австрия выдержит до конца, и недоумевает, когда же вести войну, если только не теперь, когда иностранная агитация довела до убийства наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда...» Это послание совершенно ясно рассказывает нам, куда тянул папа в начале войны.

В то же время ему приходилось считаться и с другими обстоятельствами, прежде всего, со своим положением в Италии. Неразрешенность старого конфликта с Италией еще больше углубляла папские симпатии к союзу Австро-Венгрия—Германия. Но в то же время его связывало, что папская резиденция расположена на территории Италии. Это он сейчас же почувствовал, когда Италия вступила в войну и встал вопрос о пребывании австрийского и немецкого послов при папе в Риме. Италия их рассматривала как иностранных шпионов и несмотря на резкие протесты папы им пришлось покинуть Италию.

Совершенно бесспорно одно: Ватикан хотел мировой войны. Из опубликованных недавно документов царского м-ва ин. дел (Е. А. Адамов «Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма») совершенно ясно, что па-

па Лев XIII еще в конце XIX в. прямо-таки мечтал о великой войне. Папа ставил вопрос о восстановлении своей светской власти в зависимости от исхода такой войны. Поражение Италии вернуло бы папе его светскую власть, и он рассчитывал получить корону из рук врагов Италии. С этой целью Лев XIII вступает в переговоры с правительством Александра III и обещает ему полное «умиротво-

Германский снаряд с надписью: «С богом за царя и отечество!»

Германский антихрист

Император Вильгельм, тиран Европы, последний Гогенцоллерн, пропитан всякой злобой. Христианство, орудием которого, в какой бы то ни было, он осуждает, противостоит всему великому, свободной мысли, свободе, справедливости и правде. По его приказу тысячи солдат идут, чтобы убить и опустошить мир. Жители Германии — священная война за свободу, правду и справедливость. Война с Германией — священная война за веру, царя и русский народ.

Германский антихрист (плакат, изобр. ражающий Вильгельма II)

рение» Польши в оплату за царскую дружбу. Лев XIII в письмах объяснял Александру III, что в случае войны с Германией России очень важно, чтобы в Польше все было спокойно, чтобы никаких националистических движений не было, и силой своего авторитета он брался «умиротворить» Польшу. Папа вступает также в теснейшие отношения с республиканской Францией — как державой, которую разделяют глубокие противоречия с Италией. Таким образом, в конце XIX в. папа склонялся на сторону коалиции Россия—Франция, видя в них возможных противников Италии. Соотношение сил к началу войны сложились иначе, чем ожидал Лев XIII, и Ватикан меняет свою политику: к началу войны он сочувствует

антиитальянской коалиции Германия—Австро-Венгрия. Но своеобразное положение папы в Италии и желание сохранить для мира маску «нейтральности» (открытое выступление папы на стороне той или иной коалиции подорвало бы его авторитет в глазах верующих) — вот в чем корень видимого миротворчества папы во время войны. Вот чем объясняется его «пацифизм»¹. Папа старался себя показать борцом за мир. Этот пацифизм, конечно, ничего не стоил и никакого вреда для империалистов не составлял: ведь ближайшие кардиналы папы в Бельгии, Франции, Германии, Австрии и др. активно мобилизовали именем католического бога народы на войну, и папа не думал им в этом мешать.

Уроки войны свидетельствуют об очень умелом использовании империалистами для своих военных целей всех и всяких средств. Бог также был мобилизован для отбывания военной службы. Широкое использование религии для нужд войны, для создания психологических предпосылок к войне, для ответственного воспитания масс — вот что характерно для всех воюющих стран.

В войне, которую готовят империалисты, в особенности в войне против СССР, мобилизация религиозных средств одурачивания будет проведена в еще более грандиозных размерах. Подготовка к этому уже началась в форме крестового похода, начатого папой, в форме систематической травли СССР со стороны попов всех и всяких религий. В войне против СССР папе и церковным организациям других религий не нужны маскарад пацифистский и нейтралистский: над мобилизацией общественного мнения против СССР уже работает громадная армия черного воронья — опытных и старых слуг капитала.

¹ Но все же своего папа добился: он получил в результате войны светскую власть, правда, очень кустую. И получил он ее не из рук врагов Италии, а от самой Италии, из рук фашистов.

ОТ ПЕРЕГОВОРОВ О РАЗОРУЖЕНИИ К ВОЙНЕ

1. Подобно тому, как в настоящее время основным, так сказать руководящим, империалистическим противоречием является противоречие англо-американское, так до мировой войны таким основным противоречием был англо-германский антагонизм.

Английский капитализм, пользовавшийся в середине прошлого века неоспоримым первенством на мировом рынке, в эпоху империализма это первенство потерял. Его счастливые соперники — капитализм Германии и Соединенных Штатов — оттеснили его, так что Англия стала уже не первой, а только третьей индустриальной державой мира. Но, потеряв свое промышленное первенство, Англия продолжала обладать самой крупной колониальной империей в свете: в ее владениях накануне войны жило около 400 миллионов человек, в то время как колониальные владения Соединенных Штатов и Германии насчитывали только девять и двенадцать миллионов населения. Англия цепко держалась, далее, за свое военно-морское первенство. В довоенное время английский военный флот безгранично господствовал на всех мировых торговых путях. Пока морское превосходство Англии оставалось в силе, английский империализм мог быть спокоен за целостность своих колоний, а с другой стороны, для соперников английского империализма создавалось весьма тяжелое положение.

Мощный рост германского и американского капитализма, вступившего в монополистическую стадию развития, настоятельно требовал колониальной экспансии. «Стоять пассивно в стороне,—говорил однажды в рейхстаге канцлер германской империи князь фон Бюлов,—как мы это делали раньше, мечтательно сторониться, в то время как другие делят между собой сладкий пирог,—мы не можем и не хотим. Не можем уже по той причине, что теперь мы имеем интересы во всех частях света». Между тем, как мы знаем, эпоха империализма характеризуется, в частности, тем, что раздел мира уже закончен, что возможен уже только передел. Колониальное расширение обеих более молодых капиталистических стран могло совершаться только за счет колониальных владений старых — и прежде всего, конечно, Англии. Но как этого было добиться, пока английский флот господствовал на морях — на всех подступах ко всем колониям?

Если бы даже германскому империализму и удалось добиться расширения своих колониальных владений, то они принадлежали бы ему только до тех пор, пока это было угодно его английскому сопернику. Вильгельм II однажды заметил, что без флота ему не нужны и колонии. Но дело было не только в

колониях. Английский флот мог в любой момент заблокировать германские берега и этим парализовать немецкую внешнюю торговлю, следовательно парализовать немецкую промышленность, нуждающуюся в рынках сбыта и в импортном сырье. Он мог обречь Германию на голод, так как немецкое сельское хозяйство уже не прокармливало растущего индустриального населения и последнее нуждалось в импорте пищевых припасов. Словом, как бы американская и немецкая промышленность ни обогнала английскую — пока оставалось в силе господство Англии на морях, соперники английского империализма, по выражению одного немецкого адмирала, находились прямо-таки в вассальной зависимости от Англии. Дело было ясно: чтобы завоевать себе подобающее «место под солнцем», как выразился однажды тот же Бюлов, надо было сломить морское преобладание Англии.

«Морская сила была естественной и необходимой функцией нашего народного хозяйства, которое в смысле мирового влияния спорило с Англией и Америкой, а все остальные страны уже опередило», пишет в своих воспоминаниях создатель германского военного флота адмирал Альберт фон Тирпиц. В силу ряда причин, о которых мы здесь не можем распространяться за недостатком места, случилось так, что из обоих своих главных конкурентов британский империализм сначала столкнулся с германским. Это столкновение было основной — не единственной, конечно, — предпосылкой первой мировой войны, закончившейся поражением Германии. И только в послевоенное время обострился еще более грандиозный и жестокий англо-американский антагонизм.

Англо-германский антагонизм в своей основе был одним из конкретных проявлений закона неравномерности экономического и политического развития при капитализме, проявлением, развившимся в условиях империализма, — этот антагонизм был результатом противоречия между мощным ростом монополистического капитализма в Германии и британским империализмом, отстаивавшим мировое первенство и прежде всего — свою колониальную монополию.

Именно эта борьба за колониальную монополию и обусловила выбор оружия — основным средством борьбы для обеих сторон был военный флот. Германский империализм должен был сломить морскую силу английского, если он хотел сделать свое экономическое развитие независимым от милости своего главного врага. Английский империализм должен был изо всех сил бороться за свое морское первенство, иначе он потерял бы свою колониальную

монополию и после этого был бы окончательно задавлен своим индустриально более сильным конкурентом: так, вопрос о морских вооружениях с тех пор, как в 1898 г. германское правительство приступило к вооружению мощного военного флота, стал основным моментом и англо-германского антагонизма, как он является сейчас и основным вопросом англо-американских противоречий.

Идеологи буржуазии, и прежде всего социал-фашисты, всячески стараются доказать, что империалистические противоречия могут быть разрешены мирными средствами. Для «доказательства» прежде всего страшно раздувается значение разного рода «переговоров» и «соглашений», которые ведутся между борющимися сторонами, в частности, в нашу эпоху — между Англией и Америкой. Ленин дал непревзойденную критику подобных «теорий». «Допустим, — пишет он, — что все империалистические державы составят союз для мирного раздела мира. Фактические примеры такого рода союзов имеются в истории XIX века... Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, чтобы такие союзы были не кратковременны?.. Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может... Поэтому «интер-империалистические» союзы, в какой бы форме эти союзы ни заключались... являются неизбежно лишь «передышками» между войнами»¹. Как сейчас, на всем протяжении развития англо-американского соперничества мы имеем неоднократные попытки заменить его «сотрудничеством», — в частности, как раз сейчас в связи с планом Гувера, мы присутствуем при очередном опыте такого «сотрудничества» — так до войны было и с англо-германской борьбой.

Последнюю мы можем изучить гораздо более полно и всесторонне, нежели борьбу англо-американскую. Показать на примере англо-американского антагонизма, что все подобного рода «соглашения», если знать их закулисную сторону, являются только средством, методом подготовки войны — показать это является важной задачей историка марксиста-ленинца.

2. В 1898 г. германским рейхстагом (парламентом) был принят морской закон, намечавший постройку боевого броненосного флота, вместо флота береговой обороны, которым до сих пор довольствовалась германская империя. Уже через два года по новому — второму — морскому закону 1900 г. программа 1898 г. была удвоена. Совсем под боком у английского империализма стала вырастать мощная военноморская сила. И старый морской хищник

предпринимает свои контрмеры. В 1902 г. заключается союз с Японией. В 1904 г. заключается англо-французская «антанта». Это коренным образом улучшило стратегические условия защиты британской империи. Берегам Индии и Австралии грозила уже меньшая опасность, с тех пор как японский флот, т. е. самая сильная эскадра, плававшая в азиатских водах, сделался союзником Англии. Соглашение с Францией дало такие же результаты для Средиземного моря — наиболее уязвимой части пути из Англии в Индию, самую ценную из ее колоний. Эти меры позволили английскому правительству убрать свои до того разбросанные по всему свету эскадры с Дальнего Востока и из Средиземного моря, где раньше находилась основная часть британской морской силы, и собрать ее в один кулак, направленный против Германии, сосредоточив ее у восточного побережья Англии. Там создаются также обширные базы для военного флота, тогда как раньше основные базы сосредоточены были на южном берегу Англии, обращенном к Франции.

Концентрация флота в Северном море восстановила здесь подавляющее морское превосходство Англии. В отношении постройки новых судов оба соперника построили с 1900 г. по 1905 г. приблизительно одинаковое количество броненосцев: Англия — 14, Германия — 12, только на 2 меньше. В процентном отношении преобладание английского флота, следовательно, уменьшилось. Но абсолютный перевес был еще так велик, что английский империализм мог без особого напряжения поддерживать руководящий принцип своей морской политики. Этот принцип гласил: британский флот должен быть сильнее двух следующих за ним по силе флотов, вместе взятых. В 1905 г. английское адмиралтейство вырабатывает новый тип броненосца, так наз. дредноут. Если до того броненосец нес обычно четыре двенадцатидюймовых орудия, то вооружение дредноута состояло уже из десяти таких пушек. Английские милитаристы рассчитывали, что немцы не сумеют построить таких судов, что у них нехватит ни технических, ни финансовых ресурсов.

В результате перечисленных мероприятий английского правительства в Германии в конце 1904 г. происходит форменная паника: идут слухи, что англичане готовят неожиданное нападение на Германию, дабы одним ударом уничтожить немецкую морскую силу, пока она находится еще в зародыше. Эти слухи имели основание: подобные планы действительно носились в английских морских кругах. Понятно почему в 1905 г. немецкое правительство принимает постановление (это был уже 3-й «морской» закон), по которому все новые броненосцы должны были строиться дредноутного типа. Английские империалисты блестяще просчитались. Немцы сумели построить дредноуты. А так как с появлением этого нового типа судов старые корабли теряли значительную часть своей боевой ценности, то вместе с тем отпало годами созданное превосходство английского флота. Морское соперничество начина-

¹ Ленин, собр. соч., XIII, 329 (по 1-му изд.).

лось совсем заново и начиналось с одного общего отправного уровня — с первого дредноута, который немцы начали строить только на полтора года позже англичан.

«Милитаристическое соревнование» в постройке дредноутов первое время шло следующим образом.

Заложено дредноутов:

Годы	В Англии	В Германии
1905	4	—
1906	3	2
1907	3	3
1908	2	4

Итого: в Англии — 12, в Германии — 9. Это означало, что безусловного господства на морях у британского флота уже не будет. Чтобы оценить эти цифры, скажем, что до начала постройки дредноутов английский флот был сильнее немецкого на 36 броненосцев: у англичан было 60, у немцев — 24 броненосца старого типа. Теперь, чтобы поддержать свое морское первенство, приходилось строить вдвое больше немцев, и английский империализм выбрасывает лозунг — «два килля против одного». Отстать хотя бы на несколько кораблей — значило поставить под угрозу свое превосходство — вот теперь-то и начинается настоящая гонка в морских вооружениях. Вдобавок в 1907 г. стало известно, что в 1908 г. германское правительство намеревается внести новый (4-й) морской закон, предусматривающий на период с 1908 по 1912 г. постройку 4 дредноутов ежегодно, в то время как по старым законам 1908 г. предполагалось строить по 1-2 броненосца в год.

3. При такой-то обстановке английское правительство начало с немцами переговоры о размерах морских вооружений. Оно предложило им, говоря словами английского министра

сэра Эдуарда Грея, «не разоружение, но ограничение расходов, приостановку какого-либо дальнейшего роста расходов» на вооружение, т. е. приостановку темпа увеличения вооружений, строительства новых судов. Эта форма не случайна и выявляет истинное нутро этого «пацифистского» жеста. Действительно, что получилось бы, если бы немецкое правительство приняло в 1907 г., когда не был еще готов ни один немецкий дредноут, английское предложение. Немцы признали бы этим актом фактически существующий перевес английского флота и расписались бы в отказе от всяких попыток изменить соотношение сил в свою пользу, отказались бы от попыток догнать Англию. Для германской империалистической буржуазии это предложение было совершенно неприемлемо. Понятно, что, когда английское правительство заявило о своем намерении внести это предложение на II гаагскую «мирную» конференцию, которая должна была собраться в 1907 г., немецкое правительство весьма решительно отказалось его обсуждать. Но хотя немецкий отказ был англичанам хорошо известен и было заранее ясно, что из их предложения ничего не выйдет, но тем не менее английский делегат все же внес на конференцию свое предложение, которое, конечно, было отклонено и, в сущности, почти не обсуждалось.

Зачем же его было вносить, спросит, может быть, читатель?

Ответ на этот вопрос разъяснит нам суть намерений английского правительства. Английский кабинет — у власти стояли тогда либералы — разоружаться нисколько не думал. Но английская буржуазия хотела свалить ответственность за то новое финансовое бремя, которое прямо или косвенно предстояло возложить на плечи английских рабочих, на не-

«Джон - Буль». Карикатура на ненасытные аппетиты английского империализма

Английские ногти. Карикатура художника Лориана.

мецкое правительство. «Переговоры не пропали даром,—пишет один из руководящих чиновников английского министерства индел (Гардинг)—«ибо ответ германского правительства дает полное оправдание перед парламентом и перед всем миром тех контрмер, которые британское правительство постановило принять в ближайшем будущем».

Но если бы даже сверх ожидания английское предложение было принято немцами, английский империализм закреплял бы свое морское первенство без копейки лишних расходов. Словом, как бы ни повели себя немцы, английский империализм во всех случаях играл беспрюирышную игру.

Напряжение английского бюджета предстояло на ближайшие годы действительно колоссальное. Во-первых, восемь дредноутов в год — по два на каждый германский. Во-вторых, грандиозная работа по «подготовке тыла» к будущей войне в виде схемы «социальных реформ» Ллойд-Джорджа, рассчитанных частью на подкуп рабочей аристократии, частью на обман рабочих масс, наконец, в-третьих,—реорганизация британской армии, которая до сих пор была в забросе и предназначалась больше для колониальных войн и которую теперь надлежало так перестроить, чтобы она годилась для большой европейской войны и чтобы ее можно было переправить на континент на помощь французскому империализму против Германии. При таких условиях было весьма желательно умелым тактическим ходом свалить вину за налоговое бремя на «немца».

Напрямик отклоняя английское предложение, немцы сделали ошибку тактического порядка. Ее хорошо вскрыл немецкий посол в Лондоне, когда он писал что «резким отказом от переговоров «мы» возложим на нас одних ответственность за продолжение военных тягот всех народов». Он и советовал принять русское

предложение: поставить вопрос о морских вооружениях на гаагской конференции и затем «похоронить его по первому разряду» в разных комиссиях — словом, предвосхитить тактику Лиги наций. Ошибка немецкого правительства произошла из того, что оно было менее искусно в искусстве обмана масс пацифистской фразой нежели английское. Эту его ошибку потом во-всю эксплуатировала (и эксплуатирует еще и теперь) Антанта. Впрочем, пацифистская фраза вообще играла в довоенной дипломатии меньшую роль, нежели в современной дипломатии империалистических правительств. Большая прочность довоенного капитализма и меньший размах революционного движения позволяли меньше заботиться о прикрытии пацифистской фразой империалистических дел, так что английские либералы выступали тогда в роли почти что пионеров этого полезного для империалистов ремесла.

В 1908 г. английский кабинет продолжает заговаривать об ограничении роста вооружений, но ничего принципиально нового переговоры этого года не внесли. Но под прикрытием этих лицемерных жестов о «сокращении вооружений» британский парламент принял на 1909 г. еще невиданную по своим размерам программу — 8 дредноутов в год. Разумеется, правительство мотивировало необходимость такой грандиозной программы отказом Германии от ограничения своих вооружений. А так как британские доминионы на свои средства начали строить еще 2 дредноута, то всего в 1909 г. было заложено 10 дредноутов — цифра, никем не превзойденная ни раньше, ни позже. Вообще, наиболее бешеные темпы судостроения, начиная с этого года, развивает именно «миролюбивая» Англия.

С 1909 по 1913 г. (последний «мирный» год) было заложено дредноутов:

Годы	В Англии	В Германии
1909	10	4
1910	5	4
1911	5	4
1912	5	2
1913	5	3

Итого: в Англии — 30, в Германии — 17. При этом англичане вводят еще новое усовершенствование типа корабля. Дредноут заменяется сверх-дредноутом, вооруженным уже не 12-, а 13- и даже 15-дюймовыми орудиями. Если в 1911 г. Англия имела 12 готовых дредноутов против 9 немецких, то в 1914 г. — 32 против 21¹. Соотношение снова изменилось в пользу Англии.

Вот почему уже в конце 1908 г. в германской политике начинает подготавливаться перелом. Рейхсканцлер Булов начинает склоняться к определенным уступкам в смысле сокращения темпа морского строительства, но под условием, что английское правительство даст в обмен гарантию своего нейтралитета в слу-

¹ При оценке этих цифр надо иметь в виду, что в броненосцах додредноутного типа, которые все же сохранили часть своей боевой ценности, и в легких крейсерах перевес Англии был гораздо более значительным.

чае войны Германии с Россией и Францией. Смысл этого предложения ясен: Бюлов готов пойти на сокращение германского флота в случае, если английское правительство откажется от «антанты» с Россией и Францией, т. е. порвет с теми союзниками, которых оно завербовало себе для войны с Германией — иначе говоря, откажется от подготовки к войне против Германии. Сколько бы мы ни строили судов, — обосновывал свое предложение Бюлов, — Англия будет строить вдвое больше, и мы все равно не сможем ее догнать. Так не лучше ли бросить это безнадежное и опасное занятие и пойти на сделку с англичанами?

Как видно из этого рассуждения, на Бюлова повлияла английская морская программа. Ведь если до сих пор можно было тешить себя иллюзией, что английский империализм сдаст свои морские позиции, то теперь это стало уже невозможно. Несомненно, на Бюлова повлияло и другое. За год с небольшим Россия примкнула к «антанте», затем произошло свидание в Ревеле английского короля Эдуарда VII с Николаем, на котором англо-русское соглашение было еще больше укреплено и которое произвело на немецкую дипломатию весьма сильное — и весьма неприятное — впечатление. Вокруг Германии сжималось стальное кольцо.

Однако Бюлову не удалось провести свою линию: она разбилась о сопротивление Тирпица, на сторону которого встал Вильгельм. На приведенные аргументы канцлера адмирал отвечал, что за мелкие уступки в темпе роста немецкого флота Англия и не подумает расстаться с Антантой. «Несколькими кораблями больше или меньше было безразлично для англичан». «Мы могли бы, — пишет Тирпиц в своих воспоминаниях, — привлечь к себе благосклонность Англии единственно ценой «полного» отказа от сооружения флота». Но и тогда англо-германский антагонизм не исчезнет, ибо корни его лежат глубже морского соперничества. Они — в страшной для английского империализма экономической конкуренции Германии. «Такое положение становится невыносимым, если налицо не имеется внушительной морской силы, которая делает опасной всякую попытку поразить на смерть своего процветающего соперника». Наконец Тирпиц выражал уверенность, что англичане раньше немцев вынуждены будут отказаться от гонки в усилении флота и вот тогда-то можно будет добиться от них соглашения, если не о равенстве флотов, то хотя бы о соотношении сил германского и английского флотов, как 3 : 4. Позже Тирпиц шел и на соотношение 2 : 3. Полемика Тирпица с Бюловым и его приемником на посту канцлера Бетманом-Гольвегом поможет нам понять существо англо-германского морского соперничества. Каждый из споривших был и прав и не прав. Бюлов был прав, когда он говорил, что английский империализм не сдастся, и, наоборот, Тирпиц был тут неправ, когда он рассчитывал поставить англичан на колени и заставить их посократиться со своим господством на морях: то, что удалось теперь Америке, Германии было не под силу. Она, в отличие от Америки, была в финансовом отношении не силь-

Адмирал Альберт фон Тирпиц, руководивший созданием германского военного флота.

нее, а слабее Англии, а главное, — располагая «антантой», располагая союзниками, английскому империализму было легче попытаться военной рукой задавить Германию, нежели в послевоенное время — Соединенные штаты. Положение Германии было чрезвычайно опасным, в этом Бюлов был безусловно прав. Но в такой же точно мере был прав и Тирпиц, когда он говорил, что предлагаемая Бюловым политика уступок и соглашение с Англией, даже самая большая уступка — полный отказ от постройки флота — не предотвращает, а углубляет военную опасность, делая Германию более беззащитной.

Итак, оба были правы, когда они указывали, что война почти неминуема: по Бюлову — в случае если Германия не откажется от постройки флота, по Тирпицу — если она это сделает. Но оба не правы, когда они развивают свои рецепты ликвидации англо-германского соперничества — Бюлов через уступки, Тирпиц — через угрозы. Каждый из них тут очень хорошо опровергает доводы другого, а в совокупности их полемика доказывает одно — что и империализм знает только одно средство разрешения противоречий: войну, что только военной силой могло быть разрешено англо-германское соперничество, что всякое соглашение империалистов тогда, как и теперь, могло быть только «передышкой».

4. Новое оживление переговоров о морских вооружениях произошло в конце 1911 года. Только что миновал мароккский кризис, когда германский империализм должен был уступить под влиянием грубого окрика английского кабинета, грозившего войной. Международное положение Германии все ухудшалось, и идея заполучить гарантию английского нейтралитета становилась все более соблазнительной. С другой стороны, Тирпиц готовил новое усиление флота. В 1912 г. истекал тот срок, в течение которого по закону 1908 г. строилось 4 дредноута в год. Дальше, по старым программам, предполагалось в порядке замещения вы-

бывающих старых судов строить по два дредноута. Тирпицу этого было мало, и он вырабатывает новый законопроект, намечающий постройку еще по третьему добавочному кораблю в 1912, 1914 и 1916 гг. Так как англичане отставать не собирались, то им, по тем же самым соображениям, что и в 1907—1908 гг., снова понадобились разоружительные разговоры. Переговоры начались через частных лиц — английского банкира Касселя и директора немецкой паровой компании «Гамбург-Америка» Баллина. В начале 1912 г. немецкое правительство пригласило Грея приехать в Берлин для личных переговоров. Вместо Грея британский кабинет отправил морского министра лорда Холдена. Его миссия была последней рекогносцировкой перед генеральным сражением. Пацифистская внешность и здесь скрывала под собою акт подготовки войны.

8 февраля 1912 г. Холден прибыл в Берлин, где он имел свидание с канцлером Бетманом-Гольвегом, Вильгельмом и Тирпицем. В результате выяснилось, что немцы желают получить гарантию английского нейтралитета на случай, «если Германия будет вовлечена в войну», и за это готовы замедлить темпы своего судостроения: отсрочить постройку первого добавочного корабля на год (1913 г.) и растянуть постройку всех трех новых судов до 1919 г.

Заметим, что Тирпиц сделал на этом свидании попытку по-новому поставить вопрос: мы, немцы, пойдем на ограничение постройки новых судов, как вы этого хотите, но давайте установим еще и определенную пропорцию общего соотношения сил наших флотов, более приемлемую для Германии. Но Холден решительно отверг всякий разговор на эту тему: если вы будете строить меньше, то мы будем тоже строить соответственно меньше. Но новую пропорцию мы фиксировать не желаем. Англия должна иметь два килля против одного и будет их иметь! — так можно резюмировать его позицию. С такими результатами Холден вернулся в Лондон. Однако там с самого начала было решено, что «антанта» должна быть во всяком случае сохранена и, следовательно, предложенное Бетманом соглашение о нейтралитете неприемлемо.

Немецкому послу в Лондоне ответили, что, поскольку немцы не отказываются от существенного увеличения своего флота, соглашение невозможно. Англичане, повидимому, считали после этого переговоры похороненными, как вдруг пришло новое предложение Бетмана.

Он спрашивал, согласиться ли английский кабинет на соглашение о нейтралитете, если он добьется от Тирпица прямого отказа от нового морского закона и замены его другим, гораздо более скромным. Он шел, таким образом, на крупные уступки. Однако все было напрасным, — английский империализм не соглашался отказаться от «антанта» — орудия подготовки войны с Германией.

Англо-германские переговоры продолжались и дальше. Ввиду явной безнадежности морского соглашения переговоры перешли теперь на другие темы — главным образом, к колониальным вопросам. Можно привести немало фактов из эпохи 1912—1914 г.г., которые легко истолковать как стремление английского правительства улучшить свои отношения с Германией. И отношения действительно улучшились. Но цена этого «пацифизма» станет нам ясна, если мы обратимся к позиции английского кабинета в июльские дни 1914 года — в дни кризиса, предшествовавшего мировой войне.

Внешнее улучшение англо-германских отношений привело к тому, что немецкое правительство в эти дни искренно не верит, что, в случае войны с Россией и Францией, английский империализм останется нейтральным, хотя он и связан договором. Опираясь на эту уверенность, оно всячески провоцирует мировую войну — так же, как и царская Россия и Франция Пуанкаре. И Грей молчит, он не отнимает этой надежды у немцев. Он не отнимает ее до 29 июля (а приведший к войне кризис начался 28 июня!), когда события зашли так далеко, что никакими усилиями уже нельзя было предотвратить мировую войну. В этот день он сразу снял маску. Это произошло в Берлине, как ушат холодной воды. От воинственности немецкого правительства не осталось и следа, и с этого дня оно является единственным, кто делает действительные попытки сохранить мир. Но было уже поздно.

«Улучшение» англо-германских отношений и лживая пацифистская фраза сослужили британской дипломатии ту службу, которую они и должны были сослужить: помогли, «сохранив лицо», развязать мировую войну. Только эту роль — прикрытие вплотную надвинувшейся опасности новой войны — играет пацифистская фраза и переговоры об ограничении вооружений в наши дни.

ЛОЖЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Под таким названием появилась года два назад книга известного пацифиста, члена рабочей партии Артура Понсонби.

Артур Понсонби принадлежит по своему происхождению к высшей придворной знати и 11-летним ребенком был назначен почетным пажем королевы Виктории.

С 1894 г. он занимает различные посты по мин-ву ин. дел в Англии и за границей. С 1906 до 1908 г. — управляющий кабинетом премьер-министра Кемпбелл Баннерманна. В первом кабинете Макдональда Понсонби был тов. мин. ин. дел.

Будучи убежденным пацифистом, Понсонби собрал богатейший материал, изобличающий, к каким неслыханным средствам лжи, клеветы, фальсификации прибегали «великие державы», в том числе «колыбель демократии» — Англия, для того чтобы обмануть широчайшие массы и втянуть их в войну.

«Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны», — писал В. И. Ленин. С этой точки зрения разоблачения столь близко стоящего к буржуазному аппарату управления лица, как Артур Понсонби, представляют для нашего читателя особый интерес.

«Ложь, — говорит в своем введении Артур Понсонби, — признанное и в высшей степени полезное во время войны оружие. Поэтому каждая страна широко пользуется ею для того, чтобы обмануть свой народ, склонить в свою пользу нейтральные страны и ввести в заблуждение врага...

«Во время войны психологический фактор имеет такое же важное значение, как и военный. Дух гражданской части населения нужно так же поддерживать, как и дух солдат. Министерства военное, морское и авиации занимаются организацией материальной части войны с точки зрения военной. Необходимо создать органы, которые занимались бы организацией войны с точки зрения психологической. Никогда нельзя допускать, чтобы народ падал духом. Поэтому победы должны быть раздуты, а поражения, если их нельзя скрыть, по крайней мере смягчены. «Пропаганда» должна упорно и настойчиво внедрять в душу ненависть, возмущение и отвращение...

Понсонби приводит ряд крайне разнообразных форм лжи, служащих целям «пропаганды», т. е. обмана народа. «Но это лишь часть, — говорит он, — ибо нет возможности изучить вопрос в целом. За период с 1914 до 1918 г. было пущено такое количество преднамеренной лжи, какого не знала никакая другая эпоха мировой истории».

«Весьма существенно при этом качество лжи, — говорит Понсонби. — Нужна тонкая ложь для интеллигенции и более грубая для массового потребления...

Автор приводит далее ряд конкретных примеров различных форм обмана масс, особенно применявшихся английским правительством, практика которого ему была ближе знакома. Недостаток места не позволяет нам привести их полностью, поэтому мы ограничимся иллюстрацией наиболее ярких фактов.

Опыт организации общественного мнения путем распространения неслыханной лжи, клеветы, фальшивок всякого рода империалистические разбойники широко используют и теперь для подготовки похода против СССР. Разоблачения Понсонби приоткрывают дверь в лабораторию, в которой изготавливаются «письма Зиновьева», «инструкции Коминтерна», сенсационные известия о «восстаниях в СССР», о «национализации женщин», о «принудительном труде» и т. п. Его разоблачения говорят также о том, что такая «пропаганда» требует огромных средств и немыслима без самой широкой поддержки правительственного аппарата. Нет никакого сомнения, что когда пролетарская революция на Западе откроет государственные архивы, там найдется весьма яркий материал на этот счет.

М. Д.

ИЗ КНИГИ ПОНСОНБИ

Сербия и убийство эрцгерцога

Существует мнение, будто убийство в Сараеве эрцгерцога Франца-Фердинанда и австрийский ультиматум Сербии являются причиной войны. На самом же деле это было только спичкой, поднесенной к пороховому складу. Сараевское убийство было хорошим предлогом для пропаганды в пользу войны... Нужно было изобразить «бедную маленькую Сербию» как маленькую невинную страну, подвергшуюся грубому нападению со стороны Австрии.

На самом деле, как это видно из напечатанных в 1924 г. разоблачений Люба Йовановича, бывшего председателя сербской скупщины, мин-ра нар. прос. в кабинете Пашича в 1914 г., к этому убийству было причастно сербское правительство. Вот что рассказывает об этом Люба Йованович в статье «После Видовдана».

«Я в точности не помню, было ли это в начале июня или в конце мая, но однажды Пашич нам сообщил, что некоторые лица собираются отправиться в Сараево с целью убийства Фран-

ца-Фердинанда, которого ожидали в Видовдане (27 июня). Он сообщил это всем нам, но потом он имел дело только со Стояном Протичем, тогдашним мин. вн. дел. Как потом рассказывали, убийство было подготовлено тайным обществом и патриотическими обществами студентов из Боснии и Герцеговины. Пашич и мы сказали (и Стоян Протич согласился), что он, Стоян, должен приказать пограничным властям в Дрине не пропускать молодых людей, отправившихся с этой целью из Белграда. Но пограничные власти, сами члены упомянутой организации, не исполнили приказания Стояна. Они заявили ему (и он потом сообщил нам), что приказ пришел слишком поздно, уже после переезда границы этими молодыми людьми».

Пашич замолчал эти разоблачения Любы Иовановича, но Люба был исключен из радикальной партии.

Таким образом, ясно, что правительству было известно о готовившемся преступлении, но оно ничего не сделало для его предупреждения и официально не поставило в известность об этом правительство Австро-Венгрии.

Могут сказать, что эта неслыханная ложь исходила из Сербии, но она была так охотно подхвачена, что половина Европы ответственна за соучастие в ней.

Нет никакого сомнения в том, что еще до окончания войны, в 1917 г., военное мин-во (английское) получило официальное известие, что главным инициатором убийства был агент сербской охраны Димитриевич. Он был казнен в Салониках в 1917 г., так как он стал неудобен. Однако при редактировании версальского договора об этом не было сказано ни слова.

Вторжение в Бельгию — причина войны

Теперь уже известно, в какой мере Англия была связана с Францией обязательством чести. Но правительство понимало, что вряд ли ему удастся вызвать энтузиазм масс во имя выполнения его тайных обязательств по отношению к Франции. Также очень трудно было бы ему сделать популярной войну ради Сербии. Мало нашлось бы охотников драться за это дело.

Вторжение в Бельгию явилось как бы подарком богов и для правительства и для прессы. Они ухватились за этот предлог, прекрасно понимая его значение для возбуждения общественного мнения.

«Мы вступаем в войну, в которую мы вынуждены вмешаться как защитники слабых и борцы за свободу Европы» («Таймс», 5 августа 1914 г.).

«... Мы были связаны обязательствами, обязывавшими нас обеспечивать и поддерживать независимость маленького нейтрального государства (Бельгии), которому угрожала опасность» (Асквит в палате общин, 27 августа 1914 г.).

Помимо заявлений, что причиной войны явилось нападение на Бельгию, это нападение изображается как ничем не оправдываемое,

не имеющее прецедентов нарушение международных договоров.

Выражение «клочек бумаги» вошло в разговорку.

Между тем, как видно из опубликованных бельгийских документов, переговоры 1906 г. касались развернутого плана военного сотрудничества в случае вторжения в Бельгию. Говорилось о Франции и Англии как о «союзных» армиях и о Германии как о «враге». Был разработан подробный план высадки английских войск в Бельгии. Между Германией и Бельгией подобных планов не существовало.

Ген. Персен, один из членов высшего военного совета Франции в 1910-11 гг., сообщает следующие факты в газете «Эр нувель» за январь 1925 г.

«... Я принял личное участие зимою 1910-1911 гг. в большой кампании, организованной высшим военным советом, членом которого я тогда состоял. Кампания продолжалась неделю. Она показала, что атака Германии со стороны Эльзас-Лотарингии не имела шансов на успех, что атакующие были бы неизбежно раздавлены в этом районе и что она (Германия) была бы вынуждена нарушить бельгийский нейтралитет... Во французской армии мы все были сторонниками наступательной тактики. Она предписывала нарушение нейтралитета Бельгии, ибо нам были известны намерения немцев. Мне говорили, что это не будет преступлением со стороны Франции, но лишь ответом на преступление со стороны Германии».

Ген. Персен категорически утверждает, что, по мысли французской главной квартиры, война должна была развернуться в Бельгии, и действительно, шесть месяцев спустя после подписания соглашения между французским и русским генеральными штабами¹ полковник артиллерии Пикар, во главе группы офицеров главной квартиры, совершил поездку по Бельгии для изучения возможности использования в нужный момент этого театра войны.

«Трактат 1839 г. (о нейтралитете Бельгии) не мог не быть нарушен либо немцами, либо нами, — пишет Персен.—Его выдумали, чтобы сделать войну невозможной. Вопрос, который стоял тогда перед нами, сводился к одному: кому из двух, Франции или Германии, было нужнее нарушить, а не о том, кто обнаружил больше пренебрежения к этому договору. Тот, кто больше хотел войны, должен был жаждать вторжения на бельгийскую территорию».

«Немецкие зверства»

Многочисленные рассказы о «немецких зверствах», которых не было возможности ни подтвердить, ни отрицать, являлись одним из средств восстановления масс против немцев.

Нитти, бывший премьер-министр Италии во время войны, пишет в своих воспоминаниях:

«Чтобы мир узнал правду о настоящем кризисе Европы, необходимо еще и еще разрушить

¹ Это соглашение провозглашало абсолютную необходимость для французской и русской армии предпринять решительное наступление, по возможности, одновременное; далее оно разъясняло, что выражение «оборонительная война» не должно было пониматься буквально.

Massacre of the Innocents by HEROD, otherwise Wilhelm II. King of the Huns

Английский плакат с надписью «Избиение младенцев Иродом, или Вильгельм II—король гуннов»

легенды, которые появились на свет в целях военной пропаганды. Во время войны Франция сообщала с другими союзниками, в том числе и с нашим правительством, пустила в ход самые нелепые басни, чтобы вызвать воинственный дух у наших мужчин. Немцам приписывали жестокость, чтобы разжечь в нас кровь. Мы все слышали рассказ о бельгийском ребенке, руки которого были отрезаны гуннами. После войны один американец, который был под сильным влиянием французской пропаганды, послал в Бельгию человека с поручением назначить пенсию ребятишкам, которым немцы отрезали ручки. Посланец не мог найти ни одного такого ребенка. Ллойд-Джордж и я, в бытность мою во главе итальянского правительства, произвели подробное расследование с целью узнать правду об этих ужасных обвинениях. Каждое из наших обследований привело нас к выводу, что эти слухи с начала до конца выдуманы».

«Дитя из Курбек Лоо»

Капитан Вильсон, бывший редактор «Сендэй Таймс», рассказал на страницах американской газеты «Нью-Йорк Таймс» в 1922 г. следующую историю об одной выдумке.

«Один лондонский корреспондент «Дейли Мейль» находился в Брюсселе в момент, когда вспыхнула война. Ему прислали телеграмму, что нужны рассказы о зверствах. Между тем в это время не было никаких зверств. Ему телеграфировали вновь, что нужны истории о беженцах. Тогда я сказал себе: «Вели-

колепно, мне не придется беспокоиться». В окрестностях Брюсселя есть городок, куда я ездил пообедать; право, там очень недурные обеды. Мне сообщили, что туда пришли гунны. Я решил, что там должен быть какой-нибудь ребенок. Тогда я написал душераздирающую историю о ребенке из Курбек Лоо, вырванном у немцев среди подожженных домов.

На следующий день мне телеграфировали, чтобы я прислал ребенка, так как редакция получила свыше 5 000 писем с предложением усыновить его. На другой день — что вещи для ребенка наводняют редакцию. Я не мог телеграфировать им, что ребенка нет. В конце концов я сговорился с врачом, работавшим среди беженцев, что ребенок умер от такой заразной болезни, при которой нельзя было даже произвести публичного погребения.

Мы получили известие, что леди Нортклиф устроила ясли из одежд, пожертвованных для ребенка».

Фотографические фальшивки

Непосвященному может казаться, что есть вещи, к которым можно относиться с безусловным доверием. Это — фотографические репродукции. Никому и в голову не придет сомневаться в подлинности фотографии. Поэтому фальсифицированные фотографии имеют исключительную ценность. Их легче пустить в обращение, чем простой доклад, который может быть раскритикован или опровергнут. Если и будет обнаружено, что фотография сфаль-

сифицирована, то это произойдет много времени спустя.

Производство фотографических фальшивок развилось во время войны почти до степени самостоятельной отрасли промышленности. Все страны занимались этим делом. В Вене одна предприимчивая фирма снабжала фотографиейми, изображающими зверства, с пустым бланком для подписи, так что они могли быть использованы для нужд пропаганды с обеих сторон. Но все-таки французы, кажется, достигли в производстве фальшивок наибольшего совершенства.

Приведем здесь описание некоторых фотографических фальшивок.

Немецкая фотография толпы перед дворцом в Берлине 13 июля 1914 г. (до объявления войны) была воспроизведена во французском журнале «Монд иллюстре» 21 августа 1915 г. с подписью: «Энтузиазм и радость варваров» и объяснением, что это — демонстрация в честь потопления «Лузитании».

Немецкий снимок гор. Швейдница после русской оккупации был воспроизведен датским иллюстрированным журналом «Иллюстререт фамилиенблад» с подписью: «Французский город после бомбардировки его немцами».

Фотография немецкого солдата, склонившегося над павшим товарищем, была воспроизведена английским журналом «Уор иллюстрей-

тед» с подписью: «Наглядное доказательство нарушения немцами правил войны. Немецкий бандит, застигнутый на месте преступления в момент ограбления им русского».

В 1905 г. было заснято много фотографий еврейских погромов в России. Одна из этих фотографий изображает груды трупов, вокруг которой собралась толпа. Она была воспроизведена во французском журнале «Мемуар» от 14 ноября 1915 г. с подписью: «Преступления немецких орд в Польше».

«Ф а б р и к а ц и я н о в о с т е й»

В ноябре 1914 г. по случаю падения Антверпена в немецкой газете «Кельнише цайтунг» была помещена следующая заметка.

«Когда разнеслась весть о падении Антверпена, стали звонить в колокола» (в Германии). Вот какой вид приняла в дальнейшем эта заметка.

Французская газета «Матен»:

«По сообщению «Кельнише цайтунг», немцы заставили антверпенское духовенство звонить в колокола, когда была взята эта крепость».

Английская «Таймс»:

«По сведениям «Матен», полученным из Кельна, бельгийские священники, отказавшиеся звонить в колокола по случаю взятия крепости, лишены права совершать богослужение».

Итальянская «Коррьере делла серра»:

«По сведениям «Таймс», полученным из Кельна через Париж, несчастные бельгийские священники, отказавшиеся звонить в колокола, когда Антверпен был взят, приговорены к пожизненным каторжным работам».

Тот же «Матен»:

«По сведениям «Коррьере делла серра», полученным из Кельна через Лондон, подтверждается слух, что варвары, захватчики Антверпена, покарали несчастных бельгийских священников, героически отказавшихся звонить в колокола, привязав их головой вниз к колоколу в виде живого языка».

О р г а н ы п р о п а г а н д ы

О том, как был организован «Дом печати» во Франции, рассказывает один «французский редактор» в вышедшей в Америке книге «За кулисами французской журналистики».

«... Мы сразу пришли к выводу, и вполне основательно, что мало того, чтобы воспламенить массы в пользу войны и изобразить врага как опасного нарушителя мира и самого страшного врага человечества, во избежание ответственности за то, что вызвали ее». Поэтому «... не прошло и трех дней с момента объявления войны, как Вивиани внес в палату законопроект, который в тот же день был принят обеими инстанциями — палатой и сенатом. По этому закону на организацию мощной пропаганды отпускался для начала пустячок в 24 млн. франков...»

«Был организован «Дом печати» — огромное 4-этажное здание, не считая цокольного этажа, в котором помещались печатные станки, и первого этажа с огромной залой...

MASTERLY DESCRIPTION OF THE BATTLE OF MONS.

Latest German Invention The Red Cross Machine-Gun!

Одна из фальшивок. Заглавная страница английской газеты от 12 сент. 1914 г., с надписью: «Последнее изобретение немцев — пулеметы Красного креста»

«Дом» напоминал кишевший муравейник. Люди в спешке приходили и уходили. Подкачивали дрожки, подъезжали элегантные автомобили с жеманными господами. Двести комнат включали в себе мастерские, кабинеты и салоны, где действовали эти великолепные герои, чье мужество возрастало пропорционально расстоянию от окопов. Начиная с подвала и кончая верхним этажом, крытым стеклянным куполом, все было олицетворением пропаганды. В цокольном этаже—машины для печатания и репродукции, под стеклянным куполом — фотохимическая секция. Ее работа заключается главным образом в изготовлении фотографий и гравюр с отрезанными руками, вырванными языками, вылезшими из орбит глазами, открытыми черепами, обнаженными мозгами. Сфабрикованные таким образом картинки рассылаются затем во все части света как неопровержимые доказательства германских зверств...

«В этих же комнатах изготавливаются фальшивые фотографии французских и бельгийских церквей, якобы подвергшихся бомбардировке немцев, разрытых могил, сцен разрушения и отчаяния. Инсценировка и декорация этих картин производятся лучшими художниками-декораторами театра...

«Дом печати» был неумолимым гейзером, непрерывно извергавшим ложные донесения с войны, фальшивые вести с фронта и тыла, самую грубую чудовищную клевету на врага, фантастические сказки о гнусных поступках, якобы совершенных им».

«Цели войны»

Государственные деятели союзников не могли открыто признать истинные цели войны, к которым они стремились, в виде ли территориальных переделов или колониальных приобретений. Поэтому явилась необходимость провозгласить некий моральный идеал, который придавал бы войне почти что характер крестового похода. Но все лозунги, которые они провозглашали, обнаружили в конечном счете свою полную фальшь.

Таковыми лозунгами являлись:

I. «Война, чтобы убить милитаризм».

Достаточно посмотреть на военные расходы стран—исбедительниц, выросшие в 1914—25 гг. по сравнению с 1913 г. более чем на 50% чтобы показать всю фальшь этого лозунга, если кто-либо когда-либо мог поверить ему всерьез.

II. «Война для защиты малых наций»

По мирному договору Черногория стерта с лица земли. Английская оккупация Египта продолжается, Сирия пострадала от французских репрессий (бомбардировка Дамаска), попытка риффов завоевать самостоятельность была подавлена. Никарагуа и Панама подчинены политическому господству САСШ и т. д.

III. «Англия не ищет территорий»

Вот факты, показывающие, что «выпало на нашу долю», когда война закончилась: Египет — был под турецким протекторатом, стал

Wie wir Deutsche besiegt werden durch die Franzosen und Engländer.

Немецкий плакат первого года войны, высмеивающий лживую информацию союзников. Наверху надпись: «Как нас, немцев, разбивали французы и англичане»

частью Британской империи	350 000 кв. м.
Кипр — то же самое. . .	3 584 » »
Юго-Западная Африка (принадлежавшая Германия)—мандат на нее выдан Ю.-Африканскому союзу . .	322 450 » »
Восточная Африка (принадлежавшая Германии) под мандатом Англии	384 180 » »
Того и Камерун—разделены пополам между Англией и Францией	112 415 » »
Самоа — под мандатом Австралии	1 050 » »
Н. Гвинея (германская) и остров Ю. Экватора. .	90 000 » »
Палестина — под мандатом Англии	9 000 » »
Месопотамия (Ирак)	143 250 » »
Всего	1 415 929 кв. м

Совсем недурной итог для страны, которая «не ищет территорий», в дополнение к 13 млн. кв. миль, которыми обладала Англия к началу войны!

«Лучше было бы, — говорит Понсонби, — не выступать с ложными декларациями, которые неизбежно вызвали против нас обвинения в лицемерии».

ПЕРЕПИСКА МИЛЮКОВА И ТЕРЕЩЕНКО С ПОСЛАМИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Печатаемые нами документы заимствованы из подготовляемого к печати последнего тома военной серии документов империалистической войны¹. Относящиеся к эпохе «керенщины» (в широком смысле этого слова) документы эти насыщены империалистическими мотивами с совершенно особой специфической остротой, остротой, обусловленной тем положением, в каком после падения царизма в обстановке войны и революции оказалась русская империалистическая буржуазия.

Если в эпоху царизма в русской внешней политике отмечались определенные колебания, если тогда царизм был временами готов повернуть политический руль к сепаратному миру с Германией, то теперь, в эпоху временного правительства, — и чем дальше, тем с большей силой, с большей настойчивостью, — русская дипломатия неизменно подчеркивает верность России делу Антанты, ее готовность продолжать войну «до победного конца», во что бы то ни стало.

В первые дни после завоевания власти русская буржуазия была окрылена надеждами на раскрывающиеся перед ней перспективы; освобожденная от всех тормозов придворного германофильства, свободная пока еще от вмешательства «демократии» в дела иностранной политики, располагающая унаследованным от царизма аппаратом тайной дипломатии, она заняла в рядах воюющих держав прочное место, чтобы осуществить военные требования российского империализма.

Отсюда первая и главная забота Милюкова — о подтверждении старых договоров и прежде всего — соглашения 1915 год. о Константинополе и проливах. Отсюда — его беспокойство по поводу того, чтобы в заявлениях временного правительства кто-либо не усмотрел возможности «сокращения притязаний России». Отсюда — его попытка сепаратного соглашения с Болгарией, ибо успех этой попытки сулил русским войскам облегчение подступа к Дарданеллам. Отсюда — его нежелание содействовать распространению в Греции либерального венизелистского движения, несущего с собою осуществление «великогреческой» программы и, следовательно, угрозу будущему русскому господству на проливах. Отсюда — его непреклонность в китайском вопросе, именно, в вопросе об уплате китайцами боксерской контрибуции, взимание которой составляло крупнейшую доходную статью Русско-Азиатского банка. Отсюда, наконец, — его стремление продолжать линию самостоятельной русской политики в Персии, самостоятельной постольку, поскольку она отвечала английским интересам.

Документы рассматриваемой эпохи с исключительной четкостью и выразительностью очерчивают то место, которое занимала Россия в системе англо-французской коалиции, ту служебную роль, которую она играла в политике англо-французского капитала.

Самый факт революции расценивается «союзниками» как «закрепление» тесной связи с ними; в линию русской дипломатии в целом ряде вопросов (болгарском, греческом, персидском) союзники вносят свои коррективы, причем коррективы эти нередко идут в разрез с непосредственными интересами русской буржуазии.

Как известно, замена Милюкова Терещенко была произведена не только с согласия, но и с одобрения Англии. Еще в милюковский период английской дипломатии гораздо приятнее было слушать ругань Керенского на тему о нейтрализации проливов, нежели бравады Милюкова об обладании ими. Определившаяся обострением внутренней классовой борьбы гибкость формулировок Терещенко, выходящая под его редакцией сокращеннее и днее русской империалистической программы были безусловно по вкусу союзникам. Однако ими учитывалась в то же время и обратная сторона этого явления: опасность дальнейшего ослабления военной мощи России. Правда, в плане большой политики выпадавшая из строя Россия заменялась САСШ. Но эта

¹ Считаю необходимым оговорить, что документы воспроизводятся нами только в тех частях, которые представляют, по мнению редакции, особый интерес.

замена могла произойти, разумеется, не сразу, на нее требовалось известное время. Поэтому союзники требовали от российского коалиционного правительства, что бы оно во что бы то ни стало удерживало фронт, хотя бы ценою организации авантюрного «наступления».

Все лучшие пропагандистские силы антантовского социал-империализма (А. Тома, Вандервельде, Гендерсон) бросаются на дело обработки российской «революционной демократии», на приспособление ее формулы мира к империалистической практике.

Проявляющее живую изобретательность в деле борьбы с российским «циммервальдизмом», расправляющееся по мере сил с непослушными рабочими и солдатскими массами правительство Керенского завоевывает «полное доверие» союзников.

Стремление продолжить империалистическую линию царско-милюковской политики приводило дипломатию Терещенко к дальнейшему укреплению «связей с союзниками». Не выводя страны из войны и превращая ее в голый объект эксплуатации англо-американского капитала, русская империалистическая буржуазия сама готовила себе скорый смертный приговор.

Приговор этот был подписан и приведен в исполнение рукою пролетариата. Тсю же рукою найден был выход из войны. Выход этот историками принято называть революционным.

И. П о п о в

Мин-р ин. дел поверенному в делах в Берне

Телеграмма № 992 20/7 марта 1917 г.

Считаю необходимым подтвердить, что нам не следует упускать удобного случая для осуществления мысли о разрыве Болгарии с ее нынешними союзниками и привлечения ее на нашу сторону. Поэтому, полагаясь на вашу опытность, поручаю вам не упустить случая завязать сношения с болгарскими эмиссарами. При этом имейте в виду, что мы готовы обсудить совместно с союзниками всякое практическое предложение в целях сближения с нею. Болгары должны, повидимому, понимать, что создавшееся у нас новое положение вещей представляет удобные для них условия для восстановления прежнего единомыслия с Россией.

М и л ю к о в

Мин-р ин. дел представителям в Париже, Лондоне, Риме и Токио

Телеграмма № 1009 21/8 марта 1917 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 967. Содержащееся в нашей циркулярной телеграмме заявление об обязательности для нового российского правительства международных договоров и вытекающих из них соглашений, заключенных при прежнем государственном строе, само собою разумеется, касается также всех соглашений, заключенных союзными державами со времени нынешней войны. Вследствие сего было бы желательно, чтобы союзники в ответах своих на наше извещение равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений. Прошу вас высказаться в означенном смысле перед министром иностранных дел и о последующем уведомить.

М и л ю к о в

Посол в Париже мин-ру ин. дел. Лично

Телеграмма № 193 21/8 марта 1917 г.

Здесь очень обеспокоены известиями из Петрограда о радикальном настроении Совета рабочих и солдат, в особенности, о его тенденциях в пользу прекращения войны. Вчера

представитель социалистов в кабинете г. Альбер Тома¹ сказал мне, что он телеграфировал Керенскому, чтобы предостеречь его партию от подобного направления. На мое замечание, что было бы желательно произвести воздействие непосредственно на вышесказанный Совет, он обещал обсудить это с лидером объединенных социалистов Гедом. Сегодня я узнал, что Гед предлагает послать в Петроград с означенной целью одного из членов партии в сопровождении нескольких патриотически настроенных русских социалистов-эмигрантов. Французское правительство склонно принять это предложение.

И з в о л ь с к и й

Мин-р ин. дел поверенному в делах в Лондоне Набокову

Телеграмма № 1182 29/16 марта 1917 г.

Ваша телеграмма № 196² получена. Вполне одобряю ваше предложение через посредство печати и в форме, которую вы признаете наиболее соответствующей, разъяснить английскому общественному мнению, что в моих заявлениях не содержится никаких указаний на сокращение притязаний России. Мы имеем в виду придерживаться тех начал, которые были положены в основу наших разных соглашений с союзными державами и указания на которые имеются в ответной коллективной ноте союзных правительств президенту Соединенных Штатов.

М и л ю к о в

Мин-р ин. дел послу в Париже Извольскому и поверенному в делах в Лондоне Набокову

Телеграмма № 1245 2 апр. 20 марта 1917 г.

В беседах с французским и английским послами я неоднократно высказывал мысль, что происшедший в России переворот создает

¹ Член социалистической партии, товарищ военного м-ра по снабжению армии.

² В телеграмме от 27/14 марта 1917 г. за № 196 Набоков доносил о появившемся в одной из английских газет сообщении о том, что русский мин. ин. дел «сократил притязания России к Турции». Предлагая выступить с опровержением этого сообщения, Набоков высказывал предположение о том, что оно могло появиться в связи с высказываниями Керенского о желательности интернационализации Константинополя.

весьма благоприятную обстановку для перехода Болгарии на сторону союзников. По моему мнению, для достижения этого не должно шадить никаких усилий, так как осуществление этого плана знаменовало бы решительный перелом войны. Сейчас, конечно, было бы трудно определить подобные условия этого перехода, так как они будут зависеть от того, удастся ли заставить Болгарию просто прекратить войну с союзниками или же — что самое важное — убедить ее принять в ней активное участие против центральных империй. Великобританский посол вполне разделяет мою точку зрения. Французский же, как свое личное мнение, высказывает, что такая резкая перемена политики союзников по отношению к Болгарии будет во Франции непопулярна из-за сербского вопроса и может вызвать неприятное возбуждение общественного мнения в связи с нападками на солунскую экспедицию.

Я продолжаю настаивать на необходимости отказаться в этом вопросе от сентиментальных соображений и смотреть на положение вещей с практической точки зрения.

М и л ю к о в

Мин-р ин. дел поверенному в делах в Лондоне Набокову и послу в Париже Извольскому
Телеграмма № 1447 14/1 апреля 1917 г.

За последнее время в английской и французской печати стали появляться статьи, в которых подробно обсуждаются некоторые заявления отдельных членов Временного правительства, в связи с выступлениями крайних левых партий, в смысле, будто бы, нашего отказа от соглашения 1915 г. о Константинополе и проливах¹.

Последняя декларация Временного правительства об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». Ввиду того, что эти обязательства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях.

Кроме крайних органов, агитация которых в настоящее время в значительной степени ослаблена и подорвана означенной декларацией, вся серьезная печать и широкие общественные круги России стоят на вышеуказанной нашей точке зрения, находящей себе также сочувственный отклик в армии.

М и л ю к о в

Мин-р ин. дел посланнику в Афинах
Телеграмма № 1504 19.6 апреля 1917 г.

Оказание при настоящих обстоятельствах какой-либо поддержки королю и его правительству не может входить в задачу нашей политики в Греции, точно так же, как и заботы об ограждении территории королевства от по-

¹ О предоставлении России Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южной Фракии до линии Энос—Мидия.

сягательств Венизелоса¹. Мы не можем противодействовать распространению либерального венизеллистского движения, встречающего широкое содействие Франции и отвечающего во многих местах Старой Греции желаниям самого населения.

Мы считаем необходимым действовать в полном единении с Францией в греческом вопросе.

При этом нельзя, конечно, упускать из виду, что окончательный переход власти к либеральной партии во главе с Венизелосом может создать некоторые осложнения, в особенности если национальная партия поставит своей задачей осуществление «великогреческой программы», с широкими территориальными захватами, что может оказаться в полном противоречии с интересами России и необходимостью умиротворения Балкан.

По этому поводу мы предполагаем войти в доверительный обмен мнений с французским правительством.

М и л ю к о в

Мин-р ин. дел посланнику в Пекине
Телеграмма № 1912 10 мая/27 апр. 1917 г.

Предлагаемые вами и вашими сотоварищами уступки Китаю не вызывают замечаний, кроме пункта об отсрочке уплат боксерского вознаграждения.

Такая отсрочка вызывает тяжелые жертвы с нашей стороны, а предлагаемые Гойером взамен ее финансовые комбинации не встретили одобрения м-ва финансов. Мы не можем и не желаем отделяться в этом вопросе от наших союзников. Но если бы с их стороны обнаружилось сомнение в желательности уступать уплаты² боксерского вознаграждения, вы могли бы указать на то, что русские интересы, более чем чьи-либо, затрагиваются этой уступкой и что мы не можем пойти на нее без существенных компенсаций.

М и л ю к о в

Итальянский посланник в Румынии Фашиотти итальянскому мин-ру ин. дел Соннино.

Телеграмма № 223³ 11 июня 19 мая 1917 г.

Братиану, восхваляя французского м-ра Тома рассказал мне, что когда во время пребывания своего в Петрограде он получил известие об угрозе, которая создается для короля Фердинанда⁴ со стороны русских, г. Альбер Тома, безо всякой просьбы со стороны Братиану немедленно направился в русское военное м-во и выразил самый энергичный протест против каких бы то ни было покушений со стороны русской демократии на монарха, лояльно ставшего на сторону России и неоднократно дававшего доказательство своей полной преданности России и Антанте.

¹ Греческий политический деятель, лидер либералов, греческий премьер-министр 1910—1915 гг.; в сентябре 1916 г. глава салоникинского правительства.

² Так в оригинале

³ Телеграмма, расшифрованная в рос. м-ве ин. дел. Перевод с французского

⁴ Король румынский.

Г. Исидзака¹ г. начальнику генерального штаба в Токио

Телеграмма № 75² 13 июня 31 мая 1917 г.

Внутреннее политическое положение России — как изложено в предыдущей телеграмме. Местами не платят налогов. Подписка на «заем свободы», согласно газетных сообщений дала в течение 50 дней только 1.150.000.000 р. В виду этого³ бумажных денег неизбежно, так что внутренние и внешние займы России после войны³. При таком положении дел распространен пессимистический взгляд, что хотя делегация Рута⁴ и прибыла, но он, ужаснувшись нынешнего положения, откажется от помощи. Я не думаю, чтобы Америка, не говоря уже об Англии и Франции, бросили бы Россию и предоставили ее собственной участи. Во-первых, ради достижения целей войны, а во-вторых, ради своей русской политики после войны, они устранят различные затруднения и приложат все старания, чтобы ей помочь. Однако возможно, что они поставят известные условия, гарантирующие их на время войны или даже после войны. Если эти условия будут состоять во вмешательстве во внутреннюю политику или в уступке натуральных богатств, Япония также должна рассмотреть способы вмешательства. Какие бы перемены в России ни произошли, она попрежнему будет соседкой Японии. Ввиду этого необходимо рассмотреть различные способы оказания помощи, действуя рука об руку с Америкой и другими державами союзом для³ мирной конференции и политики по отношению к России после войны.

В настоящее время в влиятельных кругах России смотрят пессимистически на положение своей страны и все более распространяется мысль, что необходимо обратиться к другим государствам за помощью, забыв о собственном стыде. В социалистических партиях, в руках которых в будущем может оказаться вся власть, уже недовольны вмешательством Англии и Франции в вопросы внутренней политики и армии. Я думаю, что лучшая политика для Японии — не оставлять России, пока не выяснится положение, благодаря⁵ и сохранить с ней добрососедские отношения. Есть надежда, что переговоры о внешнем займе могут привести к результату, если их заставить предложить известные гарантии. Для укрепления дружбы с Россией в будущем теперь весьма важный момент, а русско-японская дружба будет весьма ценна для наших отношений с Англией и с Германией после войны.

Поверенный в делах в Лондоне
мин-ру ин. дел.

Телеграмма № 644 11 авг./30 июля 1917 г.

Все общественное мнение и само правительство Великобритании видит в Керенском крупнейшую национальную фигуру. Повторяю:

¹ Военный агент Японии в Петрограде.

² Телеграмма, расшифрованная в рос. м-ве ин. дел. Перевод с японского.

³ Пропуск в тексте.

⁴ Глава американской дипломатической миссии, посетившей Россию в 1917 г.

⁵ Пропуск в тексте.

национальную, а не партийную. Наша союзница считает, что если страна объединится вокруг национального вождя, она спасется. Из телеграммы делегатов¹ и из моей беседы с ними ясно, что они продолжают смотреть на главу русского правительства как на ставленника совета рабочих и солдатских депутатов, ответственного перед ним. Эту точку зрения они, конечно, будут пытаться проводить здесь, чем подорвут в глазах своих хотя бы малочисленных единомышленников авторитет правительства и Керенского. Необходимо, чтобы эта узкая и пагубная точка зрения была решительно отвергнута самим Керенским.

Набоков

Поверенный в делах в Париже
мин-ру ин. дел

Телеграмма № 934 17/4 сентября 1917 г.

Не ограничиваясь нападками на совдеп, французская печать, кроме нескольких социалистических органов, стала за последнее время выказывать отрицательное отношение к Временному правительству и личности Керенского, выражая сомнение в том, что ему удастся освободиться от влияний, парализующих его деятельность. Это особенно ярко проявилось в связи с выступлением Корнилова. Под влиянием сильной заботы здешнего общественного мнения о скорейшем восстановлении боеспособности русской армии большая часть здешней печати высказала доверие выставленной им программе решительных мер и отнеслась поэтому с сочувствием к его попытке установить военную диктатуру, в которой на основании примеров истории собственной страны усматривала залог военных успехов.

Севастопуло

Поверенный в делах в Лондоне
мин-ру ин. дел

Телеграмма № 761 20/7 сентября 1917 г.

По моему убеждению, корниловская эпопея явилась лишь сенсационным эпизодом, который не оставит глубокого следа в памяти Англии. Как я уже имел случай неоднократно указывать, Англия, огромное большинство в Англии, глубоко сочувствует нашему новому государственному строю и понимает все трудности на пути к его упрочению. Но рядом с этим доминирующим фактором являются интересы к данной минуте, интересы общего дела союзников. И нужно смотреть прямо в глаза тому факту, что благодаря систематической газетной пропаганде в общественном мнении и в правительстве твердо укоренилось убеждение, что на многие месяцы деятельная помощь русской армии исключена. Соответственно с этим упорно проповедуется мысль, что союзники «и без России» с помощью Америки одолеют немцев. Рассеять это убеждение нет возможности. Вот почему мне представляется

¹ Делегатов совета на стокгольмскую конференцию Эрлиха и Русанова.

необходимым высказать вам мнение, что в интересах России желательно как можно дольше оттянуть созыв каких бы то ни было конференций, политических или стратегических. На такой конференции голос России сейчас не может прозвучать с должной авторитетностью, каких бы ораторов вы на нее ни посылали. Несомненно также, что в центральных империях жажда мира огромна. Дальнейшие «завоевания» Германии проблематичны. Поэтому для нее теперь настал самый благоприятный момент выступить — и мы думаем, что она это сделает в ближайшем будущем, — с такими предложениями, формулы которых будут приемлемы как для Германии, так и для Франции, Италии и Англии. Из совокупности выпускаемых Германией за последнее время «пробных шаров» ясно, что формулы эти будут сводиться к уступкам на западе Европы, замаскированному господству на Балканах и явным компенсациям за счет России. Лояльность к России союзных правительств несомненна, но страшен вопрос, удастся ли правительствам убедить усталые народности Франции и Англии, что война должна продолжаться ради интересов России.

Набоков

Мин-р ин. дел поверенному в делах в Лондоне

Телеграмма № 1699 29/16 апреля 1917 г.

Последние известия о действиях англичан в Палестине дают возможность предполагать о занятии в ближайшем будущем Иерусалима. По имеющимся у нас сведениям, французское правительство уже распорядилось об отправлении особого отряда для участия в совместном с англичанами занятии названного города. С подобною же просьбою к высшему английскому командованию обратилась и Италия.

Ввиду этого мы считаем необходимым и участие нашего отряда в международной оккупации Иерусалима и святых мест, где у нас имеются интересы, первостепенной важности. Этот отряд мог бы быть выделен из состава наших войск, находящихся на македонском театре войны.

Милюков

Мин-р ин. дел российским представителям в Париже, Лондоне и Вашингтоне

Телеграмма № 4303 30/17 сентября 1917 г.

На основании бесед со здешними союзными послами, в особенности с наиболее откровенным из них — американским послом, я прихожу к заключению, что между нашими союзниками на одной из последних конференций в Париже или Лондоне, повидимому, состоялось соглашение относительно размежевания между ними тех областей, в которых они должны оказывать нам в будущем материальное содействие в деле продолжения войны. Например, амери-

канцы, как кажется, взяли на себя задачу оборудования у нас железнодорожного транспорта. Вопрос этот представляет для нас громадный интерес, т. к. именно вопросы технические и материальные принимают у нас при настоящих обстоятельствах грозный характер в смысле возможности фактического доведения нами войны до конца. Я готов был бы ввиду этого пойти навстречу союзникам, взяв на себя почин предложения им более активного, нежели до сих пор, участия в организации нашей промышленности и транспорта, если бы с их стороны действительно обнаружилась к тому готовность. Прошу вас осторожно нащупать в этом направлении почву и сообщить ваше заключение.

Терещенко

Посол в Вашингтоне мин-ру ин. дел.

Телеграмма № 5779 окт./26 сентября 1917 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 4303. Мне известно, что 8 августа н. ст. в Лондоне действительно происходило обсуждение вопроса о необходимости оказания союзниками содействия в восстановлении боевой мощи России. Вслед затем союзными представителями в Вашингтоне было сделано представление американскому правительству в духе лондонской резолюции с указанием на крайнюю желательность принятия на себя Америкой энергичной работы по содействию организации транспорта в России. Кроме того, французский верховный комиссар Тартье получил инструкцию от бывшего тогда м-ром снабжения Тома с поручением энергично поддерживать перед американцами проект оказания нам железнодорожной помощи. Американское правительство всегда относилось с особенно живым интересом и сочувствием к реорганизации нашего транспорта и выражало полную готовность всемерно нам помогать. Для этой цели в Петрограде пребывает комиссия Стивенса, энергичные попытки которой в этом направлении продолжаются до настоящего времени, причем здесь готовы незамедлительно приступить к выполнению обширной программы, связанной с посылкой железнодорожных специалистов в Россию. Некоторым препятствием в осуществлении доброжелательных намерений Америки в этом смысле могло служить, повидимому, отношение в Петрограде к начинаниям комиссии Стивенса, о чем я сообщал вам доверительно в телеграмме № 518. Успех этого дела преимущественно зависит от установления тесного с нею сотрудничества в России. В настоящее время особенно желательно деятельно пойти навстречу желанию Америки нам помочь в этом деле. Желательно возможно более полное осведомление нас с ходе работ со Стивенсом. Что же касается общего вопроса о распределении между союзниками содействия России, то постараюсь выяснить обстановку и о последующем буду телеграфировать.

Бахметев

ЧТО ВСПОМИНАЮТ РАБОЧИЕ ОБ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

С начала войны тысячи рабочих и крестьян были брошены на фронт, в сырые и грязные окопы. Семьи их, оставшиеся в тылу, были обречены на лишения и голод. Ухудшилось положение и тех рабочих, которые не были мобилизованы: понизилась реальная заработная плата, усилились преследования передовых рабочих. Всякие попытки протеста и выступлений за улучшение своего положения беспощадно подавлялись.

Буржуазная печать на все лады трубила о том, что на Россию напала Германия, и что долг каждого солдата и рабочего все сделать для обеспечения победы на фронте. Часть наименее сознательных и организованных рабочих поддалась влиянию этой шовинистической агитации и стала на позицию оборончества. Но рабочий класс России имел испытанного вождя — большевистскую партию, которая в своей агитации вскрывала истинные цели империалистической войны и призывала рабочих вести борьбу за превращение ее в войну гражданскую.

Приводимые нами ниже отрывки из автобиографий ряда рабочих, участников революций 1905 г. и 1917 г., характерны прежде всего тем, что показывают, как мало шовинистическая агитация влияла на пролетариат и насколько пораженческая позиция нашей партии соответствовала настроениям подавляющего большинства рабочего класса. Это очень хорошо выражено в воспоминаниях, например, работницы т. Лазаревой, которая, слыша разговор двух молодых рабочих: «Они опять хотят нас к барщине призвать, народ перебить, потравить», думала: «Правда, ведь к этому все сводится» и потом агитировала в деревне против войны, потому что: «Это не иначе, как нас погубить хотят».

Рабочие первыми начали прислушиваться к голосу большевистской партии и объединяться для борьбы. Это было время, когда революционное недовольство и брожение охватывало страну. В тылу начались стачки и политические выступления рабочих, а на фронте стало проявляться нежелание солдат вести войну. Агитаторами против войны на фронте чаще всего выступали солдаты-рабочие, а особенно те из них, которые ранее были связаны с большевиками и сами принимали участие в революции 1905-07 гг. и в движении периода революционного подъема 1912-14 гг. Через этих рабочих попадали на фронт большевистские листовки и прокламации и велась устная пропаганда и агитация на фронте.

Эта роль передовиков-рабочих в крестьянской, в своем большинстве, армии опять-таки очень ярко отражена в печатаемых воспоминаниях. Рабочий Лидванский, например, рассказывает о том, как в прифронтовой оружейной мастерской сформировалось ядро из питерских и московских пролетариев, чутко улавливавших все политические сдвиги. «Мы, московские рабочие, з н а ю щ и е, думаем, не пора ли нам начинать». В Февральскую революцию рабочие мастерской, находившиеся тогда в Гомеле, повели за собой массы. Точно так же т. Мартынов ярко показывает, как передовики-рабочие возглавляли вспышки солдатского недовольства, начинавшиеся обычно с вопросов продовольствия, с разгрома кухонь, но подводившие крестьян в солдатских шинелях к пониманию основных политических вопросов. Даже самые отсталые рабочие и солдаты начинали ждать революцию. Война заставила их задуматься о самом существенном и важном: каков политический строй в стране и когда и при каких условиях смогут миллионы рабочих и крестьян вырваться из тисков ненавистной и затянувшейся бойни. Недаром Ленин называл последнюю империалистическую войну «могучим ускорителем», «всесильным режиссером» революции 1917 г.

В приводимых ниже воспоминаниях показано, с каким нетерпением массы ожидали революцию, что особенно интересно и важно, как некоторые из рабочих участвовали в самой подготовке революции, вели большевистскую агитацию и пропаганду и организовывали выступления против самодержавия и капиталистов. Большая часть этих воспоминаний представляет извлечение из автобиографий рабочих Трехгорной м-ры — участников революций 1905 г. и 1917 г. Автобиографии этих рабочих собраны Секцией истории пролетариата института истории Ком-академии и хранятся в виде особого фонда.

О. Чаадаева

РАБОЧИЕ О ВОЙНЕ

М о р о з к и н (Трехгорная м-ра)

До 1917 г. я участвовал в забастовках, но о партиях настоящего понятия не имел. За участие в забастовках меня арестовывали и преследовали. Работал я отбельным мастером. После долгих скитаний я попал, наконец, в 1914 г. на Трехгорную м-ру. Работал раздельщиком. Слышу, на фабрике идут разговоры о забастовке. Требовали прибавки жалованья, увеличения награждения. Забастовка была экономическая. Стала фабрика, рабочие собрались на спальне и говорят:

— Пойдемте останавливать завод Мамонтова и Грачева!

Завод Мамонтова мы остановили, но появилась полиция и стала нас разгонять; мы разбежались кто куда... Тут объявили войну. Понаехало начальство, стали уговаривать:

— Ребята, сейчас бастовать не время. Сейчас нужно защищать Россию, итти на войну.

Сказали, что тем, кто будет работать и будет мобилизован, дадут по 25 руб. Забастовка кончилась. На другой день было объявлено, что фабрика будет работать три дня в неделю. Началась мобилизация. Рабочие у заставы стояли, прощались с женами, плакали. Пошли мы с двумя братьями складальщиками (фамилии не помню) в город, в центр. Как раз против памятника Скобелева, сейчас против московского совета, один прилично одетый человек произнес речь, пристроившись на фонаре; говорил, что прохоровская фабрика бастует на немецкие деньги. Тогда я говорю своему товарищу:

— Я пойду скажу, что мы бастуем не на немецкие деньги, и в то время, когда я махну рукой, ты ударь какого-нибудь господина, выбери который потолще, и кричи: «немецкий шпион», а я под шумок убегу.

Вскочил я и говорю:

— Я—прохоровский рабочий, бастуем мы, предъявляя такие-то и такие-то требования, никаких немецких денег мы не получили. Это вранье, и вас обманывают!

Махнул рукой — и в толпе поднялся шум. Мы убежали.

У памятника Пушкина тоже выступали ораторы, а по Тверской проходила демонстрация с хоругвями и с криками: «Долой Германию и Австрию! Да здравствует Англия и Франция!». Когда замолкли, я крикнул: «Долой войну! Не надо крови!» Меня сзади студент толкнул и ударил, но товарищ оттащил меня от него. На третий день отправлялись первые эшелоны. Но несколько человек пошло в сад «Аквариум» и заставили музыку играть «Марсельезу». Музыка заиграла, но нас из сада тут же удалили. Заказывать «Марсельезу» меня научил Костяка Симонов, он был связан с соц.-демократами.

На фабрике мы организовали читку газет. В 1915 г. Прохоров стал работать на казну. Но в лавках был затор. появились очереди, начались погромы лавок. Раз разгромили шесть продовольственных лавок, а полицию разогнали булыжниками. Громили немецкие, а то просто иностранные магазины. Были разговоры среди рабочих, что на погромы натравливает само правительство. Появились листовки против войны и листовки думских заседаний. Думскими выступлениями рабочие интересовались. Следили, кто больше всех выступает. Но Пуришкевича больше для смеха читали. Началась недостача в хлебе и в других продуктах. Рабочих-мужчин стало мало, стали везде замечать женщинами. Вся работа была почти на войну. Работа производилась день и ночь, в три смены, в обязательном порядке, без всяких разговоров. Стали рабочих записывать военнообязанными. Настроение стало очень плохое; пошли разговоры о том, что прячут продукты. Многие уже говорили «когда же кончится война»... У кого убили брата, у кого мужа.

Л а з а р е в а А. П. (Трехгорная м-ра)

Двадцать семь лет работаю я на Трехгорной м-ре, а по найму вообще и того больше: с четырнадцати лет добыт-

чицей стала, сейчас мне 52 года. Была я всегда смелая, дотошная, ничего не боялась, да вот неграмотной осталась и до сих пор. Сейчас уж трудно учиться, газеты мне муж читает. В 1905 г. я совалась всюду: и баррикады помогала строить, и туда, и сюда посмотреть бегала. После 1905 г. нам стало житья лучше: стали нам больше жалованья платить, стали мы чище одеваться, и администрация стала с нами вежливей. Но вот началась война. Хозяин всех лошадей на войну отдал, и работали по три дня в неделю; почему, не знаю; наверное, не шел товар. Мобилизовали многих рабочих, а новых не брали. Производство сокращалось; фабрика, думается, кое-как колыхалась. Мужа взяли на войну. Один раз, слышу, сидят два молодых человека на лавочке и между собой говорят:

— Эта война — обман жизни и больше ничего. Что же это Прохоров все для войны отдал? Это они опять нас к барщине хотят пригнать, народ перебить, потравить...

Я и думаю: «Правда, ведь к этому все сводится». Тут последнего сына стали на войну брать. Поехала я в деревню, а там и то догадываться стали. Даже старики уж начали говорить:

— Что это за война? Раньше по двадцати лет воевали, а все не так было. Последнего сына берут, всех побьют.

И я говорю:

— Что же это, в самом деле? Это не иначе, как нас погубить хотят.

Л и д в а н с к и й И. М. (завод «Серп и молот»)

В 1907-08 гг. мы бастовали на экономической почве, в 1911 г. провели первомайскую забастовку и в 1912 г. однодневную забастовку протеста против ленского расстрела. Потом я был выслан за революционную работу и жил в Торжке, Тверской губ. В Москву вернулся в 1914 г. и поступил снова на завод Гужона. Но тут скоро началась мобилизация; меня взяли, и я поехал на фронт. Раньше в солдатах я не служил и как ратник ополчения второго разряда попал в 445-ю Московскую дружину. Потом меня послали в Вар-

шаву. Я участвовал почти во всех боях.

Там была ремонтная оружейная мастерская. Мне хотелось уйти подальше от фронта — я зашел в мастерскую и просил, чтобы меня приняли на работу. Меня сразу же зачислили и обещали вызвать из части. Я уехал на фронт, а потом в часть пришли бумажки, и меня отправили в оружейную мастерскую. В мастерской я пробыл два с половиной года. Когда на Варшаву стали наступать немцы, мы переехали в Минск, потом — в Вязьму, потом — в Гомель. Так мы все время отступали с мастерской, ибо это была тыловая мастерская. Народ здесь подобрался подходящий: московские и ленинградские рабочие, понюхавшие политического пороха. Обыкновенно после боев привозили для починки пулеметы, бомбометное и другое оружие вагонами, но приезжали с оружием и отдельные солдаты. Бывало так, приезжает с фронта солдат с пулеметами, а ему хочется съездить в другой город, к семейству. Он оставляет пулеметы в мастерской, мы задерживаем ремонт на три-четыре дня, а он едет в это время на родину. Попал к нам однажды хороший парень. Съездил он таким манером в Петроград, возвращается и говорит, что в Петрограде беспокойно, того и гляди вспышка. За ним приезжает второй из Москвы, рассказывает то же самое. Мы, московские рабочие, знающие, думаем: не пора ли и нам начинать. В Гомеле кроме оружейной мастерской была еще автомобильная мастерская западного фронта. Там тоже были такие рабочие, как и мы. Связались мы с автомобильной мастерской, иногда собирались в лесочке. Тогда я поставил вопрос о создании комитета. Был создан комитет с с.-д. большинством, но в комиссию входили и эсеры, как, например, один прапорщик-эсер, служивший в канцелярии. Полиция разнюхала и на следующий день арестовала и посадила нас в гомельскую тюрьму. Нам грозила участь тридцати казаков, которые за месяц до нашего ареста взбунтовались в Гомеле и были расстреляны. Отмечу, что после революции мы раскопали их трупы — они так и были зарыты в

цепях — и устроили им торжественные похороны.

Между тем события в Ленинграде разворачивались. Весть о начавшейся революции докатилась до Гомеля. Наши ребята из оружейной и автомобильной мастерских подступили с пулеметами к мосту и предъявили коменданту города требование сдать. Комендант тоже выступил с вооруженной силой, но все-таки договорились мирным путем, обошлось без кровопролития. Требование коменданту было предъявлено тогда, когда мы сидели в тюрьме. Автомобильная и оружейная мастерские и взбудоражились, главным образом, потому, что арестовали своих ребят. Они хотели нас скорее выручить потому, что, зная про случай с казаками, боялись за нашу участь.

Некоторые из нас, работавшие в мастерских, были потом выбраны в члены совета солдатских депутатов, но вскоре после начала революции я снова возвратился в Москву. Гужон вытребовал меня через военно-промышленный комитет.

С и з о в Е. П. (Трехгорная м-ра)

Во время войны работал я на Трехгорке складальщиком. Сверхурочные — часовые — были у нас обязательные. Перед концом работы приходит, бывало, старший и говорит: «Сегодня оставаться». Уж знаешь, что это такое. «Часовые» работали иногда с четырех утра до половины восьмого вечера. Если десяточек кусочков схоронишь, то пораньше уйдешь. Частенько мы это делали: спрячешь сначала несколько кусков, а потом даешь их как отработанные за время часовых. Платили за сверхурочные, не помню сколько. Вместе с часовыми заработок был рублей сорок пять.

В 1915 г. находились уже рабочие, которые кричали: «Зачем нам война?» В это время многих зачисляли работать на оборону. В этом деле, кого взять на фронт, кого оставить работать на оборону, главную роль играл заведующий. Ему понравился — значит, будешь работать на оборону. В 1916 г. у нас стали появляться дезертиры. Смотришь, взяли таких-то на войну, а

на фронт не едут, дезертирничают. Где-то документы такие получили, к ним не подкопаешься. Что ни день, с удовольствием становилось все хуже и хуже. Был я тогда молод. Политикой не интересовался. Вот насчет надбавки, это мое дело. В политике нужны люди поголовастей, и я в политику втянулся только в 1917 г. Тогда я был красногвардейцем и участвовал в Октябрьских событиях.

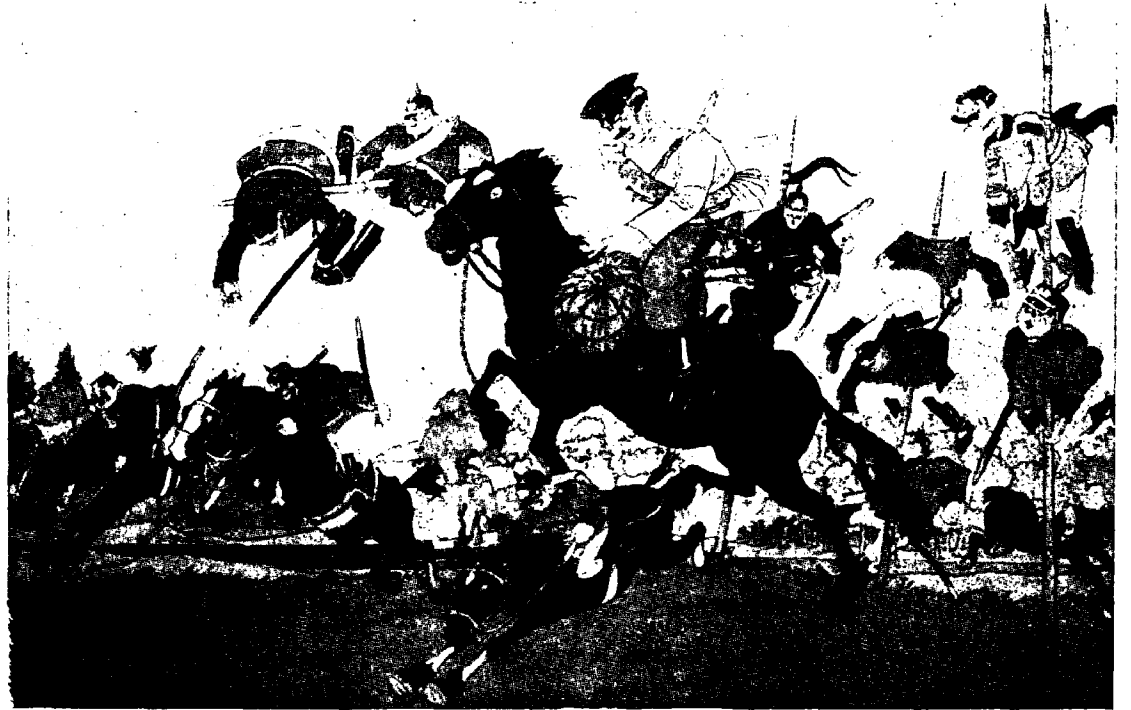
А ф а н а с ь е в П. И. (Трехгорная м-ра)

До 1913 г. я работал на Трехгорной м-ре ткачем. Потом захотелось мне перейти в механическое отделение, но меня туда не поставили, и я уехал на родину. Здесь при ст. Воскресенск поступил моторщиком на ново-цементный завод на 30 руб. в месяц и 12 час. работы в день. Завод был построен немцами. Объявили войну, и на заводе началось сокращение. Я опять приехал в Москву к Прохорову и поступил в конце 1914 г. или в начале 1915 г. в механическую, в электроотдел моторщиком. В 1915 и 1916 гг. на фабрике рабочие читали газеты, обсуждали разные вопросы, о войне, следили за Государственной думой, много спорили в уборных. В то время на фабрике были и темные рабочие, которые симпатизировали Пуришкевичу. Их больше было в красильной, немного в ткацкой. Такие рабочие при приезде царя отбирались в «почетные» на помощь полиции, держали цепь.

В 1915 г. была забастовка. Долго о ней сговаривались. Тяжело стало жить: война, дороговизна. С нашей стороны принимались все меры, чтобы возбудить недовольство против царского строя и войны.

Забастовка длилась дней пять-шесть. Бастовала вся фабрика; дело было зимой. Требования: прибавить жалованье на дороговизну и о внутренних распорядках. Сверхурочные оплачивали в полуторном размере. Нежелавших работать сверхурочно — заставляли. Механический отдел не вылезал из сверхурочных.

В 1916 г. рабочие откровеннее стали высказываться против войны. Патриотическое настроение было у немногих. В массе рабочих были только слезы

Шовинистический плакат, изображающий геройские подвиги Козьмы Крючкова

В начале 1917 г. настроение в Москве и на Прохоровке было тревожное. В связи с разговорами о Думе и Григории Распутине самодержавие теряло какую бы то ни было поддержку. Стали открыто и не боясь говорить: «Долой войну, долой самодержавие».

Мартынов Ф. Я. (Трехгорная м-ра)

До войны мне приходилось читать нелегальную литературу, читал листовки, газету «Правду». В «Правде», помню, были большие экономические статьи, в отношении зарплаты, социального страхования. Знал я только различие между эсерами и эсдеками, но относительно разделения на большевиков и меньшевиков не знал. Наш цех — ситценабивной, был самым революционным. Никто у нас больше 80—90 коп. в день не получал.

В 1915 г. я был мобилизован. Нужно сказать, что я до того от отца ушел. Отец сильно выпивал, а я здорово работал, и вообще жить было тяжело. Вот раз отец стал придирается, что я безбожный. Я обедал, он подходит к столу. «Ты, — говорит, — Дарвина читаешь, а в бога не веришь, я бы тебе есть и не дал» и сбросил чашку с кашею на пол. Я обозлился — у нас в углу стояли иконы, я взял локтем по лампадке с иконами и двинул. После этого стал жить самостоятельно в артели.

Была у нас своя библиотека, я много из нее брал научных книжек.

После мобилизации отправили нас в Калугу. Наши московские новобранцы три дня пропивали свою «волю», перебили всех городских и офицеров. Но скоро это непокорное войско взяли в работу. Сначала превратили их в солдат, обстригли наголо, надели длинные шинели и громадные сапоги, потом пошло: «в морду», винтовка, матерная брань — нам стало очень худо. Начал наш молодняк думать, как бы улучшить свое положение; ждали, как бы поскорее их отправили на фронт. Более непокорные стали дезертировать. Я тоже порешил, что не стоит мне защищать царя и отечество, и удрал в Белокаменную. Но без документов трудно было. Я нарвался на патруль «крестиков». Это были старые солдаты, которых взяли специально для того, чтобы ловить дезертиров; у них были крестики с надписью: «За веру, царя и отечество». Меня отправили под конвоем в батальон. Нужно сказать что за массовые побеги многих судили военным судом, присуждали к каторжным работам; меня тоже судили, и я был отправлен с маршевой ротой на фронт. Уже в дороге на ст. Великие Луки у нас в эшелоне произошел бунт. Предводителем этого бунта был Зубченко. Ночью, часа в три, нас стали будить обедать. Нужно ска-

зять, что каждый был сыт, так как были еще пока деньги. Началось недовольство, почему заставляют обедать ночью. Тогда взводные стали будить насильно. Зубченко стал кричать, чтобы не ходили. «Это безобразие, издевательство, ночью будить на обед» и т. д.; мы заявили, что есть не хотим, и пошли обратно в вагон.

Вдруг ворвался начальник эшелона капитан Булат в вагон, где был Зубченко, вытащил его и начал избивать. Весь эшелон загудел: «Выручай, ребята, выручай!». Но капитан Булат сделал несколько выстрелов, и никто уже не осмелился выйти из вагона. Дальше мы ехали уже без Зубченко, он был арестован, и потом говорили, что его не то расстреляли, не то сослали на каторгу.

Наконец, наш эшелон прибыл в Двинск. Здесь нас всех выстроили и стали осматривать. Нужно сказать, что в пути, пока мы ехали, многие из нас продавали белье и даже продавали палатки, и вот у кого не было палаток, или белья, того приказывали пороть. Приехали на фронт, и сразу началось опять «в морду», нагайки и т. д.; некоторые пытались бежать, но там уже было труднее, и каждый думал: скорей бы ранили, лишь бы попасть в тыл, так как приходилось очень туго от офицерства. Нас, москвичей, разбросали по разным полкам и отправили на фронт. Через некоторое время меня как самого грамотного из всей роты (наш фельдфебель был совсем неграмотный, даже не умел подписываться) отправили на курсы военных фельдшеров в Двинскую крепость. Здесь нас было всего шестнадцать чел. со всех полков, причем все были больше рабочие: питерские, из Москвы, Одессы и других центральных городов. Ребята все были развитые и даже революционные. Проучились мы шесть месяцев, и нас опять разослали ротными фельдшерами. Я за время пребывания в лазарете отвык от солдатчины и, так сказать, рассолдатчился. Даже забыл называть «ваше благородие», «так точно» и т. д. И вот однажды, помню, капитан Адельсон, когда я готовил материал для перевязки, приходит и спрашивает: «Капитан (такой-то)—старший док-

тор — тут?», а я ему говорю: «Нет, наверно, скоро будет». А он мне как даст пощечину. Я опять ему говорю: «Скоро будет», а он мне опять пощечину. «Ты, — говорит, — забыл, сукин сын», а я действительно соедем забыл, что нужно отвечать «так точно», «никак нет».

Я все время хотел бежать, так как я был всегда против войны. Наши ученики в своем большинстве тоже были против войны и старались как бы уйти с фронта и найти хотя бы выход в фельдшерской работе. Мы там свободно говорили о войне, и у нас у всех было пораженческое настроение. Однажды приехали казаки в крепость. Пошел сильный дождь с градом, град был очень крупный — с куриное яйцо. Двое казаков стояли и поили лошадей и говорили: «Вот немцу бы по затылку этим градом, тогда и война бы кончилась». Я возьми да и прибавь: «Да и нашим офицерам». Меня схватили и посадили в крепость, спрашивали, что я говорил против офицеров. Я заявил, что ничего не говорил, и меня выпустили, да за меня старший врач еще заступился, так как я очень хорошо учился. Потом все стали осторожнее, боялись говорить, в это время на фронтах товарищи стали опрокидывать кухни, было недовольство тем, что кормят плохо и т. д. Отношение к войне было, конечно, отрицательное, а я вообще был против того, чтобы служить.

Так что во время войны я был определенно пораженцем, однажды даже во время гулянья за то, что я говорил против войны, меня избили. Я радовался, когда наши терпели поражения, так как думал, что скорее будет революция. Из запасных батальонов я бежал раз шесть. В запасных батальонах обыкновенно обучали 2-3 месяца и затем отправляли на фронт. Меня судили в военном суде, я стоял часто под винтовкой, сидел на гауптвахте и т. д. Один раз я ударил старшего, но хорошо, что у меня были деньги, я ему дал рубля два, и он никому не сказал.

Однажды вместо говядины нам в полк привезли тухлых зайцев. Полк взбунтовался и разбил гранатами кухню с этими зайцами. Господа офицеры,

видя, что во всех этих волнениях главную роль играют городские фабричные рабочие, задумали избавиться от них и издали приказ: «Все, кто раньше работал на фабриках и заводах, должны заявить об этом, так как они будут отправлены в тыл на работу в военную промышленность». Но на эту удочку мало кто поддался.

А потом пришла революция.

Г р и б о в Ф. (зав. б. Бромлей)

Во время войны я работал на заводе Бромлей на самом крупном строительном станке. У нас часто бывали протесты по разным случаям и однодневные забастовки. Такие выступления заводской администрации не нравились, тем более, что завод Бромлей вырабатывал массу станков для точки снарядов. На завод обращало внимание и градоначальство. Незадолго до Февральской революции директор завода вызвал нас, восемнадцать человек, к себе (мы были у него все на учете) и сказал: «Меня сейчас вызывал к себе градоначальник и сказал: «Я у тебя арестую всех зачинщиков, которые будоражат рабочих, заставляя их делать протесты и однодневные забастовки; этим они вредят государству, срывая заготовку снарядов для войны». Я, — заявил нам директор, — дал слово, что поговорю с вами, и сказал, что уверен в том, что вы, как люди, сознающие положение государства, в дальнейшем удержите всех рабочих от выступлений. Поскольку я поручился, то я прошу от вас честного слова, что вы не будете выступать. Я знаю, что вся сила в вас, и от вас прошу я слова воздержаться. Ответ градоначальнику я должен сдать к трем часам дня. Если же я к этому времени не дам ответа, то, несмотря на то, что я вас и отстаиваю, вас могут арестовать, поскольку списки на вас в градоначальстве откуда-то имеются». На эти слова я сказал, что запугать нас арестом нельзя, мы ареста не боимся, честного же слова, я полагаю, мы не дадим, поскольку не имеем на это абсолютно никакого права. Да если бы мы и дали слово, что не будем бастовать, то ведь бывает волна, которая захлестывает и смывает все на своем пути. То

же говорил и Григорьев, Усачев, Тихомиров и другие, и мы дать какое-либо слово отказались. Конечно, арестовать нас — не арестовали, зная, что это пахнет сстаноеккой завода. В это же время у нас на заводе успешно проводился сбор в пользу арестованных с.-д. б. депутатов 4 Государственной думы, раздавались при этом открытки, где они сняты в тюремной одежде.

В конце февраля мы ставили в учительском доме спектакль, ставили силами своей культкомиссии. Билеты были все распроданы еще заранее, но градоначальник Тимофеев мне как ответственному распорядителю долго не давал разрешения на постановку и на печатание афиш. Но все же разрешение я получил, и спектакль был поставлен. Если бы кто мог думать, что наш спектакль будет предвестником революции, то нас не только арестовали, но и повесили бы. Спектакль был сборный, ставилась: «Сцена у фонтана» из «Бориса Годунова», «Буревестник» и главное «Красный цветок». В этом «Красном цветке», когда сумасшедший бежит из больницы, у него в петлице красный цветок, а он, взяв его в руки, говорит: «Это не цветок, а красное знамя, которое я держу в своих руках, оно разовьется по всему миру, все люди пойдут за этим красным знаменем» (играл роль сумасшедшего Григорьев). После этого продолжать было невозможно, поскольку, с одной стороны, помощник пристава велел мне прекратить постановку, а с другой — все рабочие, присутствовавшие на спектакле, стали так бурно аплодировать, что абсолютно ничего нельзя было больше слышать. Эта постановка была 26 февраля, т. е. накануне революции.

К р у п и н В. А. (Трехгорная м-ра)

За участие в событиях 1905 г. (был дружинником) и за революционную работу после 1905 г. я несколько лет просидел в Таганской и Бутырской тюрьмах, затем в 1910 г. был сослан на поселение в Амурский край. С 1914 г. стал жить вольнопоселенцем в Иркутске, а потом вернулся в Москву — на родину. Здесь я был мобилизован и направлен сначала в 1-й гренадерский полк. Потом в Екатеринбургский. При мобилизации

я встретился с нашими товарищами Новиковым, Смирновым и другими, — они были в Перновском полку. С ними в ссылке я участвовал в организации побега Фрунзе.

Нас отправили в деревню Лода на австрийском фронте. Тут я встретился с бывшим фельдшером с мамонтовской фабрики Сергеевым, эсдеком с 1905 года. Благодаря ему я узнал о существовании военной подпольной организации. Это было в начале 1915 г. Сергеев нам предложил перейти в дезертирство. Мы (я, Новиков, Семенов из печатного отделения) вели агитацию против войны, переходили из полка в полк. Я полагаю, что эта организация была социал-демократическая.

Мы стояли в деревне Оршанке. Было объявлено наступление. Сергеев получил предложение из подпольной организации сагитировать солдат, чтобы они не шли в бой. Мы распропагандировали почти целую роту и 150 человек увели в лес. За это нас велели арестовать и предать полевому суду.

Мы перешли в Киевский полк, по дороге я был ранен в руку, и меня отправили в Люблино, а потом в Москву. Старший брат взял меня к себе на квартиру. Тут я встретился с товарищами по 1905 году. В то время фабрика перешла на оборону, работали хаки и снаряды.

Меньшевистская предательская партия была на стороне фабрикантов и помещиков, тормозила революционную работу на фабрике. Мне вспоминался часто Фрунзе. Иногда приходила мысль спросить у него, что делают враги-предатели меньшевики, но мы потеряли его из виду.

По выздоровлении я был переправлен в запасный полк, а оттуда, после новой болезни, пошел в 265 Вышневолоцкий полк. Там был Новиков, он сказал, что подпольная военная организация под руководством Фрунзе дала задание агитировать против войны. Мы перебрались в Ростовский полк. Тут мы узнали, что ребята нехотя идут на войну. Они были сознательными, вели с ними беседы против войны, они сознавали общее положение. Мы им раздавали листовки, и они их распространяли.

Я заболел брюшным тифом, меня переправили в город Луцк, потом в Седлец, в Холм и Брест-Литовск. Когда поправился, меня перевели в обоз в деревню Большая Лужайка. За это время я потерял все связи, но тут опять встретился с Сергеевым, который сказал, что Новиков находится в X армии, что подпольная организация находится в Минске под руководством Фрунзе.

Я распространял литературу среди обозных. Нас послали ближе к позициям. Тут мы распространяли листовки, переведенные на немецкий язык, среди австрийцев и немцев.

Мы присоединились к Перновскому полку. Нам грозила опасность, но мы не падали духом, переходили из одного полка в другой.

Наши части перешли в наступление; я был ранен в живот и контужен в шею. Меня отправили в лазарет на станцию Замеря, верстах в 15 от Барановичей; через полтора месяца меня отправили в слабосильную команду в деревню Залесье Виленского уезда. Здесь я проработал два месяца. Хорошая была работа в тылу: ребята были против войны, из Москвы приходили сведения о брожении среди рабочих. Я заболел цынгой и был отправлен в Москву.

Потом я перевелся в 265 Вышневолоцкий полк. Здесь под страхом смерти распространял листовки, которые шли непосредственно от Фрунзе. Организатором революционного штаба был врач Чулков. Мы охраняли штаб, как зеницу ока. Чулков послал меня и Ефимова А.Е. ближе к окопам с агитацией против войны, тут было открытое братание, подпольная организация делала свое дело.

В январе 1917 года я заболел дезинтерией снова, и меня отправили в Гомель; здесь также даже сестра и врачи открыто были против войны. Весь февраль я был болен. Пришли вести, что что-то неладно, я понял, что надвигается революция. Но меня скоро эвакуировали в Москву, и я переверот пережил там.

Д е м и н а А. О. (Трехгорная м-ра)

Работала я в Трехгорной м-ре с 1904 г. В 1905 г. была я в летучем санитарном отряде и, как могла, помогала

товарищам, участвовавшим в декабрьском вооруженном восстании. Но в партии я не была и в партиях не разбираюсь. Была неграмотная, но на массовки ходила и после 1905 г. Началась война. Забрали обоих моих братьев. И я частенько плакала с теми женщинами, у которых забрали или мужа, или брата, или кого другого из близких. Слез вообще много было тогда. Было как-то жалко тот народ, что на войне. В это время не было уже революционных кружков. Все как-то растерялось. Кто ушел, кого забрали на войну... Во время войны были митинги на пункте, где парк, за Пресненской заставой, но я об этом мало помню.

Зенкевич С. Я. (Трехгорная м-ра)

На старой Прохоровке я работал давно: пережил на ней 1905 г. После 1905 г. политическая работа здесь не прекращалась, были маевки в 1908, в 1910, в 1912 и в 1914 гг. Когда в июле 1914 г. была объявлена война, у нас шла забастовка, четырехдневная, итальянская, за прибавку жалованья, сокращение рабочего дня, требовали награды за целый месяц; у нас было выставлено 15-16 пунктов. Пробастовали два дня, была объявлена война; мы продолжали бастовать, и когда начали вызывать мобилизованных, мы все еще бастовали. Но мобилизация все-таки сорвала забастовку, забастовка ликвидировалась сама собой. Жалованья прибавили приблизительно пятачек на рубль. Мобилизации проходили тихо, смиренно, а мы ждали другого. Мы ожидали, если начнется война, будет очень сильное движение, я в это время уже сочувствовал большевикам; мы с т. Емельяновым в это время добывали литературу и читали на молебнах, которые Прохоров устраивал в августе каждый год.

Мы всегда затевали разговоры о наградных и почти каждый год добивались их.

Новиков П. И. (Трехгорная м-ра)

На Трехгорной мануфактуре я работал ткачем с 1911 г. С самого начала войны меня призвали в армию, и я служил в 11 гренадерском Самогитском

полку. 18 июля 1914 г. я был отправлен на фронт под Люблин. Пробыв 17 дней в одном из боев, я был 17 августа под Туробиным ранен в правую ногу в ступню навывлет. Меня оттуда отправили в Москву. Пробыв здесь месяца четыре, потом нас отправили вторично на пополнение. Когда я приехал в Радом, то не пошел на позиции, потому что видел, что там толку мало, голову положишь ни за что. Я держал план, как бы мне оттуда вернуться обратно в Москву. Мой брат родной служил в 11 Псковском полку на австрийском фронте под Киевом. Я это знал. Я написал себе на погонах «11 Псковский полк» и, как отставший от полка, поехал на Ковель. Приехал на Здолбуново. Это конечная станция военной зоны, где уже прорваться на Москву трудно. Мы, из числа пяти человек, купили косынки, бинты и «сделались» ранеными. Я себе забинтовал левую руку, подвязал косынкой, посыпал иодоформом, чтобы запах был. Сидим на станции, дожидаемся поезда на Киев. К нам подходят сестры милосердия, спрашивают: «Вы отставшие раненые? Сейчас поезд подходит, садитесь в вагон и поедете на Киев». Посадили нас в вагон. Угощали печеными яблоками, как раненых. В Киеве нас встречают санитары. «Вы отставшие раненые? Идите в лазарет на перевязку». Идти в лазарет было, конечно, опасно. Я ответил: «Там еще есть некоторые, идите туда встречать». Когда я увидел, что санитар порядочно далеко отошел от меня, я снял повязку, сунул в карман и пошел в Киев. То же сделали и другие. Теперь от Киева нужно было пробраться на Москву. Пробыв дня три в Киеве, я послал письмо с красным крестом на конверте жене и написал, что я, может быть, приеду в слабосильную команду в Москву. Сделал я это потому, чтобы контора спален знала, что будто бы я на самом деле приеду больным.

Три дня спустя пошли на станцию в 12 верстах за Киевом. В Киеве садиться было опасно, так как могли подцепить. Мы пришли к станции ночью и боялись подходить. Кинули жребий, кому идти на разведку, нет ли там жандармов. Досталось одному, который по-

шел, разведаль и сказал, что там много солдат и спокойно можно садиться. Мы немного погодя сели на поезд и поехали в Москву. Дорогой пошел ревизор, стал проверять документы, и оказалось, что таких раненых, как мы, два полных вагона. Подъезжаем мы к Брянску. Он запер вагоны на ключ, и нам видно было в окно, как он стал разговаривать с комендантом станции, предлагая ему отправить вагоны обратно. Комендант отказался. «Их тут много каждый день, не успеваешь порционные выдавать — они опять назад едут». Тогда наш вагон отперли, и мы поехали свободно на Москву. Здесь пробыл я месяцев семь, но увидел, что жить так все время не удастся, можно попасться. Тогда я пошел к этапному коменданту в Крутицкие казармы. Там пришлось сознаться, другого выхода не было, потому что документов у меня не было никаких. Меня и других отправили опять на фронт. Мы отправились в штаб гренадерского корпуса на позиции. Нас было 290 человек. В штабе корпуса нас построили, вышел капитан, который на-

чал ходить по порядку и спрашивать: «Ты с какого года?» Другому: «Выйди вперед». Ко мне подходит: «С какого года?» — Я говорю: «С 1907». — «Женат?» — «Женат». — «А дети есть?» — Я говорю, что двое. — «Выйди вперед». И так он отобрал из нас 30 человек. «Вы, — говорит, — пойдете в транспорт гренадерского корпуса и будете ездить на козлах в транспорте, а вы поедете на позиции, говорит остальным, — кресты получать».

Пришел я в транспорт, дали мне лошадей. Тут началось отступление на 500 верст, когда немцы нас погнали. А потом мы остановились в местечке Песочном и здесь стояли год-полтора на одном месте.

Когда объявили эту войну, у меня не было патриотического настроения. Я с самого начала разбирался в этом вопросе. Я смотрел на тех, которые шли «верою и правдою» защищать батюшку царя, и им не верил. Я все старался, как бы мимо махнуть, а чтобы «верою и правдою» голову сложить — нет уж, спасибо! Я не хотел войны, я ее ненавидел.

Братание

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО
ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА
КЛЕЙНУ и МОЛЛЮ

26, "Kornhillton" St. "Stockport" Road
Manchester, 8 Feb 1870.

Liebe Freunde

Ich bin, wie ich immer bin, sehr dankbar für
den Brief vom 3. Februar, der mich sehr erfreut
hat. Ich bin sehr glücklich, dass ich denn
mal wieder, wie früher, mit euch in
den Briefen so persönlich verkehren
kann. Ich bin sehr dankbar für
die vielen, die ich durch euch
kennen gelernt habe. Ich bin
sehr dankbar für die vielen
Bilder, die ich durch euch
kennen gelernt habe. Ich bin
sehr dankbar für die vielen
Bilder, die ich durch euch
kennen gelernt habe.

Начало письма Ф. Энгельса Клейну и Моллю. Воспроизводится впервые. (Ин-т Маркса и Энгельса).

Ф. ЭНГЕЛЬС — КЛЕЙНУ И МОЛЛЮ

Манчестер, 8 февраля 1870 г.

«...Мне хорошо памятен Золинген еще с 48 и 49 г. Не только потому, что золингенские рабочие были тогда самыми развитыми, самыми боевыми в Рейнской провинции, что показала также и эльберфельдская история. Я лично обязан им особой благодарностью, ибо золингенский отряд, с которым я прибыл в Эльберфельд, поддержал и защитил меня там от трусливого и предательского Комитета общественного спасения «радикальной» буржуазии. Если бы не золингенцы, эти буржуа упрятали бы меня в тюрьму, где я, наверно, и остался бы как искупительная жертва господ пруссаков...»

ЭНГЕЛЬС ПО ПОВОДУ ЕГО УЧАСТИЯ В ЭЛЬБЕРФЕЛЬДСКОМ ВОССТАНИИ В МАЕ 1849 г.

Письмо Энгельса от 8 февраля 1870 г., отрывок из которого мы воспроизводим в виде факсимиле, лишь недавно стало известно и до сих пор нигде не опубликовано, даже на немецком языке. Фотокопия с него находится в архиве Института Маркса и Энгельса.

Поводом к письму послужило письменное обращение к Энгельсу двух руководителей золингенского рабочего движения с просьбой оказать золингенским рабочим материальную помощь для основания потребительской кооперации. Так как Маркс и Энгельс придавали важное значение поддержанию непосредственной связи с этими рабочими, которые энергично боролись с культом Лассалья в Рейнской провинции, где влияние лассальянцев было особенно сильно, то Энгельс удовлетворил их просьбу, хотя и не в просимых размерах.

Воспроизводимый здесь отрывок из его ответного письма напоминает нам об участии Энгельса в вооруженном восстании в Западной Пруссии и Южной Германии в мае—июне 1849 г. — в так называемой «борьбе за имперскую конституцию», в частности об его участии в восстании в Эльберфельде—городе, где он в юности посещал в течение трех лет гимназию.

Эльберфельд, равно как Хаген, Изерлон, Золинген, Зигбург и др., принадлежал к тем неукрепленным индустриальным центрам левого берега Рейна, в которых, согласно разработанному Энгельсом от имени редакции «Новой рейнской газеты» стратегическому плану, должна была быть произведена «диверсия» путем устройства локальных восстаний и баррикадных боев. План этот был принят демократическими вождями Рейнской провинции в Вестфалии. Целью «диверсии» было удержать на месте гарнизоны рейнских крепостей (Кельна Дюссельдорфа и др.), отвлечь таким путем часть прусской армии и тем временем устроить восстание в Южной Германии, прежде всего в Бадене и Пфальце, где непосредственно предстоял переход на сторону революции регулярной армии, которую в течение ряда месяцев обрабатывали радикальные демократы. Этот план давал возможность выиграть время для организации революционной армии и для распространения движения на север и восток.

Энгельс прибыл из Кельна в Эльберфельд через Золинген 11 мая, через два дня после того, как началось восстание и была отражена первая атака пруссаков, пославших в город несколько рот пехоты и два орудия. Задача состояла теперь в том, чтобы поскорее и самым

энергичным образом подготовиться к новой, более сильной атаке военщины. В момент своего прибытия Энгельс застал следующее положение.

Хотя в постройке и защите баррикад принимали участие почти исключительно рабочие, руководство движением захватила тотчас в свои руки мелкая буржуазия через созданный ею в первый же момент восстания Комитет общественного спасения. Но едва зашла она так далеко, как сама испугалась собственного могущества. Комитет поспешил добиться своей «легализации» со стороны самораспустившегося городского совета, т. е. крупной буржуазии, и принял в свой состав пять членов совета. Затем он тотчас же постарался избавиться от всякой деятельности, сопряженной с опасностью, передав военные дела «военной комиссии», сохранив, однако, за собой опеку и надзор за этой комиссией, связывавшие ее деятельность и толкавшие ее в сторону умеренности. Обеспечив себя таким образом от всякого непосредственного соприкосновения с восстанием, дрожащие мелкие буржуа из Комитета общественного спасения могли ограничиться успокоением умов, братанием с испугавшейся крупной буржуазией и парализованием всякой энергичной деятельности под предлогом, что сперва-де необходимо подождать возвращения посланной в Берлин депутации, которая привезет, может быть, известие, что прусское правительство уже добровольно признало имперскую конституцию.

Вся остальная мелкая буржуазия шла, естественно, рука об руку с Комитетом общественного спасения, мешала, как могла, принятию мер для защиты города и вооружения населения и убедила себя в том, что ее пустые угрозы заставят правительство пойти на уступки.

За нею шла, во всяком случае находилась под ее влиянием, большая часть рабочих. Как только обнаружились колебания мелкой буржуазии и Комитета общественного спасения, обнаружились колебания также и среди рабочих. Лишь небольшая часть сохранила выдержку, но она почти совсем не имела оружия. Как и повсюду, люмпен-пролетариат можно было купить уже на второй день движения, а так как крупная буржуазия имела больше всего денег и эти деньги были у нее оставлены, то многочисленный в то время в Эльберфельде люмпен-пролетариат фактически целиком оказался на стороне крупной буржуазии. Из 2 500 чел., имевших оружие

в день приезда Энгельса, 11 мая можно было целиком положиться лишь на небольшую кучку эльберфельдских рабочих и значительные подкрепления из рабочих близлежащих промышленных городов, в первую голову на 500 з о л и н г е н с к и х рабочих, с которыми Энгельс связался еще до своего приезда. Из ландсвера лишь несколько десятков были готовы к бою, остальные объявили себя нейтральными. Гражданское ополчение, которое было готово защищать только свое добро, уже начиная со второго дня — и чем дальше, тем больше — стало превращаться в контрреволюционную, направленную прямо против пролетариата военную силу.

При таком положении вещей нет ничего удивительного, что когда Энгельс предложил 11 мая свои услуги Комитету общественного спасения в Эльберфельде, последний встретил его с большим недоверием. Ведь Энгельс принадлежал к редакционному штабу «Новой рейнской газеты», солидаризировавшейся с восстанием парижского пролетариата в июне прошлого года, высмеивавшей «демократическую конституцию» с кайзером во главе как комедию «фабрикации кайзера» и ведущей, начиная с половины марта, все более энергичную агитацию за политическое, организационное и идеологическое отделение пролетариата от мелкобуржуазной демократии.

Трусливые мелкие буржуа заподозрили Энгельса в том, что он хочет извратить «характер движения»: он-де приехал для того, чтобы направить движение за имперскую конституцию в коммунистическое русло. Один из членов Комитета спасения предложил Энгельсу сообщить его намерения.

Само собой разумеется, что ни Маркс, ни Энгельс не думали тогда, что момент для пролетарской революции, для непосредственного установления пролетарской диктатуры уже наступил. Их тактика была направлена в это время к тому, чтобы придать буржуазно-демократической революции наиболее законченный, заверченный характер. Начиная с середины марта 1849 г., с тех пор как внутри-и внешнеполитические события указывали на назревание нового революционного кризиса и на подъем новой революционной волны, редакция «Новой рейнской газеты» и руководители кельнского рабочего ферейна стали все энергичнее пропагандировать лозунг «социальной», «красной» республики — лозунг, содержанием которого была революционно-демократическая диктатура пролетариата и мелкой буржуазии города и деревни, которая может быть осуществлена путем с о в м е с т н о й революционной борьбы против монархии, аристократии, чиновничества и крупной буржуазии.

Когда дело дошло до того что вопрос об имперской конституции хотя и монархической, но все же либеральной и общенациональной, привел к вооруженному конфликту между народом и правительствами, Маркс, Энгельс и их единомышленники, решили, так сказать, неофициально принять участие в восстании,

чтобы энергичными действиями толкать его вперед, чтобы создать точку опоры для самостоятельного организационного и политического оформления пролетарских элементов и более благоприятную основу для борьбы за пролетарское руководство, за превращение буржуазно-демократической революции в пролетарско-социалистическую.

Таким образом, на вопрос о его «намерениях» Энгельс нашел возможным ответить, что «он хочет заняться лишь военными делами и отстаться совершенно вдали от политического характера движения, так как ясно, что пока возможно лишь черно-красно-золотое движение».

Так попал Энгельс в «военную комиссию» и был уполномочен последнею осмотреть баррикады, усилить укрепления и расставить пушки по своему усмотрению. Он принялся за работу с бурной энергией. В первый же день он организовал пионерскую роту и приказал устроить новые баррикады у различных выходов из города. Он участвовал во всех заседаниях военной комиссии, толкая ее на энергичные действия, на решительные меры против колеблющихся или прямо реакционных элементов. Уже в военной комиссии он натолкнулся на противодействие. Лишь два руководителя ландвера, Гильман и Гюнербейн, и оберкомендант Отто фон Мирбах, старый революционный офицер, поддержали его. Еще сильнее связывали его по рукам и ногам обыватели из Комитета общественного спасения, когда приходилось проводить мероприятия по вооружению и укреплению города. Каждый обыватель, перед домом которого он приказывал устроить баррикаду, бежал тотчас в ратушу и добывал у комитета контрприказ. Средства на самую минимальную оплату труда рабочих, строивших баррикады, удавалось выжать из Комитета с огромнейшим трудом. Вследствие охватившей мелкую буржуазию трусости и невероятной неразберихи сбежала значительная часть иногородных подкреплений. Подлинно революционные боевые силы все больше таяли, в то время как буржуазное ополчение все больше сплывало и с каждым днем все откровеннее давали себя знать его реакционные вождения.

Буржуазии удалось также отвлечь от движения эльберфельдских рабочих путем преследований, клеветы и принудительных мер и сделать их равнодушными к его судьбам. Энгельс требовал обезоружения гражданского ополчения и раздачи его оружия готовым к борьбе рабочим. Однако Комитет общественного спасения и слышать не хотел о подобных «террористических действиях». Все же Энгельс на свой страх и риск приказал забрать восемьдесят ружей в одной буржуазной роты; но это оружие оказалось самым легкомысленным образом розданным падкому до водки люмпен-пролетариату. В тот же вечер это оружие было продано буржуазии, которая вооружила им фабричных надсмотрщиков и «благонадежных» рабочих.

Несмотря на трудности и препятствия энергия Энгельса не ослабевала. Его неутомимая деятельность, его энергичные мероприятия, его постоянный нажим, его «террористические» предложения, захват восьмидесяти ружей, стойкость золингенских рабочих и других партизанских отрядов, доверие которых Энгельс завоевал, наполнили эльберфельдскую буржуазию, обывателей и членов Комитета общественного спасения, становившихся трусливее с каждым днем, подлинной ненавистью к этому настойчивому, кипучему человеку, который начал всерьез проводить в жизнь то, что для них было лишь пустыми словами: их обещания «отдать свою кровь и состояние за имперскую конституцию». Травля против него за его «коммунистические действия» усиливалась с каждым днем, и когда он приказал 13 мая заменить на ряде баррикад черно-красно-золотые знамена к р а с н ы м и — доказательство того, что Энгельс никогда не упускал случая, даже при совместных выступлениях с некоторыми слоями буржуазии против абсолютизма, «вырабатывать у рабочих возможно ясное сознание о враждебных противоречиях между пролетариатом и буржуазией» («Коммунистический манифест»), — это переполнило чашу. Буржуазия удвигла травлю, обыватели были возмущены, Комитет общественного спасения, отдельные члены которого были подкуплены богатыми промышленниками, негодовал, «весь город», как принято говорить в таких случаях, требовал немедленного удаления «красного республиканца», «коммунистического сокрушителя основ». «Рано утром (14 мая) возбуждение народа было так велико, — пишет в своих воспоминаниях один из мелкобуржуазных руководителей движения в Эльберфельде, — что к о н т р в о с т а н и е можно было предотвратить лишь благодаря быстрому удалению красных тряпок, а с а м о с у д н а д Э н г е л ь с о м — лишь удалением его из города».

Тем, что над Энгельсом не был учинен самосуд, что он не был арестован и выдан затем пруссакам, что он смог живым уйти из этого города, — всем этим мы обязаны, как это видно из вышеприведенного отрывка из его письма, прежде всего золингенским рабочим, которые готовы были «защитить его ценою своей жизни».

Энгельс не допустил кровавого столкновения между «красными» и «трехцветными» революционерами. В тот момент, когда происходившее в Бадене и Пфальце восстание под трехцветным знаменем имперской конституции представляло еще известные революционные перспективы, было бы совершенно безрассудно и даже вредно допустить в Эльберфельде до такого обострения противоречий,

поскольку главная масса населения уже отвернулась и предала революционные элементы, стремившиеся к борьбе. Утром 15 мая Энгельс покинул город и вернулся в Кельн.

В тот же день эльберфельдцы приступили к ликвидации военных приготовлений. Поднялись вопли о покое и порядке, стали требовать удаления «чуждых» элементов. Члены Комитета общественного спасения либо прятались, либо бежали. Гражданское ополчение начало разбивать баррикады. Вооруженные отряды рабочих, в том числе и золингенцы, ушли 16 мая под начальством Мирбаха и Гюнербейна, чтобы присоединиться к революционной армии во Пфальце. Часть из них была схвачена крестьянами окружающих деревень, подстрекаемыми погромной агитацией, и выдана пруссакам. Другая часть прорвалась во Пфальц. Здесь они примкнули к партизанскому корпусу Виллиха и, по свидетельству Энгельса, принимавшего участие в баденско-пфальцском восстании в качестве адъютанта Виллиха, очень храбро дрались в последних решающих боях у Мурга.

Эльберфельдское восстание, восстание в сравнительно значительном по тем временам индустриальном центре Германии, обнаруживает, хотя и в рамках отдельной местности, все существенные черты «незавершенной» буржуазной революции 1848-49 гг., в которой центральным, общенациональным вопросом являлся не крестьянский вопрос, а вопрос «объединения» — создания единой государственной и хозяйственной территории.

В 1848-49 гг. буржуазия уже не могла, а пролетариат еще не был способен взять в свои руки руководство народной революцией и совершить последовательно демократическое преобразование страны. Пролетариату не удалось осуществить гегемонию в общереволюционном движении, и поэтому успех революционного восстания народа был сведен на-нет.

ЛИТЕРАТУРА:

- «Neue Rheinische Zeitung, Köln, Mai 1849.
Ф. Э н г е л ь с, «Борьба за имперскую конституцию», соч. Маркса, Энгельса, т. VII.
Н. J. A. K ö r n e r, «Lebenskämpfe in der alten und neuen Welt», Bd. 2, Zürich, 1866.
С. Н. А. P a g e n s a e c h e r. Revolutionäre Bewegungen im Rheinlande 1830—1850. Lebens-
rinnerungen», Leipzig, 1913.
G. M a y e r, «Friedrich Engels in seiner Frühzeit», Berlin, 1920.
Л е н и н об участии Энгельса в восстании в Эльберфельде, Соч, т. VII, стр. 271 и 272.

Ф. ЭНГЕЛЬС О ВОЙНЕ

В 1887 году во введении к брошюре социалиста Боркгейма «На память немецким убийцам патриотам» — вернее, ура-патриотам — о 1806—1807 гг.» («Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807») Фридрих Энгельс с замечательной прозорливостью предсказал ход и исход империалистической войны 1914—1918 гг.

Ничего «сверхъестественного» разумеется в этом факте не заключается — наоборот: на этом примере мы лишний раз убеждаемся, что учение Маркса и Ленина — единственно верный ключ к познанию и природы и общества, к познанию путей развития и гибели капитализма. В данном случае Энгельс блестяще применил марксистский метод к тем общественным явлениям, которые он изучал в течение всей своей жизни: к вопросам международных отношений, войн и их последствий для хода классовой борьбы пролетариата. Обращаем внимание читателей хотя бы на ту частности, что Энгельс за 27 лет до начала империалистической войны предвидел ее трех-четырёхлетнюю длительность — в то время как умнейшие буржуазные «государственные мужи» и военные стратеги вплоть до 1914 г. (и даже в начале войны) были уверены что война «не может» продлиться более трех месяцев.

Ныне, 17 лет спустя после начала империалистической войны, в период бешеной подготовки со стороны наших классовых врагов интервенции против страны победоносной пролетарской диктатуры — уместно напомнить «пророческие слова» Энгельса: они бьют не только по фашизму, который под дымовой завесой «патриотических» фраз подчиняет пролетариат открытой кровавой диктатуре буржуазии. Эти слова Энгельса — пощечина с.д., которые не использовали и не используют предсказанных Энгельсом «условий для окончательной победы рабочего класса», а, начиная с 1914 г., систематически предают классовые интересы пролетариата в угоду гниющему капитализму э п о х и и м п е р и а л и з м а.

На русском языке полностью политическая часть «Введения» публикуется впервые (начало «Введения» излагающее биографию С. Боркгейма, нами опущено), конец «Введения» — от слов: «для Пруссии — Германии» — переведен на русский язык в статье Ленина «Пророческие слова» (собр. соч. — 2-е и 3-е изд., т. XXIII, стр. 105—109), где Владимир Ильич напомнил (в июле 1918 г.) современному пролетариату забытое предсказание Фридриха Энгельса.

М. Кармин

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА К БРОШЮРЕ БОРКГЕЙМА «На память немецким убийцам — патриотам о 1806-07г.»

«Герои убийства — патриоты» появились вскоре после французской войны в «Фольксштаате»¹ и тогда же вышли отдельным изданием. Они оказались прекрасным противоядием против того ура-патриотического опьянения победой, которой упивалась и упивается и поныне официальная и буржуазная Германия. И действительно, нет лучшего средства отрезвления, чем напоминание о том времени, когда превозносимая ныне до небес Пруссия потерпела постыдное, позорное поражение от тех самых французов, которые возбуждают теперь такое презрение в качестве побежденных². Действие этого средства должно было сказаться тем сильнее, что рассказ о роковых фактах заимствован из книги, в которой прусский генерал, к тому же директор всеобщей военной школы³, изображал картину позора, и

надо признать изображал объективно и без прикрас, на основании официальных прусских документов.

Большая армия, как и всякая крупная общественная организация, бывает лучше всего тогда, когда, потерпев сильное поражение, она уходит в себя и начинает каяться в своих прошлых грехах. Так было с пруссаками после Иены и вторично после 1850 г., когда они, хотя и не потерпели крупного поражения, но увидели сами и обнаружили перед всем миром полный военный упадок Пруссии. Этот упадок сказался в ряде небольших кампаний в Дании и южной Германии, а также и при первой же крупной мобилизации 1850 г., когда пруссаки избегли действительного поражения лишь ценою политического позора в Варшаве и Ольмюце. Они вынуждены были подвергнуть свое прошлое беспощадной критике, чтобы научиться лучшему. Их военная литература, давшая такую звезду первой величины, как Клаузевиц, и затем пришедшая в глубокий упадок, снова под влиянием самокритики достигла высокого уровня. Одним из плодов

¹ «Volksstaat» («Народное государство») — название газеты германских с.д., так называемых эйзенахцев; выходила с 1869 г. до 1876 г.

² Речь идет о сражении близ города Иены (14 октября 1806 г.), когда французский император Наполеон I одержал решающую победу над Пруссией.

³ Основные факты брошюры Боркгейма взяты из книги ген. Гепфнера «Война 1806—07 гг.»

этой самокритики явилась книга Гепфнера, из которой Боркгейм заимствовал материал для своей брошюры.

И теперь еще необходимо будет постоянно напоминать о той эпохе подъема и поражений, королевской бездарности и хитрой глупости прусской дипломатии, ставшей жертвой своего собственного двуличия, об эпохе кичливого аристократического офицерства, отличающегося трусливым предательством, эпохе всеобщего разложения чуждого народу, основанного на сплетении лжи и обмана, государственного строя. Немецкие обыватели (к числу которых относятся также аристократы и правитель) стали еще более заносчивы и шовинистичны (если это вообще возможно), чем в ту пору. Дипломатия стала значительно наглей, но сохранила прежнее двуличие; аристократическое офицерство достаточно размножилось естественным и искусственным путем, чтобы по-прежнему осуществлять старую власть в армии, а государство становится все более и более чуждым интересам широких народных масс, дабы превратиться в консорциум аграриев, биржевиков и крупных промышленников для эксплуатации народа.

Во всяком случае, если опять дойдет до войны, то прусско-германская армия, хотя бы уже потому, что она была образцом для организации всех других армий, будет иметь значительные преимущества как перед своими противниками, так и перед своими союзниками. Но никогда уже она не будет иметь тех преимуществ, какие она имела в двух последних войнах. Вряд ли возможно будет, например, иметь опять такое единство верховного командования, какое было тогда и которое сложилось благодаря особо счастливому стечению обстоятельств, и такое же безусловное повиновение младшего командного состава. Кумовство в деловых отношениях, господствующее ныне между помещицей и военной аристократией, вплоть до адъютантов императора, с одной стороны, и биржевыми спекулянтами, с другой, может легко отразиться роковым образом на снабжении армии во время войны. Германия будет иметь союзников, но она их покинет, равно

как и союзники покинут Германию при первой же возможности.

И наконец для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите — все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела наша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, мы не заплачем (*uns kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки (*doch*) неизбежна.

Лондон, 15 декабря 1887 г.

Ф р и д р и х Э н г е л ь с

ГАЯ-ГАЙ

КРАСНЫМ ЛАГЕРЕМ В ГЕРМАНИИ

У ВИСЛЫ

... Вот и река Висла. Перед нами в туманной мгле раскинулась, как гордая красавица, широкая голубая Висла — последняя преграда к столице панской Польши. Нам приказано форсировать многоводную глубокую реку и захватить столицу Пилсудского — Варшаву. Для этой цели уставшая Красная армия (III, IV, XV и XVI армии и мозырская группа), оторванная от тылов, с небольшими кадрами и почти без огнеприпасов, подошла к Висле и раскинулась тонкой ниткой вдоль реки на огромном фронте... Но польские армии, быстро отходя к Висле, при помощи империалистов, под непосредственным руководством французских генералов и инженер в, успели пополниться и сгруппироваться в трех укрепленных районах: армия ген. Галлера занимала район Новогеоргиевской крепости, армия г. н. Желиговского — варшавский укрепленный тет-де-пон, а сильная ударная группа Пилсудского уже сосредоточилась в районе Люблина, на реке Вепрж. С 13 августа 1920 г. на берегах голубой Вислы началось упорнейшее сражение. Красная армия старалась форсировать Вислу и захватить Варшаву.

По совету французского ген. Вейганда (б. начштаба Фоша) Пилсудский решил обрушиться на слабый левый фланг красного западного фронта и, поднявшись к северу, прижать красные армии к германской границе. Он так и поступил, и на этот раз ему по-

везло. В то время, как 3-й конный корпус, находясь в Данцигском коридоре, вел ожесточенные бои за укрепленные города Влоцлавск и Плоцк, сорокатысячная ударная группа Пилсудского напала на слабую мозырскую группу т. Хвейсина, рассеяла ее и вышла в тыл XVI армии, остатки которой успели прорваться к востоку... В свою очередь армия Желиговского, отбросив части III армии на восток, быстро поднялась к северу, к германской границе, куда днем раньше, разбив XV армию, направилась 5-я польская армия. Вся IV армия оказалась изолированной в Данцигском коридоре.

НА ГРАНИЦЕ

... Измученные и голодные остатки доблестного 3-го конного корпуса, после пятидневных упорных боев и прорывов через стены 1-й, 3-й 4-й и 5-й польских армий, вечером 25 августа 1920 г. собрались на небольшой полянке под г. Кольно у самой германской границы. В последний раз оставшиеся в живых командиры, комиссары и красноармейцы хотели вместе обсудить, нет ли еще другого выхода из создавшегося положения, кроме перехода германской границы.

Выхода не было...

С одной стороны перед нами была пограничная канава, за ней нейтральная буржуазная Германия; с другой — сильная польская армия, 14-я и 15-я познанские пехотные дивизии, на которые мы несколько раз отчаянно бросались с

голыми шашками, но отбросить их не смогли.

Двинуться вновь вперед было бы напрасной жертвой, а обойти противника было невозможно, так как с юга и с тыла все сильнее и сильнее напирала польская пехота и конница.

А там, влево, за канавой, уже на германской территории стояла пограничная стража. Товарищи, знающие немецкий язык, вступили с ней в разговор; от нее мы узнали, что вся IV и часть XV армий, около 80 тыс. чел., уже давно интернировались.

Назойливый вопрос, как быть, что делать, сверлил мозг. Нет огнеприпасов, нет снарядов, нет хлеба для людей и корма для измученных непрерывными походами коней.

Нет также и связи с частями Красной армии. Наше радио всю ночь посылало в пространство вызовы, но ответа ниоткуда не получало.

Ночь быстро наступала. Тяжелые снаряды противника все чаще и чаще гвоздили узкую поляну. Вот пулеметы противника с ближайшей горки справа начали косить наши ряды. Стонут раненые. Наши ряды редеют.

Мы все еще совещаемся и не можем примириться с мыслью о необходимости перейти эту проклятую черную канаву. Но вот кончилось историческое памятное совещание у самой границы двух буржуазных государств — Польши и Германии. Слышна в темноте последняя команда комкора:

— Сжечь радио и оперативные документы!..

На рассвете 26 августа 1920 г., с тяжелым сердцем, многие со слезами на глазах, но организованно, с развернутыми знаменами, с «Интернационалом», под убийственным огнем тяжелой артиллерии противника, мы перешли границу, уведя с собой в Германию 600 раненых красноармейцев, 2.000 пленных и 11 польских орудий... Гроза польской армии, боевой авангард красного западного фронта, 3-й конный корпус, перестал существовать...

Сердце сжималось от тоски и боли. Несколько раз останавливались. Тянуло на восток, к Советской России. Единственное, что несколько успокаивает

вало, — это сознание, что мы, нанеся колоссальный урон ненавистной панской армии, без огнеприпасов, без хлеба разбитые, но не побежденные, все же сумели интернироваться и не попасть в руки разъяренного врага.

Организованный переход границы совершился почти на глазах польских и французских офицеров.

«В момент, когда сильные польские клещи готовились сомкнуться у самой границы, вдруг раздались аккорды воинственной музыки, — это последние казаки, при звуках боевых труб, переходили прусскую границу...»¹, пишет один французский автор.

«В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ»

По международному праву правительство нейтральной страны обязано любезно принять интернированных, кормить их за счет той страны, к которой принадлежат интернированные, не издаваться над ними и не притеснять их за политические убеждения...

Однако льготные законы у буржуазии пишутся не для рабочих и крестьян, а тем более большевиков. Германское правительство смотрело на нас как на самых злейших врагов. Поэтому с первого же дня перехода Красной армией границы нас окружили колючей проволокой и непроницаемой стеной рейхсвера. Нас заставляли голодать. Держали изолированно, как больных чумой; запретили ходить по городу, разговаривать с кем бы то ни было. Тяжело, очень тяжело было переносить такую ужасную неволю, однако мы тут же реально почувствовали, что в лице германских рабочих мы имеем беззаветных защитников и верных друзей.

НАШИ МЫТАРСТВА

Первый лагерь, куда нас послали, был провинциальный небольшой город Арис, в котором уже находился до 40.000 интернированных красноармейцев и до 5.000 интернированных поляков.

По прибытии в Арис глазам нашим представилась ужасная картина. Ла-

¹ «Revue Militaire Française», 1922 г., № 8 и 9, статья F. Feoré «Варшавское сражение».

герь, рассчитанный на 5.000 чел., конечно, не мог вместить в десять раз большее число людей, а жить у обывателей нам не разрешали, поэтому в холодную осеннюю пору красноармейцев заставляли небольшими командами валяться в грязи под открытым небом. Арис превратился в огромный цыганский табор, где люди разместились, кто как мог. По ночам кругом горели костры, вокруг которых на сырой земле валялись красноармейцы, кони, повозки, имущество... К нашему несчастью, в эти дни непрерывно шли осенние дожди, а по ночам дул холодный ветер. Везде была грязь, лужи и нечистоты. Германское командование не могло, или просто не хотело, наладить продовольственный вопрос. Первые четыре дня интернированным не давали есть. Голодные красноармейцы начали поедать лошадей. От грязи и голода на-

чались инфекционные болезни: тиф, дизентерия, цынга и пр. Дисциплина в смешанных частях пала. Немецкие власти все это видели, знали, но молчаливо содействовали этому, имея, конечно, свои соображения как экономического, так и политического порядка. Дальше так продолжаться не могло. 28 августа по инициативе штаба корпуса было созвано общее собрание всего комполитсостава лагеря, где был избран начальник гарнизона (комкор 3) и семь комендантов лагеря (семь комдивов). Штаб 3-го конного корпуса превратился в «штаб интернированных войск Красной армии». Началась кипучая работа, упорнейшая борьба против начавшегося разложения.

Высшее немецкое командование вынуждено было признать все распоряжения и приказы штаба лагеря, очевидно

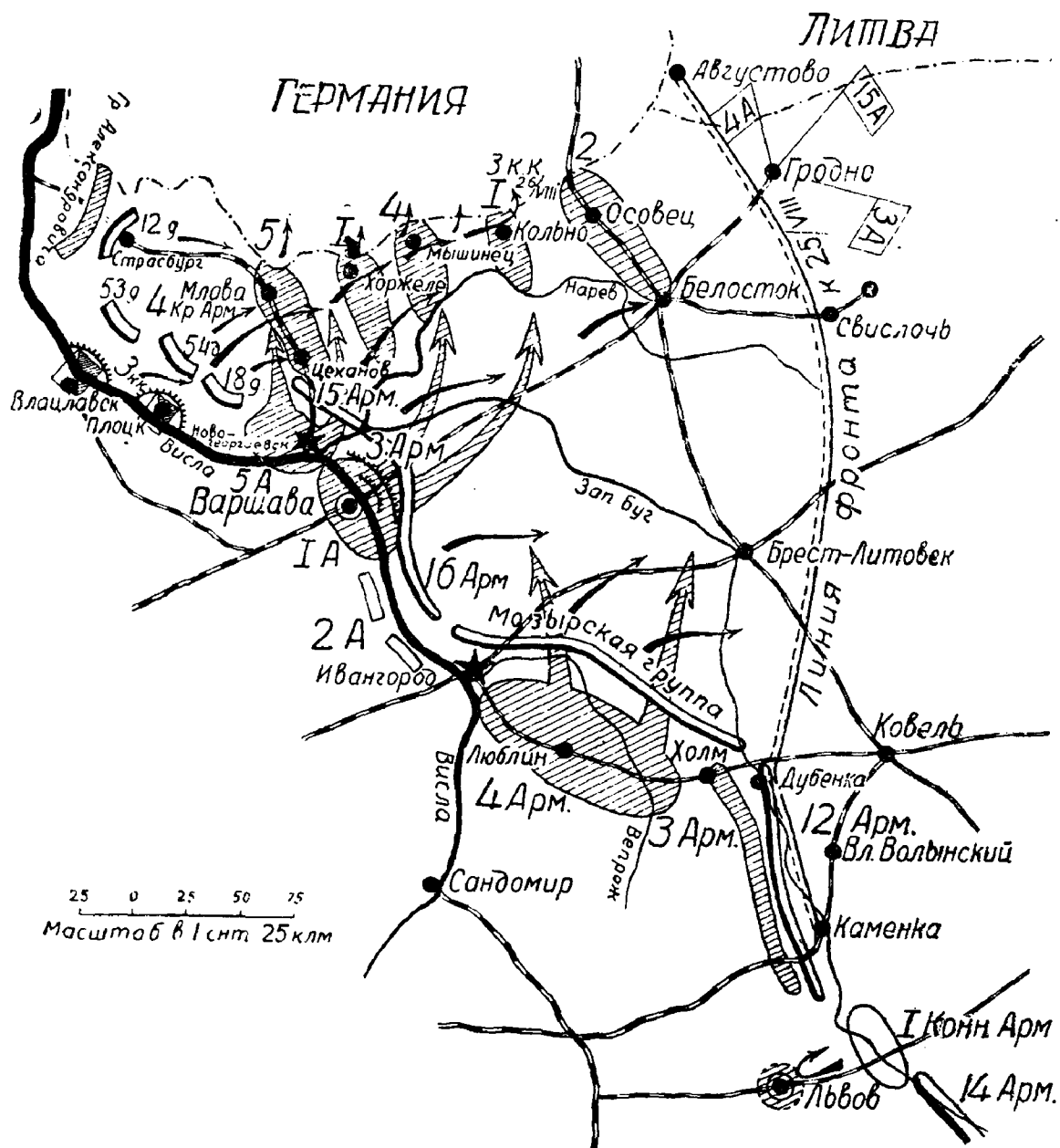

Схема контрудара поляков на Висле и прорыва частей Красной армии

боясь возмущения и без того озлобленных красноармейцев, которые не раз угрожали поголовным бегством и пожарами, в случае непризнания нашего штаба как организованного органа всей интернированной Красной армии.

Через неделю внутренний порядок лагеря был восстановлен, питание налажено, и все органы Красной армии восстановлены.

Но новая неожиданная беда вновь всколыхнула наш лагерь.

При содействии германского командования к нам в лагерь стали приходить целые стаи агентов Врангеля и Антанты. Они наводняли наши бараки прокламациями и белогвардейскими газетами. Пользуясь нашим тяжелым положением и обещая золотые горы, они хотели вербовать добровольческие отряды для отправки в Крым к Врангелю.

Но увы! Они ушли с пустыми руками... Только четверо или пять человек из комсостава Красной армии (все бывшие царские офицеры) осмелились одеть погоны и ругать советскую власть.

Вскоре меня пришли «навестить» представители бывших «союзников» — английский, французский и американский генералы, но ушли, осрамившись, освищенные, под общий смех красноармейцев корпуса.

Бедным белогвардейцам не повезло даже в германском лагере. В эти тяжелые дни, когда кругом было много испытаний и соблазнов, наши красноармейцы, хотя и голодные и оборванные, вели себя сознательно выше всякой похвалы. И в эти тяжелые дни, когда кругом нас шлялись многочисленные агенты Антанты и Врангеля, была послана телеграмма-клятва в Москву т. Ленину о том, что «мы на чужбине остались и останемся Красной армией — авангардом мировой пролетарской революции...»

Мало-помалу жизнь в лагере стала налаживаться. Все чаще и чаще приходили германские рабочие, которые приносили фрукты, продовольствие и самое дорогое для нас — русские советские газеты и брошюры.

Продолжалось это недолго. После организации штаба лагеря нам удалось добиться разрешения свободного выхода интернированных небольшими группами в г. Арис.

Однажды по приказу командующего войсками Восточной Пруссии ген. Эрхардта весь высший комполитсостав был собран во дворе его штаба. Когда мы собрались, нас, командиров, обманном путем отделили от военкомов. В то время, когда мы вели переговоры с ген. Эрхардтом, наших военкомов собрали на другой двор и оттуда, насильно посадив в закрытые автобусы, увезли в лагерь Кроссен.

Наш лагерь был окружен усиленным нарядом рейхсвера и полиции. Было объявлено военное положение, на всех выходах и перекрестках лагерных дорог были поставлены пулеметы. В тот же день штаб лагеря подвергся внезапному обыску. Уже стемнело, когда барак, в котором находился штаб корпуса, вдруг был окружен немецкими солдатами в стальных шлемах и в полном боевом вооружении. При попытке кого-либо выйти из комнаты в коридор или во двор немецкие часовые направляли в грудь штыки с грозным окликом «halt!» (стой).

Когда обыск комнаты окончился безрезультатно и офицер направился к «больной» жене, я громко и энергично стал протестовать против бестактного намерения офицера. Германский лейтенант, очевидно, был ошарашен моим грозным видом, окликом, а главное — удостоверением личности, которое я упорно совал ему в глаза. Бегло прочитав мое удостоверение, он сразу переменил тон, отдал соответствующий поклон и, назвав меня «господином генералом», просил разрешения удалиться. Я, едва сдерживая смех, кивнул головой, дав знать, что мол «можете убираться».

За время моего пребывания в Германии немецкие офицеры облекли меня титулом: «господин генерал Гай». Несмотря на мои неоднократные попытки разъяснить, что у нас в Красной армии нет чинов, они никак не могли согласиться со мной, что можно занимать должность командира корпуса, не бу-

дучи «господином генералом». Высшее немецкое командование снабдило даже меня соответствующим удостоверением личности: «Дано сие господину генералу Гай в том, что он действительно является командиром 3-го русского кавалерийского корпуса...»

Эта бумажка впоследствии не раз спасала меня в Германии от массы неприятностей и иногда выводила из затруднительного положения. Благодаря ей я ускользнул от опасности и на этот раз. Через тонкую перегородку барака слышно было, как немецкие солдаты и офицеры по очереди входили в комнаты сотрудников, производили обыск, выкликали фамилию того или иного партийца, которых после тщательного личного обыска выводили из барака. На следующее утро я узнал, что подобные обыски и аресты были произведены во всех бараках комполитсостава. В эту ночь вновь арестовали и изъяли из наших рядов несколько десятков партийцев и комиссаров.

В ГЛУБЬ ГЕРМАНИИ

Через три недели нас решили перебросить во внутренние лагеря Центральной Германии.

Переброска предполагалась по железной дороге через Данцигский коридор, но вследствие нашего протеста и нежелания ехать через польскую территорию было решено части 3-го конного корпуса отправить морем, через порты Кенигсберг, Штеттин, а остальные части через Данцигский коридор. Когда командующий войсками Восточной Пруссии генерал Эрхардт сообщил мне о предстоящей переброске интернированных, я настоятельно просил его дать разрешение штабу лагеря составлять списки эшелонов и устанавливать очередность отправки.

Мы хотели отправлять эшелоны интернированных войск, отнюдь не нарушая их организационной целостности, и по возможности разместить их компактно.

От командования удалось получить разрешение. Три дня в штабе кипела работа по составлению списков частей так, чтобы организованно разместить каждую дивизию в одном или двух ла-

герьях, вместе со штабами дивизии, бригад и полков.

В списках, представленных в штаб высшего германского командования, название частей и подразделение, конечно, не значилось; там говорилось только о том, что в лагерь Гамален надо отправлять эшелоны №№ 15, 16 и 17—5.000 чел., в лагерь Зальцведель — эшелоны №№ 18 и 19—3.000 чел. и т. д. Насколько мне помнится, наименование частей наших дивизий, а также порядок их следования в эшелонах знали только комдивы, военкомдивы и 2-3 сотрудника штаба лагеря. Командование Восточной Пруссии наши списки приняло, и в середине сентября началась отправка. Предпоследним эшелоном выехал штаб корпуса. Нам по плану предназначался лагерь Зальцведель (на 3-3¹/₂ тыс. чел.) недалеко от Берлина. Весь морской путь от Кенигсберга до Штеттина был совершен ночью на транспортах. Вдоль берега за нами все время следили зоркие лучи прожекторов польских сторожевых судов и морского флота Антанты. Очевидно, опасались, что нас могут отправить в СССР.

В ШТЕТТИНЕ

В Штеттин мы прибыли утром и после небольшого отдыха погрузились в эшелоны для дальнейшего следования. За отсутствием паровозов на станции пришлось долго стоять. Я вышел на вокзал узнать причину задержки поезда. Здесь же я пережил очередную неприятность и оскорбление. Рабочие и работницы с окрестных заводов и верфей, узнав о нашем приезде, пришли небольшими группами навестить нас. Они радостно поделились с нами молоком и белым хлебом. Красноармейцы объяснялись с ними жестами и мимикой, или просто каждый из нас говорил на своем родном языке. Это не мешало нам понимать друг друга. Я стоял на перроне с небольшой группой рабочих и мирно беседовал с ними. Вдруг ко мне подошел какой-то немецкий офицер, очевидно, умеющий читать и говорить по-русски. Внимательно осмотрев орден Красного знамени на моей груди, он громко прочел: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В это время вокруг собралась

большая толпа немецких солдат и рабочих.

— Что значит этот знак и за что его дают? — спросил он иронически по-немецки.

— Его дают за революционную храбрость. Это символ мировой пролетарской революции, — гордо ответил я.

Он зло рассмеялся и позволил себе действием оскорбить меня, обозвав одновременно меня «русской свиньей». Среди немецких солдат и рабочих поднялся невообразимый ропот.

— Не смейте оскорблять его, он наш товарищ! — кричали рабочие и солдаты, размахивая в воздухе кулаками.

В это время из эшелонов уже выскакивали наши кубанцы, и офицер, сообразив, что ему лучше сейчас же удрать по добру поздорову, в один момент скрылся за вокзалом под свист и крик толпы.

На следующий день мы прибыли на место назначения и выгрузились. К великому моему удивлению, взамен знакомых казаков и кубанцев корпуса я увидел перед собой трехтысячную толпу полураздетых людей.

Тут оказались: комендантская команда и команда по сбору оружия, взвод трубачей, команда связи, отдел снабжения, санитарная часть и хлебопекарня, казначейство и полевая почта,

обозники и тылы штаба IV армии и т. д. и т. п.

Когда эта неорганизованная толпа выстроилась на перроне и я обошел их, из моих уст невольно вырвалась фраза:

— Вот тебе и кавалерия!

Только четвертая часть наших двух эшелонов состояла из строевых частей: не помню, дивизион или три эскадрона кубанцев да плюс штаб корпуса и его оркестр, каким-то чудом оставшиеся нетронутыми. Оказалось, что германское командование перехитрило нас. Ночью на какой-то узловой станции, через которую проходили все эшелоны интернированных, в том числе и корпуса, наши поезда подверглись полному разгрому и были перемешаны. В то время, когда мы все крепко спали, железнодорожники по приказу администрации отцепляли или прицепляли вагоны от одного эшелона к другому и направляли их по различным маршрутам с таким расчетом, чтобы в корне нарушить весь организационный состав наших эшелонов. И, надо быть справедливым, германская администрация с этой задачей справилась блестяще. Впоследствии, путем переписки и связи мне удалось установить, что части 3-го конного корпуса были разбросаны по всем лагерям Германии до швейцарской гра-

Ausweis:

*Dem General Gau, Kommandant des
III. Infanterie-Regiments, gab die folgende
mit seiner Gattin Unterschrift in der Stadt
zu bezeugen.*

*T. Meier
Jägermeister Altdamm*

Удостоверение, выданное г. Гаю германским командованием в Альтдамме

ницы включительно и что такая же участь постигла и остальные пехотные дивизии. Германское командование, очевидно, задалось целью разбить сплоченность красных частей пехотной дивизии и 3-го конного корпуса.

СТОЛКНОВЕНИЕ С КОМЕНДАНТОМ ЛАГЕРЯ

По телеграфному распоряжению из центра комендант лагеря Зальцведель лейтенант Шольц должен был встретить нас на станции. Но на перроне его не оказалось. По прибытии эшелонов красноармейцы, согласно моему распоряжению, выгрузились и должны были построиться для осмотра. Но немецкие солдаты, очевидно по распоряжению коменданта, начали организовывать небольшие группы по 200-300 чел., с целью отправить их в лагерь отдельными партиями под конвоем. В отношении красноармейцев они вели себя возмутительно развязно, как будто имели дело с побежденной армией противника. Я вышел на перрон узнать, в чем дело; красноармейцы громко жаловались на грубое обращение немецких солдат. Я приказал сотруднику штаба корпуса позвать ко мне коменданта, который находился в буфете и пил пиво в компании немецких офицеров. Но он иронически ответил нашему посланному: «Ваш начальник должен сам явиться ко мне с докладом». Это сильно задело мое самолюбие и, наученный горьким опытом в Арисе, я решил с самого начала действовать решительно. Приказав построить красноармейцев, я вторично послал к коменданту с требованием немедленно явиться. Одновременно красноармейцы получили приказ: без моей команды не трогаться с места. Через десять минут вышел из вокзала пьяный комендант и, издали увидев строящиеся шеренги красноармейцев, начал орать на своих солдат за то, что они не исполнили его приказания. Я подошел к нему с злым выражением лица и, протянув мою магическую бумажку, закричал:

— Вы, лейтенант, потеряли понятие о воинской чести! Вы забыли, что перед вами не толпа безоружных людей, а часть великой Красной армии, не по своей охоте пришедшая к вам в гости!

Как вы смеете так грубо и бестактно обращаться с нами. Очевидно, вы привыкли иметь дело с военнопленными царской армии, но мы — не старая армия. Я не позволю издеваться над нами и сейчас же дам телеграмму в Берлин, германскому правительству о вашем поступке.

Эти фразы, сказанные мною громко, подбодрили наших красноармейцев, и я заметил, как они, одобрительно качая головами, старались своей послушностью и хорошей выправкой оправдать мои слова. А комендант Шольц, прочитав несколько раз мой «документ» и протерев кулаками пьяные глаза, ничего не мог ответить и почтительно отошел в сторону.

Когда красноармейцы построились и оркестр со знаменем стал на правом фланге, я со штабом корпуса прошел по фронту трехтысячной «армии» и громко поздоровался:

Красные орлы, здравствуйте!

Громкий и стройный ответ «здравствуй-те!» и бесконечное ура красноармейцев, слившиеся с пением «Интернационала», заставили немецкого коменданта, его солдат и всех граждан, видевших эту сцену, почтительно отдать честь нашим развернутым красным знаменам.

С развернутыми знаменами, под звуки марша, направились мы через г. Зальцведель в лагерь. Во время нашего шествия через город почти все жители вышли из домов и магазинов на улицу. Став шпалерами на тротуарах, они удивленно смотрели на наши колонны и спрашивали друг друга: «Что это за люди и куда они идут с мешками, оркестром и знаменами?». Здесь так же как и в пути, отдельные рабочие и работницы подходили к нашим колоннам, протягивая папиросы и съестные припасы.

На второй же день в местной газете «Зальцведель цейтунг» появилась заметка, сообщающая, что в город приехали «дисциплинированные, но ужасно дикие большевики в черкесках...»

Первым приказом по гарнизону лагеря Зальцведель был объявлен «Советской территории», на которой все законы советской республики, а также уставные требования

Красной армии полностью осуществлялись. Лагерь постепенно превращался в настоящую коммуны. Насколько мне помнится, мы имели еженедельный журнал, который писался от руки, но за отсутствием бумаги имел небольшой тираж. На всех наших приказах, газетах, листовках и даже удостоверениях в заголовке красовалось: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Да ведь иначе и быть не могло, так как все мы, отрядового красноармейца до командиров включительно, хотели и должны были остаться в буржуазной Германии верными гражданами советской республики.

За исключением небольшой кучки комсостава (главным образом, старых офицеров), весь состав лагеря единодушно и сплоченно работал над улучшением условий своей жизни и быта. Больно вспомнить, что среди кучки старых офицеров нашлись все же предатели и шпионы, которые регулярно доносили немецкому командованию о всех наших намерениях и мероприятиях.

Наши отношения с немецким комендантом довольно скоро обострились. Ближайшим поводом для конфликта послужил мой необдуманный поступок: ввиду того что все коменданты (городов, лагерей и пр.) подчиняются начальнику гарнизона, немецкий комендант получил от меня предложение «являться ежедневно в 12 час. к начальнику гарнизона с докладом». Это окончательно взбесило Шольца. Помню, он явился ко мне в сопровождении десяти вооруженных солдат с целью арестовать меня. Но это ему не удалось, так как, узнав об этом, красноармейцы собрались к штабу лагеря. Комендант с пеной у рта начал кричать и доказывать, что мы, находясь в Германии, осмелились организовать советскую республику, ведем себя вызывающе, что мы обязаны беспрекословно подчиняться ему и германским законам, что его приказы для нас обязательны, а между тем мы требуем от него ежедневного доклада! Чтобы выйти

Гая-Гай

из создавшегося положения, я ответил ему в мягкой форме:

— Лейтенант, ведь вы brave офицер, как видно, очень толковый военный. По вашим же законам я, как начальник гарнизона, обязан знать, что у меня делается, ну, например, кто заболел, кто в бегах, кто арестован, за какие проступки и т. д. Ведь у меня кроме вас другого коменданта нет, поэтому штаб и послал вам подобное отношение. Но, уважая вас, я готов освободить вас от личного доклада, если вы будете ежедневно письменно уведомлять меня о всех происшествиях в лагере.

Что же касается создания «советской республики» — да, мы признаем, что внутри лагеря мы автономны и никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела. Ваших десяти вооруженных солдат мы не боимся, так как у нас более трех тысяч, хотя не вооруженных, но вполне надежных. Кроме того ведь я и по вашим документам «господин генерал», значит, старший начальник, а вы ведь только лейтенант. Кто же кому должен подчиняться? Во всяком случае этот вопрос надо выяснить в Берлине.

Я чувствовал всю несуразность моих доводов, но надо было как-нибудь уладить конфликт. Дело кончилось тем, что Шольц ушел пожаловаться в Берлин и потребовать строгого наказания по отношению ко мне. Он исполнил свое обещание, но бедняга поплатился и сам: за неумелое управление лагерем и за «слишком мягкое отношение к русским» он был смещен с должности.

МОЙ АРЕСТ

До приезда нового коменданта его заменял старший адъютант — совершенно безвольный человек. У нас в лагере существовала немецкая лавка, где с ведома коменданта какой-то кулак продавал втридорога всякий хлам. Для борьбы со спекуляцией мы открыли свой кооператив, но вначале не могли конкурировать с немецкой лавкой, так как среди нас не было опытных людей, не было подходящего ассортимента товаров, нам не разрешали привозить товар из города, к тому же у нас не было кредита.

Из этого затруднительного положения нас вывели немецкие рабочие. Ночью, для нашего кооператива привозили товары, и к великому удивлению лавочника и коменданта наша кооперативная лавка постепенно наполнилась товарами. В конце концов кулак-лавочник, не выдержав конкуренции и бойкота, закрыл свою лавочку.

И в лагерь Зальцведель приходили — безуспешно — вербовщики Врангеля. Начали нам читать религиозные лекции. Но красноармейцы заявили, что лекции о вере и о боге они слышали не раз, было бы лучше, если бы им принесли чего-нибудь поесть, а что касается политических лекций, то они предпочитают слушать их из других уст.

Помню интересный случай. Один из наиболее назойливых пасторов, протестант, очень маленького роста и горбатый, но имевший огромный авторитет среди старых военнопленных, задумал во что бы то ни стало завоевать и наш лагерь. Он несколько раз приходил к нам в сопровождении русских военнопленных-протестантов (обманутых им же) с просьбой созвать общий сбор лагеря

для того, чтобы мы могли услышать «голос правды и господ». Я несколько раз заявлял им, что наших красноармейцев не интересует ни бог, ни его голос и что зря они обивают пороги лагеря. Но это не помогло, они пришли в сопровождении коменданта и уверяли, что я нарочно не хочу допустить их к массе. Я приказал созвать всех красноармейцев в театр. Когда наш клуб был переполнен красноармейцами, боголюбивый пастор был приглашен на сцену. Едва он поднялся на эстраду и вынул свое евангелие, в зале поднялся гомерический хохот, свист и т. д. Я едва спас бедного пастора от тачки, куда его хотели посадить красноармейцы. После этого случая белые нашли, что «почва в лагере невосприимчива», и больше не приходили.

Наконец приехал наш новый комендант, настоящий кайзеровский офицер, с большими закрученными кверху усами. Он привез с собой русского офицера, махрового белогвардейца, в качестве переводчика. С приездом нового коменданта начались наши мытарства. Очевидно, заранее предупрежденный кем-то о состоянии нашего лагеря, он сразу взял очень крутую линию, постепенно сводя на-нет все наши достижения. Одно за другим полетели в трубу все те куцые «права», которые были завоеваны нами при прежнем коменданте. Он занялся тем, что стал сеять раздоры в наших рядах. К сожалению, некоторые недостойные командиры из бывших офицеров попали в его сети и стали регулярно ходить к нему на поклон и за подачками. Для доносчиков комендант создал ряд привилегий: внеочередные отпуска в город, двойную порцию за обедом, угощал их водкой, папиросами и т. д.

Лично ко мне с самого начала он отнесся резко враждебно: прежде всего он лишил меня права ежедневно ходить в город. Комендант вновь открыл свою лавку, уменьшил раскладку на обед и ужин, усилил посты и количество солдат и т. д. и т. п. Между нами назревало столкновение. Однажды поздним вечером, вернувшись из города, у ворот лагеря я услышал звуки нашего оркестра, игравшего немецкий националь-

ный гимн «Дейтчланд, Дейтчланд юбер аллес». Я был крайне поражен. Войдя во двор лагеря, я увидел наш оркестр, игравший перед окнами комендантского управления. Я покраснел от злости и стыда: оркестр Красной армии исполняет кайзеровский гимн. Кровь бросилась мне в голову и, разогнав оркестр, я ворвался в кабинет коменданта. Его там не оказалось. Ударом ноги я распахнул двери соседней комнаты и увидел за столом компанию пьяных офицеров с комендантом во главе. Оказалось, что комендант праздновал день своего рождения. На мой вопрос, по чьему распоряжению и на каком основании он заставил наш оркестр играть контрреволюционный гимн, комендант, пожелтев от ярости, выругал меня площадными словами, бросив привычное слово «русская свинья».

Я не мог больше владеть собой. Но офицеры схватили меня за руку. После схватки вооруженные карабинами жандармы вывели меня за лагерь и бросили в особый барак, где я и был заключен. К сожалению, все это произошло поздним вечером, когда красноармейцы были уже в бараках, поэтому до утра никто не знал о моем аресте. Утром через проходящую мимо прачку

я дал знать о моем аресте. Красноармейцы заволновались и, собравшись у комендантского здания, предъявили ультиматум с требованием немедленно освободить меня, грозя в противном случае сжечь бараки, сорвать проволоку и разбежаться во все стороны. Были посланы срочные телеграммы в Берлин торгпреду т. Коппу, в бюро военнопленных и в военное министерство с резким протестом против моего ареста. На следующий день были получены ответы, что в лагерь едут представители бюро военнопленных и министерства для дознания на месте.

Лагерь бушевал, несмотря на то, что был переполнен немецкими часовыми и жандармерией. На третьи сутки ко мне явился русский офицер-переводчик и начал издеваться, заявив, что меня, как неисправимого большевика и буйного человека, отправляют сегодня вечером в дисциплинарный лагерь для уголовных, а оттуда, если вообще останусь жив, я буду направлен... к Врангелю.

В ответ на эту наглость он получил от меня увесистую пощечину и вылетел из камеры, как бомба.

Зная обо всем, что делалось в лагере, я вначале отнесся к угрозам бело-

Р.С.Ф.С.Р.

Ш т а б

**Интернированных
Войск**

**Красной Армии
лагеря Зальцведед.**

Stab

der internierten Truppen
der Roten Armee
Lager Satzwedel.

№ 279.

27 октября 1922

Удостоверение

*Дано сие тов Вшменову
Александру Константиновичу
в том, что он действительно
Начальник Штаба 3 Комного
корпуса, что подписью и
приложением казначейской
печатки удостоверяю
Начальник Гарнизона
Лагерь Комков.*

[Signature]

гвардейского офицера довольно спокойно, но потом, признаюсь, сомнение охватило меня, и я начал волноваться. Какие только мысли не приходили в голову: и самоубийство, и побег, и поджог барака...

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

Три дня прошли в нервном ожидании. Комиссии все нет и нет. Но вдруг мы получили радостный привет из Советской России: срочную телеграмму о том, что прибыл представитель РСФСР, который объедет все лагеря. На четвертый день моего ареста на автомобиле приехали в лагерь представители РСФСР т. Эйдук, председатель бюро военнопленных т. Каменский (Матушевский) и начальник отдела имперского правления (военмина) г. Бауер. Меня немедленно освободили из-под ареста, и, как ни странно, за мной пришел сам комендант лагеря. Он был бледен, как полотно, руки его дрожали, он извинялся и умолял считать инцидент печальным недоразумением, так как во всем якобы был виноват офицер-переводчик.

Ничего не ответив ему, я побежал в лагерь. Встреча с представителями была радостная... Красноармейцы несли их на руках с криками «ура». Мы все собрались в театре. Все были охвачены неопишим энтузиазмом. Так радостно было сознание, что мы сейчас стоим около человека, который только что приехал из Советского Союза.

Уезжая т. Эйдук сообщил мне, что уже заключено соглашение с немецким правительством об отправке нас партиями в Россию и что для подготовительной работы я должен через пару дней выехать в Берлин...

В БЕРЛИНЕ

В поезде до Берлина я невольно стал предметом всеобщего внимания. Моя кавказская черкеска с ее блестящими атрибутами и золотая шашка привлекали внимание пассажиров. Почти все немцы, пассажиры того купе, где я сидел, считали своим долгом подойти ближе и бесцеремонно пощупать сукно и украшения моей черкески.

Не обошлось и без курьезов. Какой-то храбрый офицер, которому, очевидно,

очень понравилась моя сабля, попросил продать ее ему. Я на ломаном немецком языке старался объяснить, что сабля — подарок моих боевых соратников и ее нельзя продавать. Тогда он повелительным тоном потребовал отдать ее ему, так как я русский и не имею права в Германии носить оружие. Я, конечно, воспротивился. Мнения пассажиров нашего купе разделились: более зажиточная часть поддерживала офицера, а пролетарская часть заступилась за меня. Дело кончилось тем, что главный кондуктор на какой-то станции пригласил жандармского офицера, который вошел в купе в сопровождении своих солдат. Выслушав заявление офицера, он сначала в грубой форме спросил меня, кто я и куда еду. Пришлось показать ему все имеющиеся у меня документы, а также телеграмму от Главного управления (военмина). Прочитав все бумаги, он почтительно отдал честь, громко объявив всем пассажирам, что едущий русский — «генерал», командир кавалерийского корпуса, едет в Берлин по требованию военного министерства и что с разрешения командующего войсками Восточной Пруссии его сабля оставлена при нем при интернировании... На этом все успокоилось. Возмущенный офицер перешел в другое купе, а я очень жалел, что не поехал в Берлин в гражданском платье.

Через две недели списки интернированных, официально едущих в Россию, были готовы. Лагери получили распоряжение к определенному сроку персонально направить всех предназначенных к отправке интернированных в центральный (сборный) лагерь Альтдамм (около Штеттина), где происходила посадка на пароходы. Туда выехал и я.

7 ноября в лагере Альтдамма состоялся грандиозный парад. 10 ноября третий эшелон интернированных стройными рядами, в сопровождении комитета и представителей рабочих организаций, направился в штеттинский порт. На пристани, у которой стоял огромный немецкий пароход, состоялся последний осмотр и проверка частей 3-го конного корпуса

Интернирование было кончено.

И. С. РАБИНОВИЧ

МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСКУССТВО

День 1 августа 1914 г. был днем мобилизации не одних только армий штыков и пушек, в этот день империалистической буржуазией были призваны также огромные армии художников всех родов художественного оружия. Одновременно с первыми поездами, умчавшими к границам первые партии людей и свинца, помчались по всем странам тысячи газетных и журнальных рисунков, полных лжи и обмана; на площадях заорали плакаты; скоро кровавый дурман вошел в выставочные здания.

Участие искусства в деле организации войны — явление не новое, это явление тянется через всю историю классового общества. Сохранившиеся до наших дней рельефы египетских и ассирийских гробниц, скульптура фронтонов греческих храмов, триумфальные колонны римских императоров, миниатюры писанных библий средневековой Европы, итальянские фрески эпохи разложения феодализма, вплоть до обильной продукции буржуазного искусства, наполняющей музеи всего мира — все это в большей своей части посвящено прославлению войны и, таким образом, организует сознание масс в соответствии с интересами господствующих классов.

Но если нет ничего нового в самом факте служения искусства милитаризму, то совершенно новые те приемы, те средства, к которым прибегало искусство в мировую войну. Их особенностью был откровенный цинизм, с которым буржуазное искусство выступило в качестве соратника империализма.

Газетная карикатура, журнальный рисунок, плакат, лубок, благотворительная марка и станковая картина — все слилось в один поток сознательной лжи, целью которой был обман масс.

Первое место занимает здесь ложь религиозная. Один из самых распространенных в мировой войне лубок озаглавлен: «Явлюся ему сам». На этом лубке изображен склонившийся над раненым воином Христос, подносящий ему исцеляющую чашу. Во время знаменитых сражений в августовских лесах в русской армии был распространен целый ряд лубков «Знамя августовской победы». Все они в разных вариациях представляли явление войскам богородицы с младенцем, предвещающее победу.

К работам, использовавшим религию, относятся многочисленные рисунки, представлявшие противника в виде врагов христовых. Та-

ков рисунок голландца Луи Реймейкера в журнале «Телеграф» 1914 г., на котором немцы рубят распятие, а также его же рисунок «Бог с нами», на котором немцы издеваются над святым Христом. Нет нужды умножать примеры, необходимо только отметить, что трудно назвать какую-либо из воюющих стран, которая отстала бы в этом деле.

Вторым руслом, по которому направлялась ложь милитаристской пропаганды, была фиксация внимания масс на жестокости «врага». Группа этих произведений — самая многочисленная. Число газетных и журнальных рисунков, плакатов, лубков, показывающих «вандализм», «варварство» и «зверства» врага, совершенно не поддается учету.

Плакат англичанина Франка Рейнольдса «Триумф науки и культуры» показывает озверелого немецкого солдата, который на фоне развалин городов, держа в одной руке винтовку, а в другой — факел, шагает по трупам женщин и детей. «Подождем, пока она напьется, а потом убьем ее», такая подпись сделана под рисунком Пульбо, на котором немцы следят из-за кустов за девочкой, подающей воду раненому немцу. На рисунке художника Калля немецкий солдат приводит свой костюм в порядок после изнасилования женщины. Из текста под рисунком мы узнаем что на вопрос пострадавшей: «Несчастный, чем вы занимались до войны?» солдат отвечает: «Я был профессором морали».

Что касается немцев, то они обвиняют русских в тех же преступлениях, при помощи тех же приемов. Художественная продукция всех воюющих стран представляет собою невыносимое однообразие работ, повторяющих одни и те же сюжеты и идеи и лишенных единой искры подлинного творчества. Совершенно справедливо говорит Томпсон об этих работах в своей книге «Рабочее движение и карикатура»: «Одинаковы были не только темы, но и их обработка. Французский карикатурист брал немецкий рисунок и рабски подражал ему, немецкий в свою очередь копировал француза и подставлял под его рисунок свой текст».

В этот ответственный момент в числе тех, кто прививал трудящимся массам яд буржуазной идеологии, оказался и такой художник, как Стейнлен — попутчик рабочего класса на большом участке своего творческого пути.

Люди и война — «Дело»

[Рис. Франса Мазреля]

Говоря здесь о лжи, мы не думаем сказать, что зверств не было. Они были, и число их многократно превосходит число зарисовок их художниками всего мира. Ложь же буржуазного искусства в том, что зверства, общие всем без исключения милитаристским странам, каждый художник относит исключительно на счет «врага».

В истории этого похода буржуазного искусства на сознание трудящихся масс особая позорная страница вписана партиями II интернационала. Адресуя свои издания рабочему-читателю, эти партии делали все, что могли,

Люди и война — «Пресса»

[Рис. Франса Мазреля]

чтобы отвести пролетариат от подлинных классовых корней мировой бойни. Здесь первое место занимает немецкая с.-д. со своей богатой прессой.

На заглавном листе с.-д. журнала «Правдивый Яков», в номере от 28 августа 1914 г., во всю величину листа помещен рисунок, на котором изображены немцы, неистово молотящие цепями пораженных союзников. Рисунок снабжен надписью: «Ну, детки, теперь айда! Теперь начнется настоящая молотья».

В том же журнале, в номере от 29 октября 1916 г., опубликован рисунок «Карусель Гинденбурга»: мчащаяся по кругу карусели немецкая кавалерия поражает стоящих вокруг врагов. На карусели высится фигура Гинденбурга, а с небес глядит на все это господь бог, внимающий по телефонной трубке воплям падающих.

Не будем дальше перечислять шовинистические рисунки, которыми с.-д. художники украшали страницы партийной печати; укажем толь-

Люди и война — «Церковь»

[Рис. Франса Мазреля]

ко на карикатуру, изданную Революционным комитетом пропаганды в Берлине, направленную против антиимпериалистической агитации Карла Либкнехта. Стоящий в центре рисунка Либкнехт дико размахивает дубиной весьма внушительного размера, сокрушая малых детей и превращая фабрики в развалины. Надпись над рисунком: «Если ты не хочешь быть моим братом, я раскрою тебе череп». В «революционном комитете» заседали с.-д., и во главе его стоял Карл Каутский.

И лишь начиная с 1917 г., появляется ряд художников, работа которых должна быть противопоставлена всему этому потоку буржуазной лжи, захлестывавшему в течение трех лет мировую прессу. То была группа художников, сложившаяся под влиянием борьбы русского

Карусель

и мирового пролетариата против войны, в особенности под влиянием Октябрьской революции. Здесь можно было бы назвать имена Белла Унца, создавшего серию из шестнадцати композиций «Против империалистической войны», Отто Дикса, автора пятидесяти офортов «Война». Первое же место здесь принадлежит Франсу Мазрелю и Георгу Гроссу, у которых оказалось достаточно революционного сознания и воли к борьбе, чтобы направить свое творчество против империализма в период всеобщего ослепления художественного мира.

Ежедневно Мазрель на газетных страницах помещал свои рисунки, имевшие единственную тему: лицемерие политики империалистов, единственную целеустремленность: показать настоящего виновника войны и раскрыть ее буржуазную классовую основу. Принесенные телеграфом отрывки речи Вильсона или Клемансо, разглагольствования Вильгельма или Пуанкаре, воззвание епископа кентерберийского или трусливо елейная болтовня с.д. деятелей—все это буквально в тот же час расшифровывалось мазрелевскими рисунками, представлялось им в своем настоящем свете, в своем истинном смысле.

«Заря великого дела»—озаглавлен рисунок Мазреля, изображающий восход солнца, озаряющий жуткое поле битвы, сплошь усеянное изуродованными трупами. А под рисунком слова из речи Вильсона: «Американский народ не щадит ни своей крови, ни своих денег, чтобы дать возможность человечеству увидеть зарю того дня, когда восторжествуют право, справедливость и мир».

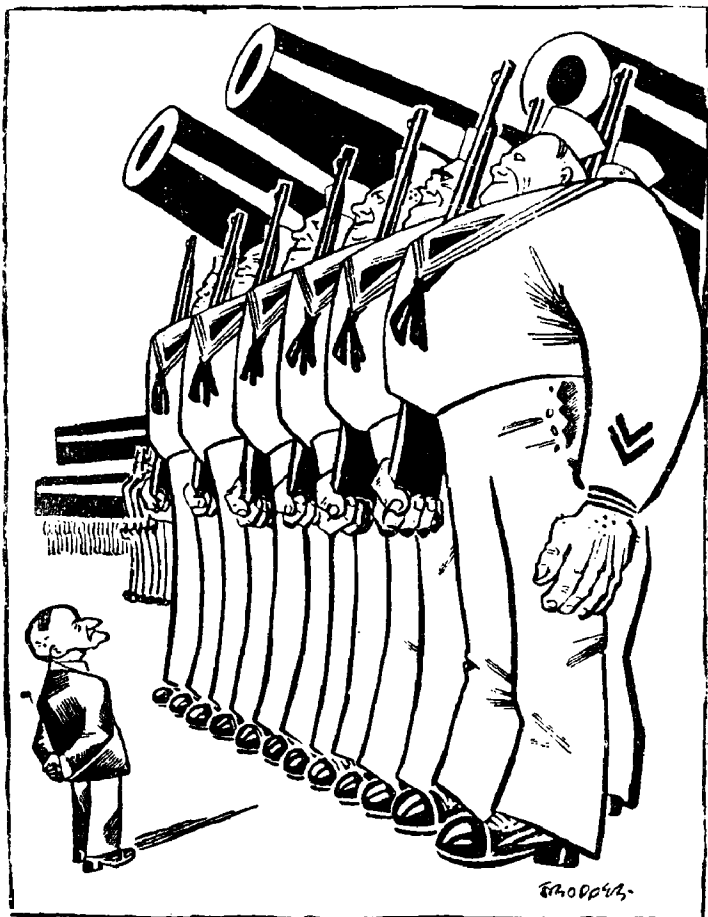
Сообщение телеграфа из Вашингтона о том, что набег германских лодок на САСШ не произвел там никакого впечатления, иллюстрируется Мазрелем рисунком, показывающим внут-

ренность роскошного ресторана, где буржуазная знать мирно сидит за бокалами.

В своем цикле «Люди и война» Мазрель пытается дать возможно полный облик великой войны и вполне правильно ставит в центре этого цикла три рисунка: «Дела», «Церковь», «Пресса»—последовательный показ виновника войны, его главных прислужников: капитала, религии, наемной печати.

Простота средств Мазреля, оперирующего лишь черным и белым, делала его работы доступными и понятными, превращала их в могучее средство агитации.

Военные работы Гросса, как и работы Мазреля, имеют в своей основе стремление разоблачить буржуазное общество, показать его истинное классовое обличье. Одна из книг Гросса, в которой собраны некоторые его работы на тему мировой войны, так и называется: «Лицо господствующего класса». Военные работы Гросса—работы политического борца. Недаром художник впоследствии примкнул к пролетарской революции в Германии. Образы Гросса до крайности конкретны, и поэтому они были так действительны, поэтому так велика была агитационная сила. Чтобы показать, что настоящая причина войны—капиталистическая прибыль, Гросс дает лист, сплошь покрытый знаком процентов. Чтобы разоблачить лицемерную роль религии, содействующей войне, Гросс на рисунке «Слушайте начальства» показывает рядом с организаторами войны—генералами—священнослужителя. Человек, на одной руке которого написано «Bürgerliche Presse» (Буржуазная пресса), вонзает

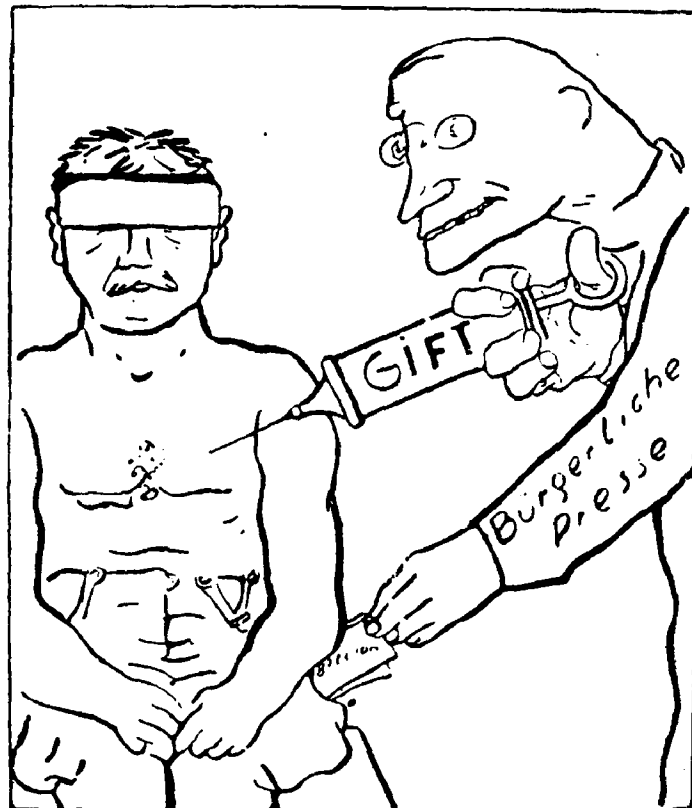
Президент Кулидж: «Америке нужен большой флот, большая армия!»
Рис. Гроппера

другой рукой в тело рабочего шприц с надписью: «Gift» (яд)—таков грессовский образ империалистической прессы. И чем проще эти образы, тем больше они насыщены классовой ненавистью: они мстят, они издеваются. Рисунки Гросса—орудие борьбы. Отсюда понятен длинный ряд судебных процессов, возбужденных против Гросса.

Мы знаем примеры художников, выступавших и ранее против милитаризма. Когда Людовик XIII, вторгнувшись в Лотарингию, просил художника Жака Калло увековечить взятие французами Нанси, Калло отказался и вместо прославления Людовика создал изумительную серию из восемнадцати листов «Великое бедствие войны», в которой ужасы войны даны как обобщенное явление, с которым война органически связана. Мы знаем, что в то время как такие выдающиеся художники, как Гро и Жерико, отдали все свое искусство на прославление Наполеона, Франсиск Гойа (1746-1828) создал серию из нескольких десятков листов «Бедствие войны», которая никогда не потеряет своего значения как мощный протест против милитаризма.

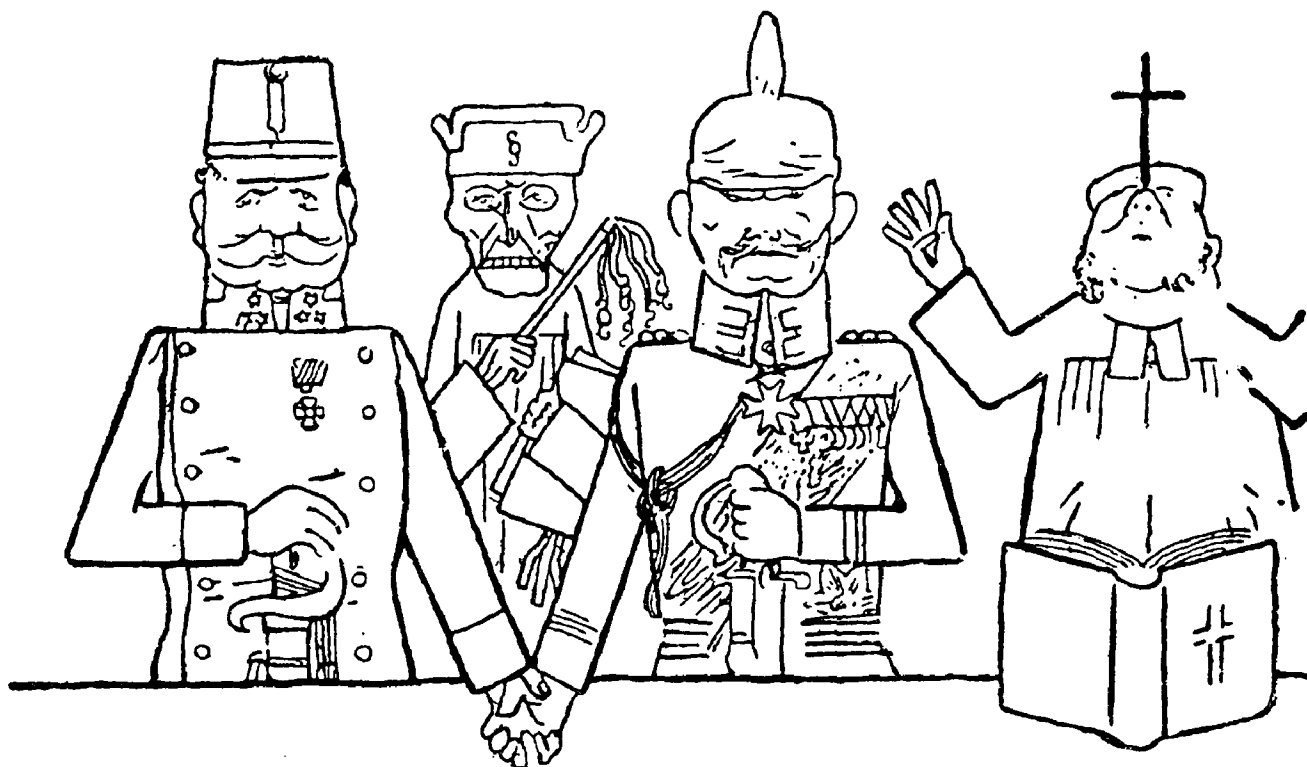
Но Калло выступал против французов как национальных угнетателей, как и испанец Гойа выступал против наполеоновского гнета. Они не связывают борьбы с милитаризмом с борьбой против классового господства.

Октябрь помог Мазрелю и Гроссу понять, что борьба против войны возможна только как классово-революционная борьба против господствующего мирового капитала.

Буржуазная пресса впрыскивает яд в тело пролетариата
Рис. Георга Гросса

От редакции. Прекрасное представление об антивоенном изобразительном искусстве дает открытая в московском Парке культуры и отдыха антиимпериалистическая художественная выставка.

«Слушайте начальства!»

Рис. Георга Гросса

В. АЛЬТМАН

ЧТО ЧИТАТЬ О МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Для того чтобы правильно понять причины мировой войны 1914-18 гг., ее ход, последствия и неизбежность новых войн, порождаемых самой системой империализма, необходимо иметь ясное представление об особенностях эпохи империализма. Блестящий анализ империалистической стадии капиталистического развития дан в книге *Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»* (собр. соч. 2-е изд., т. XIX).

В этой работе, направленной свсим острием против каутскианства и вообще против оппортунизма II Интернационала, Ленин с исчерывающей глубиной исследует характерные черты, отличающие империализм как последнюю стадию капитализма, на основе которой вырастают новые грандиозные войны.

Рассматривая ленинское определение империализма, И. В. Сталин, между прочим, говорит следующее: «Второе противоречие — это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории. Империализм есть вывоз капитала к источникам сырья, бешеная борьба за монопольное обладание этими источниками, борьба за передел уже поделенного мира, борьба, ведомая с особым остервенением со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих «места под солнцем», против старых групп и держав, цепко держащихся за захваченное. Эта бешеная борьба между различными группами капиталистов замечательна в том отношении, что она включает в себе, как неизбежный элемент, империалистские войны, войны за захваты чужих территорий. Это обстоятельство в свою очередь замечательно в том отношении, что оно ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиций капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции» (И. Сталин, «Об основах ленинизма»; «Вопросы ленинизма», стр. 7—8, изд. 2-е, доп. ДБГ, 1930).

Кроме «Империализма», большинство статей того же XIX т. собр. соч. Ленина написано на темы войны и Интернационала, точно так же как и в XVIII т., который хронологически относится к первой половине войны. Основная

тема, красной нитью проходящая через оба тома, — это измена II Интернационала, разоблачение оппортунизма и «всесторонняя проверка взглядов, которые должны были послужить идейной базой III Интернационала» (Ленин).

В документах и материалах, приложенных к этим томам, помещен ряд исторических резолюций, тезисов, обращений, связанных с деятельностью штургартского, базельского конгрессов, циммервальдской левой и др.

Среди литературы, специально посвященной вопросам империалистской войны, необходимо, прежде всего, выделить книгу М. Н. Покровского «Империалистская война» (сборник статей 1915 — 1930, 2-е изд. Комкадемии, 1931). Несмотря на то, что статьи, составляющие содержание сборника, писались в разное время на протяжении пятнадцати лет, книга представляет собой совершенно цельное марксистско-ленинское исследование истории мировой войны. Остроумные и блестящие статьи по-революционному отвечают на казуистический вопрос буржуазных ученых о «виновниках войны». Ряд статей и предисловий М. Н. Покровского к работам о происхождении войны таких авторов, как Пуанкаре, Каутский и к советским сборникам дипломатических документов, давая ответ на буржуазную и социал-фашистскую ложь и освещая документы ярким светом марксистско-ленинского анализа, делают книгу лучшей из имеющейся литературы об империалистской войне.

Необходимую подготовку для чтения этой книги дает сам по себе очень интересный популярный очерк М. Н. Покровского «Внешняя политика царской России в XX в.».

С фактической историей империализма и международной политики знакомят работы из собр. соч. покойного М. Павловича, которое вышло под общим заглавием «Империализм и мировая политика последних десятилетий» (Л. Гиз. 1925). Том I представляет собой известную книгу автора «Империализм», заключающую в себе, наряду с большим количеством фактического материала, развитие неверного взгляда автора на империализм как на «современную форму завоевательной политики, диктуемой прежде всего интересами металлургической промышленности». Концепция М. Пав-

ловича, противопоставлявшаяся ленинской теории империализма, получила в свое время в марксистско-ленинской литературе заслуженную оценку. Печать этой концепции лежит и на всех остальных работах М. Павловича. Это очень важно иметь в виду, так как никто из желающих сколько-нибудь серьезно ознакомиться с эпохой империализма или историей мировой войны, не сможет пройти мимо содержательных работ т. Павловича.

Том II его сочинений — «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего» — специально посвящен вопросу о причинах мировой войны. Главы этого тома: Багдадская дорога (борьба за Малую Азию), Трансперсидский путь (борьба за Среднюю Азию и дорога на Индию), Трансафриканские пути, Панамский канал и, наконец, Великие рельсовые и морские пути в послевоенный период.

Том III посвящен борьбе империалистских хищников за Азию и Африку.

Том V — «Мировая война 1914—18 гг. и грядущие войны» — состоит из четырех частей: в первой из них яркими красками описывается рост военной индустрии Англии, Германии и Франции в предвоенные годы. Вторая часть рассказывает о военных бюджетах европейских государств накануне войны и о военной подготовке их. В третьей разбирается вопрос о неизбежности новых войн. В части четвертой дается история применения химических средств в военных действиях.

Из книг буржуазных авторов, ценных с точки зрения описания фактов, на первом месте нужно указать книгу американского профессора Томаса Паркера Муна «Империализм и мировая политика» (Гиз, 1928). Автор — пацифист, и его точка зрения нам чужда, но книга дает богатый и умело подобранный материал. Автор довольно добросовестно изложил факты империалистического грабежа и эксплуатации, в особенности там, где речь идет не о родине Муна — Соединенных Штатах.

Значительно слабее книга Г. П. Гуча «История современной Европы» (Гиз, 1925). Это перевод с английского, значительно сокращенный. Гуч является одним из апологетов английского «либерального» империализма, и потому совершенно естественно, что он замазывал ряд фактов жестокости английских колониальных войск и т. п. Следует отметить, что когда Гуч писал эту книгу, ему ничего не было известно из послевоенных публикаций, кроме первой серии немецкого издания дипломатических документов «Die grosse Politik».

Совершенно особо приходится отметить известную книгу «академика-интервента» Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма» (Гиз, 1928). Она посвящена истории Европы с 1871 г. и кончается подведением итогов версальского мира. Стержнем книги является мировая война. Антантофильская установка Тарле, подтасовка материала с целью доказать, что «Антанта поспешила занять позицию защищаемого» и пр. делает книгу политически вреднейшей, пытающейся воспитать читателя

в явно империалистском, «антантовском» духе (М. Н. Покровский).

Читателю, желающему поглубже изучить роль России в мировой войне, следует ознакомиться с дискуссией о природе русского империализма. В суть споров вводят доклад и прения по докладу Н. Ванга «О характере финансового капитала в России» (см. «Труды I всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I, изд. Комкадемии, 1930).

В 1919 г. Каутским были опубликованы четыре тома документов германских архивов из истории мировой войны. Русский перевод книги Каутского «Как возникла мировая война» (изд. «Красная новь», 1924) дает в сжатом виде сущность этих документов. Разоблачая вильгельмовское правительство, он, сам того не желая, срывает одежды, прикрывающие неприглядную наготу германской пособницы Еильгельма. Этому немало способствует прекрасная вступительная статья М. Н. Покровского «Как же возникла мировая война» (помещена также в книге «Империалистическая война»), которая не только «намечает общую раму событий лета 1914 г.», но и разоблачает установки «разоблачений» Каутского.

Обильно документированная брошюра т. П. Шубина «Как фабрикуются поводы к войнам» («Моск. рабочий», 1927) ставит своей целью разоблачить механику подготовки войны соединенными силами тайной дипломатии, социал-фашистов и пацифистов.

Решающим фактором в развитии противоречий всей мировой истории в ее послевоенный период все больше и больше становится Советский Союз, основной проблемой мировой политики является борьба между капиталистическим миром и страной строящегося социализма. Позиция в отношении советской страны является серьезным вопросом для каждого буржуазного правительства. Проблема взаимоотношений Советского Союза с капиталистическими странами разработана в серии института мирового хозяйства и мировой политики под ред. Е. Пашуканиса и М. Спектатора «10 лет капиталистического окружения СССР» (изд. Комкадемии, 1928). Серия состоит из семи книг: Иванов, Л.—«СССР и империалистическое окружение», Бах, М.—«Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой», Ерусалимский, А.—«Германия, Антанта, СССР», Пушас, И.—«Современная Польша и СССР», Виноградов, Б.—«Мировой пролетариат и СССР», Галкович, М.—«Восток и СССР», Горфинкель, Е.—«СССР и мировое хозяйство».

Ленин не раз имел случай высказаться на тему о послеверсальском периоде капитализма. Помимо специальных выступлений Владимира Ильича на международные темы, во всех его речах и статьях послевоенного периода (начиная с т. XX) разбросаны меткие характеристики состояния буржуазного мира.

И. Сталин (см. политические отчеты ЦК на партийных съездах) также непрестанно подчеркивает противоречия версальской системы и указывает на неизбежность новых столкновений, новой борьбы за передел мира, на угрозу

интервенции и на то важное обстоятельство, что существующая система противоречий неизбежно приведет к взрыву международной пролетарской революции.

Вопрос об экономических последствиях Версаля освещен в книгах известного английского экономиста Д. ж. М. К е й н с а «Экономические последствия версальского договора» (2-е изд., Гиз, 1924) и «Пересмотр мирного договора» (Гиз, 1924). Эта работа (вторая книга является продолжением первой) передает содержание экономических статей версальского мирного договора.

Небольшая популярная и вместе с тем обстоятельная книжка Л. И в а н о в а «Мировая политика после Версаля» («Моск. рабочий», 1927) конкретно выясняет сплетшиеся после войны узлы международных отношений, которые буржуазия неизбежно будет пытаться разрубить мечом войны.

Интересной теме посвящена другая работа того же автора «Англо-французское соперничество 1919—1927» (с предисл. Е. Б. Пашуканиса, Гиз, 1928). Противоречия между этими двумя империалистическими державами, являющиеся одним из основных моментов современных международных отношений, составляют содержание книги.

Октябрьская революция, распахнувшая двери дипломатических тайников, сделала известным колоссальное количество документов первостепенной важности. Советское правительство сразу после Октября приступило к опубликованию этих документов.

Вопрос о франко-русских отношениях накануне войны представляет большой интерес. Документы, вскрывающие «миролюбие» Франции и России и в частности показывающие, как велась подготовка русского «пушечного мяса» французским капиталом, изданы специальным сборником «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.» («Сборник секретных дипломатических документов б. императорского российского министерства иностранных дел», Москва, 1922).

Сборник Центрархива «Царская Россия в мировой войне» (Гиз, 1926) с предисл. М. Н. Покровского является ценным собранием документов, расположенных по темам так, чтобы выяснить отношения России с Турцией, Болгарией, Румынией и Италией к началу войны.

Богатая переписка за 1914—1917 гг. на тему о разделе Турции сосредоточена в книге «Раздел Азиатской Турции» (по секретным документам б. министерства иностранных дел, под ред. Е. А. Адамова, Литиздат НКВД, 1924).

Большому узловому вопросу международной политики посвящена двухтомная публикация «Константинополь и проливы» (по секретным документам б. министерства иностранных дел.)

Нужно сказать, что советские публикации документов мировой войны сыграли огромную политическую и научную роль. Однако они страдали рядом недостатков (неполнота, подчас случайность подбора документов, отсутствие археографической обработки, примечаний). Сейчас под руководством М. Н. Покровского широко развернута работа по изданию большой

многотомной советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма». Уже вышел из печати т. I (14) «1 янв.—12 марта 1914 г.»¹

Ряд материалов из области дипломатической переписки и деятельности министерства иностранных дел был опубликован в разное время журналом «Красный архив».

Момент организации войны в правительственном аппарате недурно отражен опубликованными в т. 4 «Красного архива» «Поденными записями» того, что делалось в министерстве иностранных дел в критические дни лета 1914 г. Не менее интересен «Дневник министерства иностранных дел» за 1915—16 гг. («Красный архив», тт. 31 и 32).

В пяти томах «Красного архива» (тт. 26—30) помещены с предисл. М. Н. Покровского подготовленные к печати А. Л. Поповым и снабженные примечаниями «Письма из ставки верховного главнокомандующего в министерство иностранных дел». Эти материалы, читающиеся с большим интересом, дают очень много для истории русской военной дипломатии.

Кроме того, в отдельных томах «Красного архива» печаталось немало материалов по внешней политике царского и Временного правительств (например «Переписка Янушкевича с Сазоновым»—т. 1—3, «Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг.»—тт. 33 и 34, «Россия и алжезирасская конференция»—т. 41-42).

Мемуарная литература об империалистской войне очень обширна и интересна. Недостаток места не позволяет нам включить сюда обзор ее. Поэтому мы вынуждены ограничиться только приведением списка наиболее интересных изданий, полагаясь на то, что имена авторов помогут читателю ориентироваться при выборе тех или иных книг для чтения.

Пу а н к а р е, Р. «Происхождение мировой войны».

Б ь ю к е н е н, Д. ж. (бывш. англ. посол в России) «Мемуары дипломата», Гиз, 1924.

Л о р д Б е р т и. «За кулисами Антанты». Днев. брит. посла в Париже 1914—1919. Гиз, 1927.

В и л ь с о н В у д р о. «Мировая война. Версальский мир». По документам и запискам председ. американского комитета печати на версальской конф. Р. С. Беккера. Гиз, 1923.

Н и т т и Ф. «Европа без мира». П. 1923.

В и л ь г е л ь м П. «Мемуары. События и люди 1878-1918». М. 1923.

Г и н д е н б у р г. «Воспоминания». М. 1923.

Л ю д е н д о р ф Э. «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.» Тт. I и II. Гиз, 1923-24.

Г е н. Г о ф м а н. «Война упущенных возможностей». Гиз, 1925.

Адмирал Т и р п и ц. «Из воспоминаний». Гиз, 1925.

Г р. П у р т а л е с (быв. герм. посол в России). «Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г.».

О. Ч е р н и н (бывш. австр. министр ин. дел) «Мемуары. В дни мировой войны». Гиз, 1923.

Ш е й д е м а н Ф. «Крушение германской империи». Гиз, 1923.

¹ Подробнее об этом издании см. ниже специальную заметку.

«ЛЕНИН ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ».—ОГИЗ—«Московский рабочий». 1931. Сборник статей и речей Ленина.

Сборник «Ленин об интервенции» вполне отвечает потребности широкого советского читательского актива получить марксистски-ленинскую установку в вопросах международного положения, центральным моментом которого является подготовка новой войны и интервенции против Советского Союза.

В сборнике собраны статьи и речи Ленина, посвященные первому туру интервенционистских актов против страны советов. Вопросы, затронутые Лениным в его статьях, остаются животрепещущими до самого последнего времени. Ленин со всей присущей ему четкостью показывает исторические условия, благодаря которым оказалось возможным существование страны пролетарской диктатуры бок о бок с капиталистическим миром.

В первый момент после Октября в центре внимания партии и масс стоял вопрос о мире. Пойдя на переговоры с немцами, советское правительство спасло от разгрома единственную страну пролетарской диктатуры. Это оказалось возможным благодаря тому, что незаконченная империалистическая война помешала созданию общего капиталистического фронта против советской страны. «Специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от международного империализма, — говорит Ленин. — «Величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалось к этому времени разделенной междуоусобной войной на две группы» (стр. 27). Заключив с одной из них мир, пролетариат обеспечивал дальнейшее развитие революции. Ко времени окончания мировой войны и начала развернутой союзнической интервенции он сумел не только дать почувствовать массам все блага мира, но и создать Красную армию.

Во время интервенции капиталистический мир располагал гораздо большей военной мощью, чем та, которую противопоставляла ему советская Россия, победа же осталась за последней. Чем объяснить это?

Ленин дает на это четкий и определенный ответ.

Сходясь в своей ненависти к советской России, империалистические страны не имели и не могли иметь настоящего единства между собою. Каждая из держав действовала одна против другой, каждая стремилась урвать добычу и не допустить полностью воспользоваться ею другой стране.

Всякий раз, когда дело доходило до решительного выступления против советской России, стремление заранее договориться о дележе добычи, заранее обеспечить свои интересы, брало

верх над желанием нанести общий удар. «Делили шкуру неубитого еще медведя», говорит Ленин. При этом дележе противоречия между отдельными странами сказывались немедленно. А рядом было другое немаловажное условие: «Союз крестьян и рабочих, под руководством пролетарской государственной власти, поднят — как завоевание всемирной истории — на невиданную высоту» (стр. 187). Капиталистические же страны вынуждены были отказаться от использования своих солдат против пролетарской революции. «Войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной советской России».

После поражения первой интервенции Антанты предприняла новое нападение на пролетарскую революцию, организовав войну Польши против советской России. Однако Польша понесла ряд жесточайших поражений, а главное — последняя война еще раз убедила международную буржуазию в том, что советская республика крепка не только потому, что имеет у себя сплоченный фронт и тыл, но еще и тем, что имеет союзника в тылу у противника: союзник этот — пролетариат. Именно пролетариат сорвал осуществление грандиозного плана сокрушения пролетарской революции, одной из составных частей которого и являлась война Польши против советского государства.

Рабочие начали создавать «комитеты действия» и мешать доставке оружия и прочего снабжения польской армии. Буржуазия вынуждена была признать необходимость сожительства со страной Советов. Но это «мирное» сожительство не может длиться до бесконечности. Ленин говорил, что «опыт истории революции, крупных конфликтов учит тому, что войны, ряд войн неизбежен... Советская республика, окруженная капиталистическими странами, это такая недопустимая вещь для капитализма, что всякую возможность возобновления войны они ухватят» (стр. 73).

Подобренные в хронологическом порядке статьи и речи Ленина являются незаменимым пособием для всякого докладчика по вопросам внешней политики Советского Союза и его международного положения... Используя высказывания Ленина по вопросу об интервенции, лучше всего можно мобилизовать и приковать внимание к тому, как идет подготовка войны и интервенции против советской России и нарастание революционной бури в странах капитализма.

Сборник снабжен примечаниями, небольшим указателем литературы, краткой летописью событий, имеющих непосредственное отношение к империалистической интервенции в 1918-20 гг., предисловием и послесловием редакции и составителей. Эти замечания облегчают ориентировку читателя в материале сборника; по-

«Предисловие представляет собой в частности краткую справку об основных установках в вопросах международного положения, дававшихся в политических отчетах ЦК ВКП(б) т. Сталиным на XIV, XV и XVI съездах партии. Однако необходимо отметить, что для того круга читателей, на который рассчитан сборник (докладчики), было бы весьма не бесполезно, если бы составители в своих вводных предисловиях дали не столь общую характеристику современного международного положения СССР и в большей мере остановились бы на особенностях отношений с каждой из капиталистических стран в отдельности. Не лишним было бы также снабдить сборник кратким предметным указателем. Отсутствие указателя обязывает читателя, интересующегося высказываниями Ленина в отношении той или иной определенной страны или группы стран, разыскивать и подбирать их на всех двухстах страницах довольно убористого текста.

О. Ч а а д а е в а

К. ФАЛЬКЕ, «КРАСНАЯ АРМИЯ В РУРЕ», Военгиз, 1931 г. (пер. с нем. по рукописи), стр. 131, ц. 1 р. 25 к.

Героическая борьба германского пролетариата, который в мартовские дни 1920 г. единодушно выступил против капповского путча и против режима Носке, расчищавшего монархистам путь к власти, совершенно не освещена в русской литературе. В частности, событиям в Руре, где буквально в несколько дней сложилась красная армия с числом бойцов свыше 100.000, посвящена всего только одна журнальная статья в «Военном вестнике» за 1924 г. (если не считать прекрасного романа К. Грюнберга «Пылающий Рур»). Поэтому нельзя не приветствовать появление работы Фальке, которая является не только первой к н и ж к о й на русском языке о событиях, связанных с капповским путчем, но и вообще первой работой, освещающей борьбу в Руре с точки зрения опыта вооруженной борьбы пролетариата.

На основе тщательного изучения фактического хода борьбы автор рисует процесс формирования отрядов Красной армии, их борьбу с рейхсвером, процесс создания и деятельность военных центров.

Книга рисует в целом яркую картину революционной подвижности и активности, беззаветной храбрости и решимости, которые проявил рурский пролетариат.

Однако работа Фальке имеет очень существенный недочет: автор сосредоточивает почти все свое внимание на военной стороне дела, не уделяет должного внимания политической обстановке, тактике партий и их борьбе между собой. Не приходится долго говорить о том, что подобный подход к вопросу не мог не помешать правильному и всестороннему изучению опыта вооруженной борьбы, поскольку гражданская война есть наиболее острая форма классового боя, поскольку, следовательно, только политически заостренное освещение этой борьбы может дать правильное представление о движущих силах и условиях развития борьбы,

равно как и о причинах ее поражения. В особенности это относится к вопросу о руководстве движением. Так, например, автор не вскрывает ошибок, допущенных после измены голленского центра, выразившихся в том, что эссенцы шли на выполнение билефельдского соглашения и продовольственного ультиматума в надежде, что таким путем можно будет лишить правительство доводов в пользу выведения войск в Рурскую область, сохранить завоеванные пролетариатом в Руре позиции.

В книге Фальке также недостаточно освещена деятельность мюльгеймского центра, между тем она представляет большой интерес для выяснения позиции «коммунистической рабочей партии Германии» роли анархо-синдикалистских элементов в рурской борьбе.

Книга Фальке снабжена предисловием, автор которого пытается в сжатой форме заполнить основной пробел книги и дать сжатую характеристику политической обстановки и тактики КПГ. Нельзя не отметить, однако, что это предисловие ни в какой мере не разъясняет событий, местами оно даже искажает оценку обстановки. Так, автор предисловия утверждает, что неясность позиции «Спартака» (точнее, КПГ) «в конце концов была основной причиной того, что пролетариат в мартовских боях не м о г п о б е д и т ь» (стр. 4, разрядка автора). Такую оценку причин поражения пролетариата в капповские дни в свое время (в 1924 г. в органе германской организации КПГ «Der Funk») давал пресловутый Маслов, но она совершенно не верна, ибо исходит из явной недооценки силы и влияния с.-д., особенно независимой, и переоценки сил и возможностей коммунистической партии, тогда очень малочисленной (особенно в Руре организации КПГ были малочисленны), совершенно не оправившейся от раскола, во время которого более половины членов партии ушло вместе с «левой» оппозицией. Поэтому-то и неверно утверждение, что непонимание коммунистической партией своей роли «как е д и н с т в е н н о й р а б о ч е й п а р т и и» дало в Гагене правым вождям независимой с.-д. возможность удерживать в своих руках политическое руководство борьбой до тех пор, пока не произошел разгром движения (стр. 6, р а з р я д к а а в т о р а).

Автор предисловия не учитывает огромного влияния независимых в Руре, их утонченно предательского поведения, слабости коммунистической партии. К тому же утверждение, что гагенский военный центр сохранил политическое руководство борьбой до разгрома движения, не соответствует действительности: с момента образования эссенского центра роль Гагена ослабевала, к концу борьбы его влияние было значительно подорвано.

Несмотря на указанные недочеты, книга т. Фальке может быть смело рекомендована всем интересующимся борьбой германского пролетариата за свое освобождение. Живое изложение, обилие схем и карт, наличие интересных документов облегчают чтение книги.

И. Р а б и н с в и ч

РЕШЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПО ВОПРОСУ „ОБ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ“

1. В связи с важнейшим решением ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» по инициативе А. М. Горького президиум О-ва историков-марксистов призывает всех членов о-ва, все отделения и ячейки содействия к самому активному содействию издания «Истории гражданской войны».

Эту работу всемерной помощи — путем непосредственного участия специалистов-историков в издании, путем собирания и обработки материалов, документов, воспоминаний — необходимо сделать одной из центральных задач О-ва историков-марксистов, всех его отделений на местах.

О-во историков-марксистов должно сделать работу содействия этому изданию широкой и систематической политической кампанией всего исторического фронта, мобилизовав для этой цели все необходимые силы и средства. Эту работу необходимо связать также с подготовкой к 15-летию Октябрьской революции.

2. Свою работу О-во историков-марксистов должно вести в тесном контакте с военной секцией Комакадемии, ин-тами по истории партии и истпартами на местах, партизанскими комиссиями и ассоциациями пролетарских писателей.

3. Первоочередными задачами президиум о-ва считает широкую популяризацию этого решения ЦК и научно-общественное обсуждение плана издания.

4. Необходимо развернуть работу ячеек содействия на предприятиях, в комвузах и вузах по учету активных участников гражданской войны и привлечению в ряды о-ва товарищей, выявивших себя на работе по собиранию материалов, писанию воспоминаний и т. д.

5. В ближайшее время необходимо на местах и в центре провести ряд научных и научно-популярных докладов на крупнейших предприятиях, в совхозах и колхозах, дать ряд статей и очерков в «Историке-марксисте», «Борьбе классов» и др. исторических журналах, поместить ряд статей о задачах истории гражданской войны и методах работы по собиранию материалов в местной печати и т. д.

6. Для обсуждения работы по содействию изданию «Истории гражданской войны» местными отделениями необходимо в течение сентября провести специальные совещания на местах и конкретный план работы представить в президиум О-ва историков-марксистов к 1 октября. В план работы о-ва в целом, его секций и отделений на местах необходимо включить: 1) организацию кабинетов по истории гражданской войны, связывая эту работу сообразно с местными условиями и музеями революции; 2) организацию кружков активных участников гражданской войны на предприятиях, в совхозах и колхозах; 3) налаживание консультационной и библиографической работы; 4) собирание материалов путем специальных поездок в важнейшие пункты гражданской войны; 5) помощь в выявлении архивных материалов и т. п.

Ко всем отделениям О-ва Историков-марксистов
ко всем историкам-марксистам.

Редакция журнала „Борьба классов“ обращается
к вам с просьбою прислать к следующему номеру
журнала свои предложения по поводу издания „Истории
гражданской войны“.

Редакция

ОТБИРАЮТ „КАНДИДАТОВ ДЛЯ ИСТОРИИ“

Секция истории пролетариата института истории в своей работе по изучению нового в рабочем классе встречает на предприятиях самое живейшее сочувствие и поддержку. Особенно это отмечается на тех предприятиях, где о секции местные партийные и общественные организации и рабочие знают по ее предшествующей работе. Здесь поддержка принимает наиболее действенный характер. Так, на Трехгорной м-ре в работе по отбору лучших ударников, автобиографии которых в связи с изучением «нового в рабочем классе» секцией было предложено записать и опубликовать, приняли активное участие фабком, цеховые комитеты и бригады рабочих фабрики. На заседании общефабричного комитета, состоявшемся 19 мая, было решено начинание Комакадемии приветствовать и активно помочь секции в ее работе.

Всем цеховым комитетам фабком вменил в обязанность обсудить и выдвинуть кандидатуры лучших ударников на бригадах, производственных коллективах и коммунах, по обсуждении списков по цехам—составить общий сводный список лучших ударников предприятия и на одном из ближайших заседаний снова поставить этот вопрос на обсуждение общефабричного комитета. О составлении списка лучших ударников было решено информировать рабочих через газ. «Погонялка». Вся эта работа в цехах была проделана с большой тщательностью и вниманием. Выделены действительно самые лучшие ударники — всего 26 рабочих; на каждого выделяемого составлена особая характеристика, отмечающая производственный стаж, участие в общественной работе и др. моменты. Среди выделенных ударников—члены совета, лучшие общественники, инициаторы и организаторы производственных коммун и коллективов, бригадиры коммун, изобретатели. В некоторых цехах дополнительно была выдвинута кандидатура директора комбината т. Полозкова — лучшего ударника из административно-технического персонала.

8 июня список лучших ударников был обсужден и утвержден на пленуме общефабричного комитета. При обсуждении списков на заседаниях фабкома рабочими обращалось усиленное внимание на то, чтобы действительно были отобраны самые лучшие. «Это материал для истории, на этом будут учиться другие; ни одного не должно быть такого, который незаслуженно будет выделен как лучший ударник», говорили рабочие.

Список лучших ударников Трехгорки в ближайшее время будет дополнен еще фамилиями товарищей, выдвинутых ею на советскую, партийную и профессиональную работу. По далеко неполному списку, Трехгорка за последние три года дала свыше 300 работников советским, партийным, профессиональным и кооперативным органам.

18 июня состоялось совещание ударников и бригады Комакадемии, выделенной анкетно-биографической комиссией для записывания их автобиографий.

В ближайшее время работа по собиранию автобиографий ударников будет развернута полностью и охватит несколько десятков рабочих. В эту работу будет вовлечен весь коллектив работников секции. После того как спыт в этой новой для секции работе будет подытожен, она полностью будет развернута и на других предприятиях.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Группа по изданию дипломатических документов империалистической эпохи и изучению внешней политики царизма в эпоху войны входит в состав комиссии при ЦИК СССР по изданию дипломатических документов эпохи империализма. Вся же работа комиссии проводится под руководством Института истории. Пять томов за 1914 г. уже сданы в печать. Один из этих томов вышел уже в свет. Сейчас готовятся к печати еще пять томов. Три из них охватывают август 1914 г. — октябрь 1915 г. Два тома из этой серии уже в основном готовы (без примечаний). Два же последних тома охватывают предвоенный период (1911—1912 гг.) и будут готовы к концу текущего года. Таким образом, в 1931 г. будет сдано в печать пять больших томов дипломатических документов, а с уже сданными — всего десять томов. Начата предварительная работа по выявлению документов за период октябрь 1915 г. — сентябрь 1916 г.

О большом политическом и научно-исследовательском значении этой публикации говорит тематика хотя бы одного взятого наугад VII тома, готовящегося к печати бригадой Нотовича. Вот главный перечень тем этого тома, охватывающего период с 1 января по 10 мая (по старому стилю) 1915 г.: 1) Константинополь и проливы; 2) Лондонские переговоры о вступлении Италии в войну; финансирование войны (русско-англо-французские переговоры в Париже в январе 1915 г.); 3) Борьба Антанты за вовлечение в войну Болгарии, Греции и Румынии; 4) Адриатическая проблема; 5) Итало-сербский вопрос; 6) Югославская проблема; 7) Демарш Швеции в Риме против вступления Италии в войну; 8) Англо-русское соперничество в Персии и насилия обеих стран над Персией; 9) 21 требование Японии к Китаю; 10) Монголия (русско-китайско-монгольские переговоры). Все означенные тома выйдут одновременно на русском и немецком языках.

Крупнейшее германское издательство заключило договор с комиссией по изданию дипломатических документов эпохи империализма на право одновременного издания первой серии на немецком языке. Одно японское издательство добивается также приобретения права на перевод этих документов.

Появление в свет этой публикации облегчит научно-исследовательскую работу по империализму. Она явится мощным политическим орудием борьбы против империализма. Известно, какое большое политическое значение придавал Ленин систематическому и полному изданию дипломатических документов войны, хранящихся в бывших царских архивах. Эту публикацию уже стараются заранее опорочить в лагере империализма. Еще до ее появления в свет Пуанкаре-война считал нужным авансом взять под сомнение подлинность публикуемых документов (см. его статью в «Ехселсиор» 1930 г.). Это неудивительно: Пуанкаре есть чего опасаться. Один из царских дипломатов, бывший посланник в Болгарии Савинский, прибег к другому методу опорачивания нашей будущей публикации. Он опубликовал в 1930 г. некоторые фальсифицированные документы, якобы подлинные копии его собственных донесений из Софии.

Группа, работающая над публикацией документов, приступает к научно-исследовательской работе над ними же.

Рабочий план этой группы на 1932 г., одобренный директором Института истории, охватывает пока следующие работы:

1. Внешняя политика русского банкового капитала накануне войны — Б. Г. Вебер.
2. Основные вопросы внешней политики и внутривосточная борьба в царской России — А. Л. Попов.
3. Царская Россия и Багдадская жел. дорога — В. Н. Хвостов.
4. Англо-русские противоречия в Персии накануне войны — В. В. Альтман.

5. Царская Россия в предвоенном кризисе — А. С. Еру-
салимский.

6. Вступление Италии в мировую войну и царская Рос-
сия. — Ф. Нотович.

7. Царская Россия и вступление Болгарии в войну.

СЕКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

15 июня в секции промышленного капитализма состоялся доклад Р. Авербух «Русская интервенция в Венгрии в 49 г.».

Докладчик на основе переписки русских послов с канцелярией министерств, хранящейся в Архиве революции и внешней политики в Москве, рассмотрел международное положение России в момент революции 48 г. и в последующий 49 г. Докладчик подробно охарактеризовал борьбу помещичьей России с буржуазной революцией Запада и также подчеркнул контрреволюционную роль венгерского похода в 49 г.

О БИБЛИОТЕКЕ «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ».

Выпуск в свет отдельных книг приложения — «Всемирной истории» происходит с опозданием. Виной этому ряд обстоятельств, о которых мы вкратце и сообщаем нашим подписчикам.

Библиотека «Всемирная история» ставит своей задачей осветить методом марксизма-ленинизма все основные периоды социально-исторического развития мира. Так как это издание было задумано в виде отдельных законченных книг-монографий, то для ускорения выпуска их в свет было решено выпускать книги не в хронологическом порядке, а по мере подготовки их к печати. Кроме того, мы предполагали, что немедленно сумеем сдать в печать ряд уже печатавшихся работ, сохранивших свою ценность и поныне, однако, анализ намечавшихся к переизданию старых работ показал, что все они нуждаются в значительной переработке, что требует дополнительного времени. От части первоначально предполагавшихся переизданий, мы вовсе вынуждены были отказаться. Редакция стала на путь

широкой подготовки специально написанных для нашего издания работ (процент новых трудов в нашей Библиотеке, таким образом, резко повышается), для чего пришлось привлечь большое число историков-марксистов разных специальностей. Это мероприятие и явилось главной причиной задержки выхода в свет книг Библиотеки «Всемирной Истории».

Другой очень существенной причиной задержки является напряженное положение нашей полиграфической промышленности.

В настоящее время и редакция Библиотеки «Всемирной Истории» и Издательство «Огонек» принимают самые энергичные меры для скорейшего выпуска книг в свет. Сейчас уже набраны и заканчиваются техническим оформлением четыре книги. Первая — «Очерки истории пролетариата СССР» — является первой большевистской работой на эту тему; книга эта написана коллективом историков-марксистов Б. Б. Граве, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой, К. Ф. Сидоровым и М. С. Юговым. Другая книга из числа уже сданных в производство — «Ранние буржуазные революции»; сюда вошли работы, посвященные двум наиболее типичным в ряду ранних буржуазных революций — Нидерландской революции XVI века (автор Н. М. Пакуль) и Английской революции XVII века (автор В. Ф. Семенов). Третья книга принадлежит перу М. Н. Покровского. Эта книга — известная работа «Очерки истории революционного движения в России»; книга заново переработана для этого издания и дополнена двумя новыми статьями. Четвертая книга — «Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв.» Д. О. Заславского.

Все эти книги снабжены большим количеством иллюстраций, портретов, факсимиле и исторических карт. Выходить в свет они начнут в августе.

В самое ближайшее время поступят в редакцию следующие рукописи: «Первобытное общество» — коллективная работа работников Государственной академии материальной культуры под ред. Быковского и Маторина; «История рабовладельческих обществ» — Тюменова; «Феодализм в Западной Европе» — Косминского и Гукковского; «Крестьянские движения в России» — Гомсинского; «История техники» — Милонова; «Мировая война» — Блисковицкого; «Очерки истории САСШ в эпоху империализма» — Райского; «История Белоруссии» — под ред. Сербента; «История Дагестана» — Тахо-Годи и др.

С 1 сентября Акционерное издательское общество „Огонек“ постановлением соответствующих органов переименовано в **ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.**

Переименование это завершило собой уже давно происходивший процесс расширения издательской деятельности „Огонька“, ставшего в настоящее время основным типизированным издательством по массовой периодике. В систему издательства к моменту переименования входит около тридцати массовых журналов и газет, являющихся органами крупнейших наших культурных, литературных, технических и др. объединений и добровольных обществ.

Подписная цена: 1 год—10 руб., 6 мес.—5 руб. 50 коп., 3 мес.—3 руб.

Редакционная коллегия: В. Далн, Х. Лурье, П. Меллис, А. Панкратова (отв. секретарь), М. Н. Покровский (ответ. редактор), Н. Н. Попов, Ем. Ярославский (зам. ответ. редактора).

Упожн. Главлита В—9210. Издатель: Журнально-газетное объединение. Вып. Б. Шнейдер.

Отп. в „Интернациональной“ (39) тип. «Мособлполиграф», Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3. Зак. 12-6. Тираж. 15.000. Ст. Ат Б, 176×250 мм ¹/₁₆ д. л. Общ. число печ. знаков 150.000. Издание № 16. Журнал сдан в набор 4 августа, подписан к печати 8 сентября 1931 года.